

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2017

Выпуск изображений

Юлия Хартвиг (1921-2017) была одним из самых важных голосов польской поэзии XX и начала XXI века. Писала также эссе, книги для детей, занималась переводом. В годы войны была в Армии Крайовой и училась в тайном Варшавском университете. После войны училась в университетах в Люблине, Лодзи и Варшаве. Была стипендиаткой французского правительства, потом работала в польском посольстве во Франции. Дебютировала сборником стихотворений «Прощания» (1956). Автор многих книг стихов, а также монографий о Гийоме Аполлинере и Жераре де Нервале. Переводила американских и французских поэтов. В 1972-1974 годах жила вместе с мужем Артуром Мендзыжецким в США. Результатом этой и следующих поездок стал «Американский дневник» (1980). Вместе с мужем издала антологию американской поэзии (1992). В 2003 г. опубликовала первую в Польше антологию американских поэтесс в своих переводах. Лауреат многочисленных престижных наград в области литературы, в частности Премии им. Южиковского, американской награды Торнтон Уайлдера, премии Польского ПЕН-клуба, награды Министра культуры за совокупность творчества, премии им. Виславы Шимборской.

Из беседы с Юлией Хартвиг (НП, 7-8/2006): «Я исхожу из того, что прекрасно само существование, факт, что мы есть на этом свете. Что у нас есть возможность чувствовать, видеть, слышать, делать собственные открытия. Но это не означает, что я мирюсь со злом. Против проявлений зла я протестую, и это можно увидеть в моей поэзии. Правда, я стараюсь никогда не обличать — я понимаю, что человеческая натура очень сложна. В ней всегда кроется множество противоречий. Мы и соглашаемся с окружающим миром, и сражаемся против него. Мне кажется, что поэзия и в целом литература отражают столкновение этих двух сил». Фото К. Дубеля.

Из беседы с Юлией Хартвиг (НП, 7-8/2006): «Безусловно, существуют вещи, против которых человек бессилен. Например, он ничего не может сделать для того, чтобы его любимый человек не умер. Но если говорить о решении человеком своей судьбы, я придерживаюсь оптимистического взгляда. Я

убеждена, что человек способен себя формировать. И это самое важное. Мы не имеем права пренебрегать своими способностями и теми возможностями, которые встречаем на своем пути. Человек должен развиваться, для этого ему и дана жизнь. (...) Я убеждена, что без огромных усилий по осуществлению своих планов человек не может состояться как личность. И необязательно для этого становиться известным, главное — внутреннее ощущение своей ценности». Фото К. Дубеля.

Из беседы с Юлией Хартвиг (НП, 7–8/2006): «Я просто в ней [польской поэзии] существую. Всё, что близко моему сердцу, было создано польскими поэтами — от Яна Кохановского до Адама Мицкевича и Чеслава Милоша. Тот факт, что я жила в разных странах, занималась изучением и переводами американской и французской поэзии, безусловно, сыграл свою роль. Однако я воспринимаю поэзию как нечто целое, нечто над временем и местом». Фото К. Дубеля.

Содержание

1. И жили долго и счастливо
2. Экономическая жизнь
3. Хроника (некоторых) текущих событий
4. Молодые, образованные, разочарованные
5. Эмигранты
6. Сибиряки... по собственному желанию
7. Тайна чемодана генерала Серова
8. Дерево
9. Культурная хроника
10. Следы присутствия Магдалены Абаканович
11. Традиция разрушения традиции
12. Судьбы книг
13. Книга не такая, как все
14. О бумагомарательстве
15. Стихотворения
16. Рафал Воячек (1945–1971)
17. Миф Рафала Воячека
18. Запах театра
19. Фасад и задворки
20. Выписки из культурной периодики
21. Збиг из Белого дома
22. Заметки о Вацлаве Гавеле
23. Профессор — это не оскорбление
24. Обращение

И жили долго и счастливо

Правительство приняло многолетний финансовый план. Запланировано просперити: быстрый экономический рост, снижение уровня безработицы, сокращение дефицита сектора публичных финансов, а также уменьшение публичного долга. Звучит как сказка. И так же, как и в сказку, — трудно в это поверить.

План простой. Польская экономика в ближайшие годы будет быстро развиваться благодаря реализации плана Моравецкого, евросоюзным инвестициям, а также растущим доходам поляков, которые, в свою очередь, будут способствовать увеличению потребительского спроса. В этом году ВВП возрастет на 3,6%, в будущем — на 3,8 %, а в двух последующих темп роста достигнет 3,9%. Как утверждает вице-премьер и министр развития и финансов Польши Матеуш Моравецкий, после 2020 г. у нас есть шанс удержать эти 4 %, а может быть, темп даже ускорится.

Пока он может безнаказанно давать такие обещания, но не может планировать, поскольку многолетние финансовые планы государства охватывают только четыре бюджетных года. Такой документ требует Европейская комиссия, а также Совет министров финансов и экономики (ЭКОФИН), готовящий рекомендации, которые касаются экономической политики государств-членов и которые следует учитывать при проектировании бюджета на следующий год. Это часть программы конвергенции, т. е. достижение стандартов, необходимых для введения евро в качестве общей валюты. Сегодня трудно в это поверить, но Польше предстоит выполнить это обязательство.

Магический шар вице-преьера

Делать прогнозы трудно, особенно если дело касается будущего — гласит известное изречение, приписываемое датскому физика, лауреату Нобелевской премии Нильсу Бору. В справедливости этого высказывания в течение последнего года мог убедиться вице-премьер Матеуш Моравецкий, который последовательно пытается прогнозировать экономический рост. И никак у него это не выходит.

В ноябре 2015 г. он говорил: «Мы бы хотели, чтобы рост ВВП в Польше был более 4%. Мы верим, что благодаря инвестициям, экспорту мы сможем добиться не только увеличения ВВП,

превышающего сегодняшние прогнозы, но и сбалансированного и здорового роста». Однако в бюджете государства на 2016 г. был предусмотрен рост ВВП меньше, чем ожидал вице-премьер — 3,8 %, т.е. такой же, как в 2015 году. Но было обещано, что в 2017 г. будет уже 4%.

Экономисты и международные финансовые институты достаточно скептически приняли этот план, назвав его нереальным. Большинство экспертов прогнозировало, что если удастся превысить отметку в 3%, то это будет успех.

Пессимисты пророчили более низкий темп, за что на них набрасывались и обвиняли их либо в заговоре, либо в крайней некомпетентности.

Вице-премьер быстро сориентировался, что заоблачных результатов на деле достичь не удастся, но заверил: «В этом году у нас есть шанс, и я думаю, что мы добьемся 3,7–3,8%». В августе стало понятно, что дела идут вовсе не так, как хотелось бы. Поэтому в следующий раз он сбавил тон: «Есть шанс превысить отметку в 3,5%. Это означает, что за весь год ВВП вырастет на 3,4–3,5%, то есть немного ниже запланированного». В октябре он лаконично сообщил:

«Прогноз роста за весь 2016 г. составляет 3,4%». Впоследствии по поводу 2016 г. Моравецкий уже не высказывался. А в январе 2017 г. Главное статистическое управление (ГСУ) обнародовало неутешительные данные: «По предварительным оценкам ВВП в 2016 г. вырос на 2,8% по сравнению с 3,8% в 2015 году». В апреле же ГСУ снизило свои оценки: «ВВП в 2016 г. вырос на 2,7%». Так с обещанного вице-премьером роста более 4% мы скатились до 2,7%.

Несмотря на это Польша — как оказалось — добилась исключительных экономических успехов.

— Мы говорим «экономика плюс», и этот плюс стоит прибавить, учитывая, что она развивается все быстрее и становится все сильнее, — утверждала премьер-министр Беата Шидло на конференции, на которой она присутствовала вместе с Матеушем Моравецким.

О скверных итогах 2016 г. Беата Шидло не вспоминала. Она сосредоточилась на более важном, с ее точки зрения, марте 2017 г, в котором ГСУ зафиксировало большой рост розничных продаж и увеличение объема реализации промышленной продукции, что она назвала лучшим доказательством того, что «мы вводим такие программы и проекты, которые реально влияют на развитие польской экономики».

В свою очередь, Моравецкий назвал успешными итоги четвертого квартала 2016 г. Это «самый быстрый рост за последние десять лет (...), один из самых значительных итогов в Европе», — с восторгом говорил он. Правда, этот небывалый рост вытекал из сравнения с предыдущим, исключительно

слабым кварталом. И немного улучшил итоги года в целом. Но статистика имеет такую особенность, что если очень хочется, то всегда можно найти какой-нибудь повод для гордости. Нужно только творчески подойти к числам и некритическим слушателям.

Большинство экономистов настроено, однако, по-прежнему критично. Поэтому многолетний финансовый план они приняли с большой осторожностью. Даже бывшие подчиненные вице-премьера из АО «Банк заходни ВБК» считают, что «прогнозы ведомства финансов держатся на достаточно оптимистических макроэкономических основаниях. (...) Трудно будет удержать экономический рост в последующие годы на уровне около 4%».

Такого же мнения придерживается экономист проф. Витольд Орловский:

— Можно стимулировать экономику, чтобы добиться более высокого квартального и даже годового роста ВВП. Но я не вижу источников, которые смогли бы обеспечить Польше постоянный рост на уровне 4%. План Моравецкого содержит во многом точную оценку проблем польской экономики, но предлагает плохие решения.

Главный экономист Конфедерации частных работодателей «Левиафан» Малгожата Старчевская-Кшиштошек отказывается давать оценку многолетнего финансового плана:

— Мы не знаем, на какие макроэкономические основания опираются авторы. Сегодня мы имеем дело со столькими факторами неопределенности и риска, что прогнозировать итоги следующего квартала непросто, говорить о результатах следующего года очень трудно, а многолетний прогноз — это гадание на кофейной гуще. Мы не знаем, например, как будет выглядеть польская налоговая система, что будет с рынком труда, на каких принципах будет осуществлен Брексит, какой будет политика Трампа и т.д.

Обо всех этих трудностях даже краткосрочного прогнозирования лучше всего должен знать Матеуш Моравецкий.

План правительства предполагает, что развитие польской экономики в ближайшие годы будет идти за счет индивидуального потребления, то есть благодаря растущим расходам домашних хозяйств, а также за счет евросоюзных и отечественных инвестиций из государственного и местного бюджета и инвестиций польских фирм.

Самой простой частью этого плана является стимулирование потребительского спроса. Поляков не надо долго уговаривать. Достаточно немного оптимизма, стабильной работы, чуть больше денег в кошельке — и они тут же идут за покупками. Таким покупательным катализатором стали деньги из

программы «Семья 500 плюс». Уже во второй половине прошлого года розничные продажи стали быстро расти. Особенно это касается продуктов и товаров широкого потребления. Вместе с тем аналитики Национального банка Польши (НБП) в своей периодической оценке экономической ситуации в стране обращают внимание на то, что сравнительно мало денег из программы «Семья 500 плюс» идут на нерыночные услуги, к каким относятся, например, медицинская помощь и образование. То есть мы охотнее вкладываем дополнительные деньги в телевизоры или автомобили и гораздо меньше в здоровье и образование детей, которые теоретически должны были стать главным объектом программы.

Что же касается влияния программы «Семья 500 плюс» на рост рождаемости, то здесь мнения экспертов разделились. После претворения в жизнь программы действительно выросло число рождаемости, но не настолько, чтобы говорить о бэби-буме, о котором уже было официально объявлено. У нас по-прежнему отрицательный естественный прирост населения.

Колесо заело

Плодами программы активно пользуются некоторые отрасли. Рекордные продажи фиксируют туристические бюро, в выигрыше оказались продавцы автомобилей. В первом квартале этого года было продано 125,9 тыс. личных автомобилей, это на 21,2 тыс. больше, чем в предыдущем квартале. Частными лицами было куплено на 13,4% новых автомобилей больше.

— Четыре наиболее престижные марки премиум-класса — «БМВ», «Мерседес», «Ауди» и «Вольво» — зафиксировали увеличение объема продаж примерно на 30%, в среднем каждый четвертый автомобиль был куплен частным лицом, — говорит, председатель Польского автомобилестроительного союза Якуб Фарыс.

Растущий спрос обнадеживает многих предпринимателей. Из анализа НБП следует, что эта ситуация в ближайшее время может подтолкнуть многие фирмы к увеличению своего производственного потенциала, а также к повышению цен. Растущая инфляция — это побочный эффект нашей увеличивающейся склонности тратить деньги. Это также дополнительная выгода для правительства, так как рост цен увеличивает налоговые поступления.

— Потребительский спрос не создает постоянного экономического роста. Он только стимулирует импорт, увеличивая торговый дефицит, с которым у нас уже сейчас есть проблемы. Серьезным вызовом является сегодня низкая степень экономии, что подчеркивает вице-премьер

Моравецкий. Поэтому я не понимаю, почему вместо того, чтобы создавать национальный капитал, он предлагает потребление, — недоумевает проф. Витольд Орловский. Другим маховым колесом польской экономики должны стать инвестиции. И здесь мы сталкиваемся с проблемой. Потому что насколько легко нам удалось раскрутить «потребительское колесо», настолько сильно у нас заедает инвестиционное. Мизерный рост ВВП в прошлом году — это результат инвестиционного поражения. И хотя Матеуш Моравецкий уверял, что вскоре все сдвинется с места, много чего не хватает, чтобы наконец сдвинулось.

— За последнее время немного лучше стала ситуация с дорожными инвестициями, появилось больше торгов. Что, конечно, не означает, что у нас всё хорошо. Зато плачевной остается ситуация с железной дорогой. Но к этому строительная отрасль уже успела приспособиться, так что это не стало для нас сюрпризом. Жаль только, что деньги, выделенные на железную дорогу из бюджета ЕС, могут оказаться неиспользованными, — считает председатель Польского союза работодателей строительства Ян Стылинский. На дорожные и железнодорожные инвестиции идет большая часть евросоюзных средств.

Строительная отрасль рассчитывает на органы самоуправления, которые также воздерживаются от инвестиций. Однако намеченные на следующий год выборы в местное самоуправление могут подтолкнуть их к принятию решений, чтобы показать избирателям, как много они строят. Поэтому уже сегодня часть экономистов опасается, что если государство и органы самоуправления начнут одновременно наверстывать отставание с использованием европейских средств, то мы начнем стремительно входить в долги.

Возникнут проблемы с дефицитом сектора правительственных институтов и органов самоуправления (2,4% ВВП в 2016 г.), а также с уровнем их задолженности (54,4% ВВП).

Все инвестиции требуют собственных вложений и предварительного финансирования из польских источников, поскольку Брюссель платит только после реализации (а в случае более крупных инвестиций — после определенных этапов). Мы начнем занимать деньги, и органы самоуправления снова окажутся в долгах. Между тем многолетний план Моравецкого предполагает, что инвестиционная политика будет сопровождаться сокращением долга публичного сектора и уменьшением его дефицита.

Как этого достичь? За счет увеличения темпа роста ВВП и бюджетных доходов, что, как известно, непросто. Можно также получить деньги на стороне, забрав в конце концов все, что накопили открытые пенсионные фонды. Однако многого мы не

сможем добиться без инвестиций предприятий. А предприниматели к инвестированию не стремятся. В прошлом году мы зафиксировали исключительно сильное падение инвестиций — на 13,2%.

Искушение для пенсионеров

Председатель Качинский обвинил частных предпринимателей в антиправительственном заговоре, стало страшно. Сегодня премьер-министр Беата Шидло старается говорить с предпринимателями языком любви, убеждая их в том, как они важны и как много делают для экономики. Это особо не помогает.

— Сдержанность предпринимателей вытекает из ощущения неуверенности и страха перед политическими и юридическими рисками, которые трудно оценить. Если в одно и то же время несколько высоких представителей властей предложит несколько конкурентоспособных проектов реформирования налоговой системы, то трудно будет планировать новую инвестицию. Если изо дня в день радикально изменяются условия функционирования целых экономических отраслей — например, торговли, аптечного рынка, ветряной энергетики — тяжело спокойно думать о развитии бизнеса. Согласно нашим оценкам, эту проблему чувствуют не только польские, но и заграничные предприниматели, — поясняет Малгожата Старчевская-Кшиштошек.

Наряду с этим эксперт обращает внимание на то, что в таких условиях даже у самых смелых предпринимателей возникает проблема с получением кредита, поскольку банки требуют бизнес-планов, в которых будут учтены не только ныне действующие правила, но также и те, которые, возможно, будут введены. И часто такой альтернативный сценарий предопределяет фиаско проекта. Между тем непрерывно появляются новые правила, которые усложняют ситуацию для предпринимателей. Самый последний пример — это увеличение процедуры регистрации плательщиков НДС с нескольких дней до нескольких месяцев, поскольку государство будет сейчас тщательно проверять каждого с целью исключить мошенничество.

— В течение года было основано 350 тыс. предприятий. Без регистрации НДС невозможно начать деятельность. Такого рода решение серьезно тормозит развитие предпринимательства, — предостерегает Малгожата Старчевская-Кшиштошек.

Предприниматели вынуждены также бороться еще с одним препятствием — нехваткой рабочей силы. Падение уровня безработицы премьер-министр Беата Шидло считает одним из

доказательств успешной работы своего правительства, хотя его роль в том невелика. Гораздо бóльшая заслуга здесь у Ангелы Меркель, так как растущий спрос на работу — это в значительной мере результат хорошей конъюнктуры для польского экспорта, главным потребителем которого является немецкий рынок. Многолетний план предполагает, что с имеющегося уровня безработицы 6,2% к 2020 году мы спустимся до 4%.

— Мы подбираемся всё ближе к границе фрикционной безработицы, то есть такой ситуации, когда без работы остаются те люди, которые не имеют каких бы то ни было квалификаций, требующихся на рынке. Поэтому мы должны серьезно подумать о работниках из-за границы, — говорит Казимеж Седляк, эксперт рынка труда из фирмы «Седляк энд Седляк».

Ситуация работодателей дополнительно осложнится осенью, когда в силу вступят правила о снижении пенсионного возраста. Более 300 тыс. человек дополнительно получит право выйти на пенсию. Одновременно с этим правительство будет вынуждено увеличить дополнительное бюджетное финансирование Фонда общественной безопасности. Поэтому оно обещает, что убедит заинтересованных, чтобы те не использовали данного им права, и число фактических случаев выхода на пенсию будет незначительным. Стимулировать желание продолжать работать будут специальные советники, которых нанял Фонд социального страхования.

— Мы слышим также о 10 тыс. злотых, которыми предполагают прельстить кандидатов в пенсионеры, чтобы те не прекращали трудовую деятельность. А это в случае одной только группы пенсионеров нынешнего года обойдется в 3 млрд злотых. Я не очень понимаю, какой в этом смысл, — удивляется Малгожата Старчевская-Кшиштошек.

— Во времена правительственной коалиции Гражданской платформы и Польской крестьянской партии Польша шла тем же путем, что и Греция: драматически росли долги, граждане имели небольшую поддержку, в бюджет не поступали налоги, а государство было не в состоянии поддерживать польские семьи и проводить хотя бы такую программу, как «Семья 500 плюс», — сказала премьер-министр Беата Шидло. Это чем-то напоминает анекдот о Гомулке^[1], который в своем выступлении сказал, что Польша стояла над пропастью. А затем добавил: но мы сделали большой шаг вперед.

1. Владислав Гомулка — государственный деятель Польши, генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии (1943—1948), первый секретарь ЦК Польской объединённой рабочей партии (1956—1970).

Экономическая жизнь

В прошлом году гражданин Польши имел в распоряжении в среднем 1475 злотых в месяц. Статистики называют эту сумму располагаемым доходом и информируют, что в реальном выражении она возросла на 7% по сравнению с 2015 годом. Как отмечает в «Газете wyborчей» Кароль Погожельский, экономист «INGBank», около 2,5% роста обеспечивает программа «500 плюс», а остальное — следствие улучшения конъюнктуры на рынке труда. В соответствии с докладом Главного статистического управления, в 2016 году средние расходы составляли 1132 злотых на человека в семье и были на 4,35 выше, чем годом ранее. Рост доходов создает лучшие возможности для накоплений. В самой лучшей материальной ситуации находится самозанятое население. Далее идут пенсионеры по старости, затем рабочие, пенсионеры по инвалидности, а в конце — лица, занимающиеся сельским хозяйством. Однако разница в доходах жителей города и деревни уменьшилась. Село быстро богатеет: среднедушевой доход сельского населения вырос на 9,8%, тогда как городского — только на 4,9%. Разница между самыми богатыми и самыми бедными не углубляется, — пишет Эдита Брыла в «Газете wyborчей». Средний располагаемый доход для верхнего двадцатипроцентного слоя составил в прошлом году 2879 злотых, что в пять раз больше, чем в двадцатипроцентном слое самых бедных. Это отношение заметно уменьшилось: в 2015 году располагаемый доход богатых был более чем в шесть раз больше, чем у бедных.

По числу намеченных к реализации проектов зарубежных инвесторов Польша оказалась в первой пятерке европейских стран, — сообщает «Дзенник газета правна», ссылаясь на доклад консалтинговой фирмы EY. Эти проекты характеризуются значительным — по сравнению с высокоразвитыми странами — привлечением рабочей силы, так что по числу рабочих мест, созданных в результате прямых зарубежных инвестиций, Польша уступает только Великобритании. Польша должна повысить уровень инвестиций, который в последние десять лет был ниже, чем в большинстве стран Центральной Европы. Зарубежный капитал, особенно прямые инвестиции, играет существенную роль в построении потенциала страны, — отмечает Марек Розкрут, главный экономист EY. После победы на парламентских выборах осенью 2015 года правительство «Права и

справедливости» многократно декларировало поддержку отечественному капиталу, чтобы таким образом уменьшить якобы чрезмерную зависимость Польши от заграницы. Зарубежный капитал, однако, не отступил. В 2015—2016 годах число новых проектов возросло до 233 в год, в предшествовавшие десять лет этот показатель не поднимался выше 150 проектов в год. Для инвесторов Польша привлекательна прежде всего рынком труда. По результатам проведенного ЕУ анкетирования, более 80% из 505 опрошенных менеджеров зарубежных фирм считают сильной стороной польской экономики трудовые навыки польских работников. Более 70% полагают, что Польша имеет большой потенциал роста производительности при относительно низкой стоимости труда.

Позитивная установка польских потребителей на увеличение покупок продовольственных товаров и бытовой химии — это, в частности, результат возрастающего оптимизма по отношению к экономической ситуации. Как заявляет на страницах газеты «Жечпосполита» Шимон Мордасевич, директор польского офиса компании-измерителя «Nielsen», средняя оценка отечественной рыночной ситуации гражданами Польши выше, чем в среднем по Европе. В принципе, можно говорить о возврате к показателям до кризиса 2007—2009 годов, — отмечает Мордасевич, добавляя, что, конечно, в Польше до реального кризиса не дошло, экономика не сбавила обороты, однако в настроении потребителей преобладали негативные эмоции, люди боялись кризиса, безработицы, а в результате часто воздерживались от покупок. Исследования фирмы «Nielsen» показывают, что сейчас 34% граждан чувствуют себя уверенно в отношении своей занятости. 40% опрошенных заявляют, что сейчас подходящее время, чтобы делать больше покупок, а 50% позитивно оценивают состояние своих финансов (в первом квартале прошлого года их было лишь 40%). Ш. Мордасевич делает вывод, что потребители хотят воспользоваться этой благоприятной ситуацией и намерены активно тратить свои деньги, а то, что на рынке они чувствуют себя уверенно, подтверждается ежедневным потребительским поведением.

На продовольственные товары поляки тратят все меньшую долю денежных доходов. Это хороший знак, свидетельствующий о том, что растет зажиточность общества, — пишут в «Газете выборчей» Эдита Брыля и Анна Попёлек. Экономика становится все более развитой, и семьи извлекают из этого выгоду. Из последних данных Евростата, касающихся 2017 года, следует, что в настоящее время поляки расходуют на

продукты питания лишь 18,4% дохода. Для сравнения: еще пятнадцать лет назад этот показатель составлял около 30%. По данным Евростата, больший процент дохода, чем поляки, тратят на продовольственные товары жители Болгарии, Эстонии, Хорватии, Венгрии и Румынии, где соответствующие расходы все еще находятся на уровне 30%, то есть как в Польше пятнадцать лет назад. На другом полюсе — Швейцария, жители которой на продукты питания отдают неполных 10% заработков. Лучше, чем в Польше, ситуация выглядит, в частности, в Австрии (11,4%), Ирландии (11,9%), Люксембурге (12%) и Германии (12,2%). Это, однако, не означает, что продукты питания в этих странах дешевле. Именно в богатых странах цена продовольственных товаров намного выше, чем в беднейших государствах Центральной Европы.

В текущем году теневой сектор польской экономики составлял 22,2% совокупного общественного продукта-брутто (это касается главным образом торговли, строительства, сельского хозяйства и сферы услуг), — пишет комментатор газеты «Жечпосполита» Анджей Стец и приводит подсчеты профессора университета в Линце Фридриха Шнайдера, который полагает, что в 2016 году теневой сектор в Польше значительно сузился. Отмечается наибольший спад с 2010 года. Это хорошая информация для государственных финансов, поскольку в бюджет поступает больше денег от налогов и разного типа выплат. Довольны могут быть также предприниматели, осуществляющие прозрачный, законопослушный бизнес, поскольку им проще будет конкурировать с фирмами, которые уклоняются от выплаты налогов или нелегально нанимают работников. Благодаря сокращению теневого сектора, в выигрыше оказывается также масса трудящихся, которые, работая легально, гарантируют себе будущие пенсии. А самое главное — это состояние рынка труда, поскольку нелегальная или полуофициальная занятость составляет значительную часть теневого сектора в Польше. Польский рынок труда все больше становится рынком работника, а это значит, что трудящиеся уже не столь охотно соглашались получать зарплату «в конверте».

Е.Р.

Хроника (некоторых) текущих событий

- «День 4 июня должен быть праздником Свободы. Правящие круги совершают ошибку, пытаясь замалчивать и принижать значение годовщины первых частично свободных выборов. 4 июня 1989 года — это дата основания свободной Польши. (...) Нас ждет дискуссия по самому главному вопросу: поддерживаешь ли ты внесение изменений в действующую конституцию? На самом же деле этот вопрос звучит: поддерживаешь ли ты конституцию ПИС? Конституционный референдум будет плебисцитом относительно продления срока полномочий правящей партии. (...) Анджея Дуду, как и остальных представителей ПИС, нельзя назвать сторонником либеральной демократии, одним из фундаментов которой выступает непреложность судебных решений. Дуда является выразителем точки зрения, согласно которой носителем суверенитета выступает народ, избирающий парламент, поэтому тот, кто обладает парламентским большинством, может по своему усмотрению преобразовывать государственное устройство. ПИС отрицает основы государственного устройства нынешней Польши, считая их посткоммунистическими. (...) ПИС пытается сломать позвоночник третьей власти, низвергнув ее. С точки зрения стабильности государства, это крайне рискованное поведение. ПИС создает альтернативную модель государственного устройства, которая не обязательно будет диктаторской», — проф. Антоний Дудек. («Жечпосполита», 6 июня)
- «Нынешняя конституция совершенно очевидно устарела. (...) Когда ее принимали, мы еще не состояли в НАТО и, что самое главное, не входили в состав ЕС. В конституции это положение дел вообще не отражено, а для польского суверенитета данные вопросы представляются фундаментальными — к примеру, вопросы соотношения польского законодательства и законодательства ЕС. Эти вопросы необходимо вынести именно на конституционный референдум, решив, какие тенденции станут определяющими в новом основном законе. Как вы понимаете, проект конституции будут готовить эксперты. Но готовить его они должны, опираясь на мнение общества», — президент Польши Анджей Дуда. («в Сети», 15–21 мая)
- Президент Республики Польша «имеет право вносить проект закона о внесении изменений в действующую конституцию в

соответствии с предусмотренным в ней порядком, однако инициатива по проведению дебатов и руководство референдумом о полном изменении основного закона должны быть соответствующим образом прописаны в конституции. Вступая в должность президента Польши, глава государства торжественно поклялся сохранять верность конституции, которая обязывает его внимательно следить за соблюдением ее норм, а это совершенно исключает сомнение в их правильности. (...) Осуществление контроля за соблюдением конституции не дает права инициировать глобальные изменения государственного устройства, пусть даже связанные с юбилейной датой, равно как и проводить референдум, направленный на нарушение действующего конституционного строя», — профессор Варшавского университета Рышард Петровский. («Жечпосполита», 9 мая)

• «Конституция 3 мая, которую мы так почитаем, вообще не вступила в силу и только ускорила раздел Польши. Мартовская конституция 1921 г. была фактически перечеркнута Майским переворотом, а апрельская конституция 1935 г. была недемократической. Следующая вообще была написана под редакцией Иосифа Сталина. У польских конституций не слишком счастливая история. А сейчас у нас есть основной закон, работающий вот уже двадцать лет — и работающий, как мне кажется, хорошо. Это первая и единственная принятая на общенациональном референдуме конституция. (...) Идею президента Дуды следует признать, мягко говоря, незрелой. И все потому, что в статье 235 конституции 1997 года предусмотрен абсолютно четкий порядок внесения изменений в основной закон: две трети голосов в Сейме, безусловное большинство в Сенате, референдум и так далее. (...) Президент, отлично понимающий, что уже неоднократно нарушал конституционные принципы, хочет поменять конституцию, поскольку тогда привлечь эту власть за нарушение конституции, которой нет, будет не легче, чем прыгнуть выше головы», — Александр Квасневский, бывший президент Польши, занимавший эту должность два срока подряд. («Пшеглэнд», 15–21 мая)

• «Правящие круги постоянно ссылаются на носителя суверенитета, а этот носитель суверенитета, поддерживающий нынешнее правительство, это всего лишь 35% поляков. А может быть и меньше. (...) Вскоре в каждом городке должен будет стоять памятник Леху Качинскому, как в Советском Союзе — памятник Сталину. (...) Пусть тогда уж в каждом доме будет висеть портрет Леха Качинского, перед которым придется бить поклоны, как в Северной Корее. (...) Правящей партии нужны такие конституционные нормы, которые бы санкционировали все те нарушения, которым подверглась

нынешняя конституция. А таких нарушений было много», — епископ Тадеуш Перонек, бывший Генеральный секретарь Епископата Польши. («Жечпосполита», 18 мая)

• «64% опрошенных считают президента Анджея Дуду несамостоятельным политиком — таковы результаты опроса, проведенного Институтом рыночных и социологических исследований 11–12 мая. Противоположного мнения придерживаются 33% респондентов». 55% участников опроса негативно оценивают деятельность президента в качестве верховного главнокомандующего, а 34% относятся к ней позитивно. Инициативу Анджея Дуды по организации референдума об изменении конституции негативно оценивают 50% респондентов, 37% поддерживают ее. («Жечпосполита», 17 мая)

• «После встречи с президентом Франции Дуда заявил: “Есть сложные вопросы, и господин президент Макрон сказал, что есть сложные вопросы, и это меня очень порадовало, потому что я ведь тоже понимаю, что есть сложные вопросы, как сказал когда-то поэт, «обидам счет не подвели мы» (строка из стихотворения Владислава Броневского “Примкнуть штыки” в переводе Марка Живова — примеч. пер.), так что да, есть сложные вопросы, и много разного было сказано”». («Тыгодник повсехны», 4 июня)

• «История с вертолетами “Каракал” не только ударила по экономическим интересам Франции, но и существенно осложнила возможность подключения Польши к сотрудничеству в области производства вооружения в Европе. (...) Были и промахи репутационного характера, что для французов имеет важное значение — к примеру, высказывание министра Мацеревича о продаже русским кораблей “Мистраль” за один доллар, презрительный отзыв премьер-министра Шидло о низкой личной популярности Олланда, а также то, что министр Ващиковский оказался единственным главой внешнеполитического ведомства в ЕС, сфотографировавшимся с Ле Пен. А недавно Ващиковский побил, наверное, все возможные рекорды по невоспитанности, заявив, что Макрону придется приехать в Польшу, чтобы объясниться по поводу своих высказываний в ходе избирательной кампании. (...) Методы наших дипломатов сводятся в основном к колкостям и оскорблениям в адрес партнеров, что приводит лишь к нашей изоляции», — Ян Мария Новак, многолетний посол в ряде стран, в том числе в Испании и при НАТО в Брюсселе, вице-президент Евроатлантического общества. («Газета wyborcza», 12 мая)

• «Визит в Варшаву президента Германии Франка-Вальтера Штайнмайера и его супруги Эльке Бюденбендер носил отчасти церемониальный характер. (...) Президент Анджей Дуда (...),

отвечая на вопрос журналистов относительно перемещения беженцев в рамках границ ЕС, пустился в объяснения: “Кто хочет и кому это нужно, может приехать в Польшу, кто хочет и кому это нужно, получит в Польше необходимую помощь, но я надеюсь, что никого не станут привозить в Польшу насильно, да и мы не станем никого здесь силой удерживать. Не могу себе представить, чтобы мы кого-либо держали здесь против его воли”. Штайнмайер парировал: “Мне кажется Вы, господин президент, должны понимать всю нереалистичность этого сценария. Я не знаю никого в Европе, кто бы мог предложить нечто подобное”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 20–21 мая)

- «Димитрис Аврамопулос, европейский комиссар по внутренним делам и миграции, предупредил, что если в течение месяца Польша и Венгрия не приступят к приему беженцев, Европейская комиссия начнет официальную процедуру о нарушении законодательства ЕС». (из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 22 мая)

- «“Польша не будет принимать беженцев. Мы не согласимся на то, чтобы Польше и другим странам, состоящим в ЕС, навязывались какие-либо квоты”, — заявила премьер-министр Беата Шидло». («Газета wyborcza», 18 мая)

- «Качинский воспротивился попыткам навязать Польше нормы, касающиеся решения миграционного кризиса. По его мнению, “нам пришлось бы полностью поменять нашу культуру и радикально снизить уровень безопасности страны. (...) Если бы мы решили остановить волну агрессии со стороны мигрантов, хотя бы по отношению к женщинам, нам пришлось бы пойти на репрессии. А применив репрессивные меры, мы сразу бы стали в глазах других нацистами”, — заявил он». (Ян Пшемьский, Александр Клос, «Газета Польска цодзенне», 22 мая)

- «Поляков запугали беженцами. Людям внушили, что беженцы разносят заразу, что они станут отбирать у поляков работу, убивать нас, и Польша станет опасной для жизни страной. (...) Не принимать беженцев — это практически то же самое, что отказываться быть христианином. (...) Семь тысяч беженцев — это капля в море. (...) Католическая Церковь готова принять беженцев. Готовы приходы и епархиальные дома, а также люди, обслуживающие эти объекты. Мы хотим организовывать гуманитарные коридоры. Международные отношения регулируются обязательными для всех нормами. Будучи в ЕС, Польша обязалась соблюдать эти нормы. Мы согласились не только на те выгоды, которые сулит нам членство в ЕС, но и на обязательное участие в решении различных человеческих проблем. (...) Что-то скверное происходит в нашей стране», — епископ Тадеуш Перонек, бывший Генеральный секретарь

Епископата Польши. («Жечпосполита», 18 мая)

• «Сотрудники Института общественных отношений спросили у молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет (...): “Должна ли твоя страна обеспечить пристанище беженцам из охваченных войной стран, а также жертвам политических преследований?”. Большинство молодых поляков, равно как венгров, словаков и чехов, оказались против (70–75%). (...) Немцы и австрийцы, наоборот, в большинстве своем ответили на этот вопрос утвердительно (немцы — 73%, австрийцы — 61%). Да, те самые немцы, которые в 2015 и 2016 годах приняли два миллиона иностранцев, а за один только прошлый год стали жертвой нескольких терактов. Они говорили, что беженцев нужно принимать». (Анджей Андрысяк, «Дзенник газета правна», 19–21 мая)

• «В марте организация “Human Right Watch” опубликовала отчет о том, как польская Пограничная служба систематически отказывает беженцам в праве ходатайствовать о предоставлении им убежища и отправляет их обратно в Беларусь. Это нарушение обязательств Польши, предусмотренных законодательством ЕС и нормами, регулирующими права человека и статус беженцев. Именно такие опасения высказывают польский уполномоченный по правам человека, а также польские и белорусские правозащитные организации. (...) В Бресте, после короткой беседы с сотрудником Пограничной службы, людям по-прежнему отказывают во въезде в Польшу. (...) Пограничники сами решают, кто может обратиться с ходатайством о предоставлении ему убежища. (...) Многим заявителям так и не удастся ни разу встретиться с представителями Департамента по делам иностранцев — структуры, которая в соответствии с польским законодательством рассматривает ходатайства о предоставлении убежища», — Лидия Галль. («Жечпосполита», 22 мая)

• «Депортации в Польшу из стран Западной Европы ждут почти 16 тыс. человек, прибывших из-за пределов ЕС и обращавшихся за предоставлением им убежища в Польше. (...) Большинство из них — это чеченцы, которые, не дожидаясь решения о предоставлении им международной защиты, бежали на Запад, в основном в Германию, (...) где они могли рассчитывать на более серьезную поддержку со стороны государства. (...) В прошлом году немцы отправили нам 895 человек. Всего из стран Западной Европы было депортировано 1408 человек». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 2 июня)

• «Представители немецких общественных организаций, занимающихся проблемами беженцев, посетили Польшу. (...) Побывали на пограничном переходе в Тереспеле, побеседовали с жителями центра для иностранцев в Бяла-Подляске,

встретились также с чеченцами, по сути, бомжующими в белорусском Бресте. (...) Немецкие общественники были шокированы. (...) “Я не ожидал, что Европа закрывает свои границы таким вот образом”, — говорит пастор Бернارد Фрицке из организации “Asylum in Church”. (...) Шансов остаться в Германии у чеченцев немного. Если ходатайство о признании статуса беженца подавалось в Польше, им придется смириться со своей депортацией. (...) Представители немецких общественных организаций считают, что в контексте того, что они увидели в Польше, отправка беглецов обратно не соответствует закону. “Все процедуры, связанные с передачей лиц, ходатайствовавших о статусе беженцев, в Польшу, должны быть немедленно приостановлены, поскольку многие из тех, кто возвращается, в том числе дети, содержатся под замком (...)”, — говорит Доро Браух из берлинской организации “XENION” (...). А пастор Фрицке добавляет: “В Германии заключение детей под стражу в такой ситуации недопустимо. Оно противоречит международной конвенции о правах ребенка. Директор центра для беженцев под эгидой организацией «Diakonisches Werk Potsdam» Нина Шмитц признается, что только в Польше поняла, почему чеченцы так боятся, что их депортируют из Германии в Польшу». (Людмила Ананникова, «Газета выборча», 6 июня)

- «В Польше другое отношение к миграции, чем во всей остальной Европе, здесь есть проблемы в сфере законности, поэтому Европейская комиссия и возбудила соответствующую процедуру. А тут еще и недавняя история с избранием Туска на второй срок полномочий председателя Европейского совета. Все это ослабляет Польшу, дополнительно расширяя сферу влияния Испании в четверке стран, стремящихся к более глубокой интеграции», — говорит Сальвадор Лландес, эксперт Королевского института «Элькано» в Мадриде. (из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 31 мая)

- «В ходе состоявшихся во вторник в Брюсселе дебатов министров относительно ситуации в Польше, позицию Европейской комиссии решительно поддержали 17 стран. Несколько стран сохранили нейтралитет, а Венгрия выступила в нашу защиту. Еще пять государств не взяли слова. (...) Франс Тиммерманс впервые в контексте разговора о Польше употребил выражение “кризис законности”. (...) Он говорил не только о ситуации вокруг Конституционного трибунала, но и о реформе Национального совета правосудия. Впервые министры занялись проблемой нарушения законности в конкретной стране. Это прецедент. (...) Атмосфера вокруг Польши действительно создается негативная. Франсу Тиммермансу наконец-то удалось заручиться поддержкой большинства стран европейского содружества». (из Брюсселя

Анна Слосовская, «Жечпосполита», 17 мая)

• «Качинский и Орбан могут строить свою нелиберальную или антилиберальную авторитарную демократию. Они имеют на это полное право, но в таком случае им нечего делать в европейском Содружестве. Они говорят: нам нужны европейские деньги, но не нужны ваши ценности, ваша либеральная демократия и верховенство закона. Но так не получится. (...) Объединенная Европа — это не ресторан, где можно выбирать блюда по своему вкусу. (...) Либо мы согласны жить в объединенной Европе, либо нет. И пусть в ней тогда остаются те, кто хочет. (...) И польское общественное мнение должно определиться с тем, чего оно хочет. (...) Разговор о применении ст. 7 договора о ЕС, регулирующей принуждение государства-члена к соблюдению законности, рано или поздно состоится. Все зависит от развития ситуации в Польше. (...) Качинский и Орбан не признают компромиссов. Если бы все было так, как они хотят, объединенной Европе пришел бы конец», — Даниэль Кон-Бендит, депутат Европарламента. («Газета выборча», 13–14 мая)

• «Невозможно, чтобы ЕС сейчас применил какие-либо санкции, о которых говорят некоторые политики», — премьер-министр Беата Шидло. («Супер-экспресс», 20–21 мая)

• «Европа отдаляется от Польши с небывалой скоростью. Этому благоприятствует (...) стремление стран, входящих в сферу евро, к дальнейшим переменам. (...) С 1 апреля этого года действует лиссабонская, а не ниццкая система голосования (...) (чтобы решение было принято, необходимо согласие 55% государств-членов, которые представляют в общей сложности 65% населения ЕС). Вся сфера евро составляет более 75% населения ЕС, и это наглядно демонстрирует, какой силой будет обладать данный блок на голосовании ЕС. (...) Интеграционные процессы, в которых Польша не принимает активного участия, простираются намного дальше обычного управления экономикой. (...) Сегодня только 8 стран, состоящих в ЕС, не используют единой европейской валюты. (...) ЕС, хотим мы того или нет, эволюционирует в направлении модели сообщества, опирающегося прежде всего на общую валюту». (Збигнев Парафянович, «Дзенник газета правна», 25 мая)

• «Польша, вступая в сферу евро, сразу оказывается в сердцевине европейской интеграции. (...) Если можно находиться в центре процесса, к чему обрекать себя на прозябание на его периферии? Ведь на периферии жизнь идет медленнее, беднее, хуже. ПИС наверняка этого не хочет, однако отказ от евро может привести именно к такому развитию событий. (...) В условиях неотвратимой глобализации переход Польши на евро и даже всего лишь декларация о соответствующих намерениях укрепили бы ЕС в его внешней

конкуренции, особенно с США и Китаем. Это и есть наш путь», — проф. Гжегож В. Колодко, член Европейской академии науки, искусства и литературы, бывший вице-премьер и министр финансов. («Жечпосполита», 10 мая)

• «Членство в сфере евро — это не только возможность избежать политической и экономической периферизации страны и шанс на более уверенное закрепление достижений трансформации. Это прежде всего возможность снизить риск выхода Польши из ЕС в результате деятельности нынешних властей», — проф. Анджей Войтына, бывший член Совета денежной политики. («Жечпосполита», 6 июня)

• «Оставаясь в оппозиции ко всему Евросоюзу (...), мы автоматически оказываемся вне сообщества. (...) По крайней мере, некоторые политики правящей партии должны отдавать себе отчет в истинных причинах усиливающейся изоляции Польши. Единственное рациональное объяснение такой позиции — это подготовка общества к выходу из ЕС. Если Евросоюз начнет процесс углубления интеграции без Польши, это будет только на руку нынешней власти. ПИС начнет повторять: мы им не нужны; мы ведь не можем отказаться от нашего суверенитета и сарматского своеобразия. Предпринятая президентом Дудой попытка начать манипуляции с основным законом — это маневр, готовящий почву для новой конституции, в которой не будет и речи об участии Польши в обновленном ЕС. (...) Продолжение нынешнего курса Польши в отношении Евросоюза будет означать одно: готовность пожертвовать интересами Польши и поляков ради утверждения абсолютной и бессрочной власти правящего лагеря», — проф. Роман Кузьняр. («Жечпосполита», 2 июня)

• «Вчера в Сейме премьер-министр Беата Шидло на повышенных тонах заявила: “Мы не будем участвовать в безумии брюссельских элит”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 25 мая)

• «Мы заинтересованы в конкретизации сотрудничества с Китаем. (...) Скоро состоится моя встреча с председателем Си Цзиньпином и премьер-министром Китая. (...) Вместе со мной в Китай едут руководители различных министерств и их заместители. (...) Сфера евро не была бы для нас хорошим решением. (...) Польша сегодня к этому не готова, и нашей экономике такой шаг пользы бы не принес. (...) Сфера евро сейчас находится в глубоком кризисе. Нет никаких оснований вступать в клуб, у которого имеются проблемы. (...) На следующей неделе на совете по общим вопросам господин Тиммерманс собирается затронуть вопросы, касающиеся состояния законности в Польше. (...) Состояние законности в Польше можно назвать идеальным. (...) Членство в ЕС очень выгодно для Польши», — премьер-министр Беата Шидло.

(«Жечпосполита», 11 мая)

- «По данным Главного управления статистики, с января по октябрь 2016 г. торговый оборот между Китаем и Польшей составил почти 21,3 млн долларов (и вырос на 4% по сравнению с предыдущим годом). (...) Стоимость нашего импорта продуктов из Китая в 12 раз превышает польский экспорт в Китай. Импортом из Китая занимается около 24 тыс. польских фирм, а экспортом из Польши в Китай — 2,5 тысячи». (Конрад Майщик, «Дзенник газета правна», 11 мая)

- «Европейский экономический конгресс в Катовице — это крупнейшая в Польше встреча представителей бизнеса. (...) Вице-премьер Матеуш Моравецкий и его подчиненные рассказывали о том, как польская экономика совершила самый настоящий рывок благодаря “Стратегии на благо достойного развития”, а министр энергетики Кшиштоф Тхужевский и его заместители сообщили присутствующим о польской энергетической революции. Суть ее, по их словам, сводится к одному: уголь, уголь и еще раз уголь. А также государственная монополия в области энергетики. (...) Уголь — вот фундамент польской экономики, а современные технологии возобновляемой энергии — это пустая трата времени. Тхужевский объяснил, что глобальное потепление — миф, а углекислый газ, с которым борется Евросоюз, жизненно необходим деревьям. А поскольку у нас много лесов, нам нужно много углекислого газа. Слушая все это, Марос Шефцович, еврокомиссар по вопросам энергетического союза, не мог скрыть своего изумления». (Адам Гжешак, «Политика», 17–23 мая)

- «Европейская комиссия представила экономические прогнозы для ЕС. В Польше ВВП в этом году вырастет на 3,5%, а в 2018 г. — на 3,2%. По скорости роста это шестое место в ЕС. (...) Главным фактором роста остается частное потребление, подхлестываемое реальным ростом зарплат и социальных выплат». (из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 12 мая)

- «Международный валютный фонд очень положительно отзывается о состоянии нашей экономики. “Экономический рост сохранился на прежнем, весьма солидном уровне 2,7% в 2016 г., а благодаря росту потребления и выросшим государственным инвестициям, приумножаемым за счет фондов ЕС, в 2017 г. должен достичь 3,6%”, говорится в пресс-релизе МВФ». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 19 мая)

- «Зарубежные фирмы в прошлом году объявили об инвестиционных проектах общей стоимостью 9,9 млрд долларов (38 млрд злотых). По этому показателю Польша заняла пятое место в Европе. (...) Еще большим ростом стоимости объявленных зарубежных инвестиций может похвастаться

только Венгрия. Таковы данные опубликованного в понедельник отчета “fDiIntelligence”, аналитического отдела “Financial Times”». (Гжегож Семёнчик, «Жечпосполита», 15 мая)

- «Уровень безработицы снова падает: по данным Главного управления статистики, в апреле он составлял 7,7%, а согласно опубликованным в четверг данным “Исследования экономической активности населения” — всего 5,4%. (...) Более 85% безработных не имеют права на получение пособия». («Газета wyborча», 26 мая)

- «С 1990 года объем продажи сигарет начал снижаться. На сегодняшний день он упал на 60%! Пик злокачественных заболеваний легких позади». («Польска», 19–21 мая)

- «Еще никогда поляки не давали такую лестную оценку собственному финансовому состоянию, как сейчас. (...) Согласно последнему индексу потребительского доверия, опубликованному Главным управлением статистики, впервые за последние как минимум 20 лет в Польше оказалось больше оптимистов, чем пессимистов. (...) 42% респондентов, опрошенных ЦИОМом, позитивно оценивают экономическую ситуацию в стране, и только 15% считают ее неблагоприятной. Первый из этих двух показателей после 1989 г. никогда не был выше, второй никогда не был ниже». («Жеспосполита», 25 мая)

- «Доминика Кульчик и ее брат Себастьян хотели бы, чтобы пожертвованные ими 100 млн злотых помогли справиться с ситуацией недоедания и плохого состояния здоровья самых бедных поляков. Частью этих денег будет распоряжаться действующий уже четыре года семейный фонд “Kulczyk Foundation” — в течение ближайших месяцев он выберет несколько общественных организаций и фондов, наиболее успешно занимающихся помощью бедным и обездоленным людям. (...) За последние четыре года посредством “Kulczyk Foundation” Доминика и Себастьян Кульчики ежегодно расходовали на благотворительные цели 20 млн злотых. (...) Умерший в 2015 г. Ян Кульчик потратил на поддержку различных общественных проектов и благотворительную деятельность в общей сложности 500 млн злотых». («Жечпосполита», 23 мая)

- «Дефицит в правительственных институтах, за финансирование которых отвечает вице-премьер Моравецкий, вырос с 39,8 млрд злотых (2,2% ВВП) в 2015 г. до 48,2 млрд злотых (2,6% ВВП) в 2016 году. Этот значительный рост дефицита произошел несмотря на сокращение правительственных инвестиций на 0,3% ВВП (то есть почти на 10%), а другие расходы, например, на закупку вооружения, на 0,1% ВВП. Зато его амортизировали муниципалитеты, которые в 2015 г. “вышли в ноль”, а в 2016 г. выработали излишек —

порядка 5 млрд злотых, то есть 0,2% ВВП. (...) Правда, этот излишек может быть связан с постоянными проверками деятельности органов местного самоуправления, проводимыми различными структурами типа ЦАБ (Центральное антикоррупционное бюро — примеч. пер.), курируемыми ПИС. Беспрецедентная активность этих служб стала причиной ограничения инвестиций муниципалитетов на 0,8% ВВП. (...) Государственный долг вырос с 51,1% ВВП в 2015 г. до 54,4% ВВП в 2016 г., а в текущем году (...) должен снова увеличиться до 55,3% ВВП. Его уровень будет почти на 2,8% ВВП выше, чем предполагало министерство финансов», — проф. Анджей Жоньца. («Жечпосполита», 15 мая)

• «Ситуация в Беловежской пуще. Министерство окружающей среды утверждает, что продолжается ее “восстановление”, в то время как экологические организации считают происходящее уничтожением уникальной части леса, поскольку там проводится вырубка деревьев, в том числе и с использованием тяжелого оборудования. В Пущу из других регионов привезены так наз. харвестеры — лесозаготовительные комбайны, способные вырубать огромные участки леса. (...) Патрули “Гринпис” и фонда “Первозданная Польша” приводят доказательства, что масштаб вырубки Пущи увеличился — об этом на вчерашней пресс-конференции нескольких экологических организаций говорил представитель фонда “Первозданная Польша” Давид Казмерчак. На территории трех беловежских надлесничеств в этом году были вырублены тысячи деревьев в древостоях, насчитывающих более ста лет. (...) Древесина вывозится и продается. Вырубка проводится также на участках, находящихся под защитой ЮНЕСКО (Беловежская пуща внесена в список мирового наследия ЮНЕСКО)». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 24 мая)

• «Набирает обороты акция протеста против вырубки деревьев в Беловежской пуще. Вчера на территории надлесничества Бровск более десятка экологов из “Гринписа” блокировали машины для вырубки и погрузки деревьев. (...) Вырубка проводится вопреки призыву Европейской комиссии немедленно прекратить уничтожение леса». («Газета wyborcza», 31 мая)

• «Во вторник судьи Верховного суда (ВС) собрались на чрезвычайное заседание Общего собрания судей ВС. Обсуждалась ситуация правосудия в Польше, была принята резолюция. (...) За ее принятие проголосовал 71 судья ВС, один воздержался, голосующих против не было. ВС состоит из 85 судей, так что присутствовало большинство судейского корпуса ВС. (...) “Действия властей ведут к разрушению системы правосудия, что ослабляет польскую государственность, — пишут судьи. (...) — Мы не можем равнодушно смотреть на

открытое нарушение конституционных принципов и норм”. (...) Судьи подчеркнули, что они солидарны с постановлениями Национального совета правосудия, объединяющего всех польских судей и судейские сообщества». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 17 мая)

- «Идея власть предержащих заключается в том, чтобы убрать на вторые роли либо вообще уволить тех судей, у которых есть внутренний стержень. Примером может служить история одной несчастной судьи, которая не назначила арест в отношении Юзефа Пинёра и была якобы в наказание отправлена рассматривать дела исключительно гражданского и экономического толка. Все то же самое происходило в ПНР: если судья выносил приговор, не устраивающий власти, его отстраняли от рассмотрения серьезных дел. Когда великий судья Кульчицкий не вынес смертного приговора в ходе рассмотрения дела о так наз. “кожаном скандале”, его отстранили от рассмотрения уголовных преступлений и сослали в суд социальных страхований. (...) Мы живем во времена, которые не дают нам особенных поводов для улыбок», — Яцек Кондрацкий, адвокат. («Польска», 2-4 июня)

- «Свою позицию по поводу права помилования, использованного президентом Анджеем Дудой в отношении Мариуша Каминского, высказал в среду Верховный суд. Он принял соответствующее постановление, указав в нем, что нельзя помиловать лицо, которое не было должным образом осуждено. Если же помилование состоялось, то оно неправомерно. Суд аргументировал это тем, что президент не может вмешиваться в деятельность органов правосудия. (...) Каминский вновь предстанет перед Окружным судом в Варшаве (кассационная инстанция) в качестве обвиняемого, который был осужден неправомерно. (...) По мнению Павла Мухи, министра в канцелярии президента, координатор спецслужб Мариуш Каминский продолжает оставаться помилованной особой. Верховный суд, считает Муха, превысил свои полномочия, а сам Каминский может продолжать исполнять обязанности координатора спецслужб». («Жечпосполита», 1 июня)

- «Два года назад Мариуш Каминский был осужден за нарушения, совершенные им в то время, когда он руководил Центральным антикоррупционным бюро и преследовал Анджея Леппера, председателя партии “Самооборона”, депутата Сейма, вице-премьера и министра сельского хозяйства». В 2011 году Анджей Леппер покончил с собой. («Газета wyborcza», 1 июня)

- «Верховный суд обозначил свою позицию по поводу высказываний политиков ПИС и чиновников канцелярии президента, повторяющих, что суд “превысил свои

полномочия” и “вторгся в прерогативы президента”. “Такие высказывания нарушают основы правового государства, а Верховный суд не только имеет право, но и обязан заниматься толкованием норм права, в том числе основного закона”, — говорится в заявлении Верховного суда. ВС также добавил, что его резолюция “не вмешивается в осуществление президентом права помилования”, но лишь указывает, что “(...) применение права помилования до вступления приговора в законную силу не влечет юридических последствий”». («Газета wyborcza», 3-4 июня)

• «В Конгрессе польских юристов приняло участие 1,5 тысячи человек. (...) Конгресс польских юристов — это первая подобная совместная инициатива трех юридических сообществ: судей, адвокатов и юрисконсультов. Юристы решили создать общественную кодификационную комиссию, которая представит свои предложения относительно реформы судебной системы. В состав комиссии войдут как ученые, так и практики. (...) Юристы верят, что власть прислушается к их предложениям. (...) Важнейший вопрос, о котором неоднократно заходила речь в ходе конгресса в Катовице — это сохранение независимости судебной системы и судей». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 22 мая)

• «Юридические круги решили, что не могут молчать, когда под угрозу поставлена независимость судов и всего судебского корпуса. (...) “Уничтожение судебной системы приведет к анархии в общественно-политической жизни”, — говорит Яцек Фреля, председатель Высшего адвокатского совета. Участники конгресса стоя аплодировали первому председателю Верховного суда Малгожате Герсдорф и вице-президенту Конституционного трибунала Станиславу Бернату. (...) Драматическими нотками было наполнено выступление бывшего первого председателя Верховного суда Адама Стжембоша: “Судьи, главы судов, председатели судебных коллегий... неужели ими будет управлять исполнительная власть? Такого не было даже в ПНР”, — предостерегал он». (Тереза Серник, «Польска», 22 мая)

• «Когда зачитывалось письмо президента, в котором глава государства указывал судьям, что те не должны оценивать деятельность других органов власти и выступать в качестве стороны дискуссии, (...) участники конгресса зашумели и с криками “Конституция!” начали поднимать над головами экземпляры основного закона. (...) Во время выступления вице-министра юстиции Мартина Вархола, заявившего, что судебскому корпусу не удалось расстаться с коммунистическим прошлым, (...) большинство собравшихся просто покинули зал и вернулись уже после окончания речи вице-министра». (Малгожата Крышкевич, Анна Кжижановская, «Дзенник газета

правна», 22 мая)

- «Доказательства, добытые спецслужбами с превышением пределов провокации, недопустимы в уголовном процессе, решил Апелляционный суд Вроцлава. (...) Когда Сейм в 2016 г. по инициативе министра юстиции Збигнева Зебро изменил некоторые уголовно-процессуальные нормы, казалось, что путь к легитимизации доказательств, являющихся, как говорят юристы, “плодами отравленного дерева”, теперь открыт. Однако суд не оставил на этих нововведениях камня на камне, выразив сомнение в их конституционности. (...) Вице-министр юстиции Мартин Вархол (...) считает, что суд, отказавшись применять данный закон и ссылаясь при этом непосредственно на конституцию, превысил свои полномочия». (Эва Иванова, «Жеспосполита», 7 июня)

- «51% поляков не поддерживают подготовленный правительством проект изменений в судебной системе. Поддерживают его 31% респондентов, а 18% не смогли определиться с ответом. Опрос Института рыночных и социологических исследований. («Жеспосполита», 1 июня)

- «В последние несколько месяцев полиция демонстрирует довольно жесткое отношение к тем, кто публично выражает свой протест относительно действий нынешней власти. Допрошено более сотни человек, протестовавших у здания Сейма в ночь с 16 на 17 декабря 2016 года. Некоторым из них предъявлены обвинения. (...) В комиссариаты вызваны лица, входившие во двор Сейма и разворачивавшие там транспаранты и государственные флаги. (...) В Кракове допрошены участники организуемых 18-го числа каждого месяца демонстраций против Ярослава Качинского, приезжающего на могилу своего брата и невестки. В Варшаве юридические последствия наступают главным образом для людей, связанных с неформальным Движением граждан Республики Польша и ассоциацией “Объединенные солидарной акцией” (ОСА). (...) В общей сложности меры применены в отношении как минимум нескольких сотен человек, (...) при этом полиция продолжает ужесточать свою линию поведения». (Петр Пытлаковский, «Политика», 17-23 мая)

- «Эва Копач вчера была допрошена в Национальной прокуратуре в качестве свидетеля по делу о непроведении вскрытия жертв смоленской катастрофы. (...) Допрос Копач продолжался четыре часа. О его подробностях бывшая премьер-министр говорить отказалась. “В конце нашего разговора прокурор проинформировал меня, что в соответствии со ст. 241 уголовного кодекса я не имею права распространяться о заданных мне вопросах и ходе беседы”, — объяснила Копач». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 1 июня)

- «В течение первых трех месяцев этого года работу потеряли

1912 сотрудников полиции. Если такая тенденция сохранится, до декабря будет уволено в два раза больше полицейских, чем в 2016 г. (тогда работу потеряли почти 4 тыс. человек). (...) “Из полиции изгоняют наиболее опытных полицейских, начинавших работу до 1990 года”, — рассказывает Рафал Янковский, председатель Главного правления Независимого профсоюза полицейских. (...) Ситуацией массовых увольнений полицейских занялся Уполномоченный по правам человека и гражданина». (Божена Викторовска, «Дзенник газета правна», 11 мая)

• «Некоторые СМИ пытаются сделать из группы генералов касту врагов государства. Началось с разговоров о том, что это привилегированная каста. Теперь же до меня доходят слухи, что несколько польских генералов хотят совершить военный переворот. Так поляков натравливают на военных. (...) Я знаю, что мы мешаем политикам, (...) поскольку открыто критикуем ситуацию в армии. (...) Американцы также довольно сдержанно относятся к тому, что происходит сегодня в польских вооруженных силах. Они видят, что бывшие командиры бригад и дивизий, с которыми они сотрудничали в Ираке и Афганистане, исчезли, покинули ряды вооруженных сил. А ведь именно эти командиры, (...) именно мы показывали, что являемся лучшими представителями польского государства. (...) Мы доказали миру, что польский солдат — это хороший солдат. Сегодня же полякам пытаются внушить нечто противоположное. (...) В американской и европейской армиях служат умные люди, они знают, кто есть кто, и умеют дать этому соответствующую оценку», — генерал Вальдемар Скшипчак, командующий польскими сухопутными силами в 2006–09 гг., командующий многонациональной дивизии «Центр — Юг» в Ираке. («Дзенник газета правна», 19–21 мая)

• «Девальвация знаний и компетенции, на которую обрек нашу армию министр национальной обороны — это одна из причин, по которой я не могу молчать. Я прослужил в армии более сорока лет и еще никогда не видел ее в таком чудовищном состоянии. (...) Происходит ничем не объяснимая чистка среди лучших офицеров. Процесс модернизации практически остановлен. Ослабляется потенциал войск оперативного реагирования, за счет которых создается Территориальная оборона... (...) Мы уже были в двух шагах от создания здоровой, сильной армии. Кадры постоянно совершенствовались, получали опыт в ходе зарубежных миссий. Мы наконец-то начали реализовывать программу модернизации и буквально в последний момент этот процесс пошел вспять. (...) Я всегда служил Польше. Учился не только у нас, но и в США, окончил также курсы в Великобритании и Бельгии. Получаемые знания были нужны мне, чтобы лучше служить Польше. И сегодня,

также желая блага нашей стране, я говорю о том, что, по моему мнению, идет не так, поскольку считаю это своей обязанностью», — генерал Мечислав Ценюх, бывший начальник Генерального штаба, бывший посол Польши в Турции. («Политика», 17–23 мая)

• «Воевода Западно-Поморского воеводства направил старостам, бурмистрам и мэрам городов письмо с просьбой передать ему информацию относительно “иностранцев, имеющих польское гражданство, а также имеющих гражданство других стран и разрешение на пребывание в Польше”. (...) Воевода (...) действовал, исходя из рекомендаций министерства национальной обороны. (...) В связи с этим депутаты “Гражданской платформы” (...) направили запрос премьер-министру Беате Шидло. “С изумлением мы узнали о создании реестров польских граждан нетитульных национальностей. (...) Создание подобных реестров, по нашему мнению, не соответствует Конституции”, — написали депутаты». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 30 мая)

• «Для делегализации Национально-радикального лагеря сегодня нет никаких оснований, даже если кому-то очень не по душе родословная этой организации. В декларации этой организации нет ничего, что могло бы обосновать такой шаг». (Лукаш Важеха, «До жечи», 8–14 мая)

• «В Хващино под Труймястом поляки напали на дом, в котором живут украинцы (десять рабочих, две женщины и двое детей). Били, бросались бутылками, кричали “Вон на Украину!” и “Польша для поляков!”. Хозяин фирмы пытался защитить рабочих и был избит». («Газета wyborча», 1 июня)

• «Институт национальной памяти запланировал на этот год проведение поисковых и эксгумационных работ в трех населенных пунктах Украины. (...) Однако выезд команды поисковиков был отменен. (...) Причиной ужесточения позиции украинской стороны по поводу поисковых работ стали события, связанные с демонтажем в конце апреля в подкарпатской Хрушовице памятника в честь УПА. (...) Разрушение памятника было расценено украинским МИДом как провокация, а Украинский институт национальной памяти заявил, что события в Хрушовице — это очередная “акция насилия над местом памяти украинского народа в Польше”». (Марек Козубаль, «Жеспосполита», 1 июня)

• В Житомире «в открытии мемориальной доски на улице Леха Качинского (...) приняли участие министр в канцелярии президента Республики Польша Адам Квятковский, вице-маршал Сейма Рышард Терлецкий и вице-премьер Украины Геннадий Зубко. “Памяти Леха Качинского, президента Республики Польша, друга Украины”, — гласит надпись на мемориальной доске». (Конрад Высоцкий, «Газета Польска

цодзенне», 22 мая)

• Под-держ-ка пар-тий: «Право и справедливость» — 33,5%, «Граж-дан-ская платфор-ма» — 26,1%, Кукиз'15 — 14,1%, «Современная» — 7,9%, Союз демократических левых сил — 6,1%, крестьянская партия ПСЛ — 4,1%, «Вместе» — 2,5%, не определились с симпатиями — 4,3%. О своем участии в выборах заявили 42,9% респондентов. Опрос Института рыночных и социологических исследований от 25 мая. («Жечпосполита», 29 мая)

• «Польша расколота. На одной стороне — падкий на популизм, антилиберальный электорат, которым управляет ПИС. На другой — конгломерат различных социальных групп, которым не нравится то, что предлагает ПИС. (...) Польша расколота надвое. Есть большие города — и есть провинция. Есть образованные люди и люди малообразованные. В Польше нет политической традиции и нет политической культуры, а общественные институты слабы, и поэтому популистские заявления попадают на благодатную почву. (...) Проведенные два-три года назад опросы относительно приема беженцев показывали, что 70% респондентов не видели для этого никаких противопоказаний. Сегодня же 70% высказываются против. Перед нами все тот же кратковременный пропагандистский эффект. (...) Нашим политикам чуждо понятие моральной ответственности. (...) Всем политическим группам, от крайне правых до леваков, свойственен сугубо технологический подход к политике, когда важна только техника борьбы за голоса сторонников. (...) У польской государственности нет какой-либо системы ценностей. Существует только одна ценность — выиграть ближайшую схватку. (...) Вышесказанное распространяется и на католическую Церковь. Этическая и моральная схоластика служит там заслоном от действительности», — Тадеуш Бартось, бывший доминиканец. («Пшеглэнд», 29 мая — 4 июня)

• «Созданный в конце 90-х годов Правительственный центр стратегических исследований обладал статусом министерства и готовил аналитические материалы, а также занимался долгосрочным прогнозированием. А ведь это самая важная вещь в государстве, его глаза и уши. В 2005 году премьер-министр Марцинкевич ликвидировал этот институт в рамках концепции “дешевого государства”. (...) На его месте ничего так и не возникло. (...) Последующим правительствам также не нужны были команды экспертов. (...) Польшу нельзя назвать нормальным государством. (...) Обе стороны этого конфликта утратили способность мыслить, обе нацелены на один и тот же тип автоматических реакций: победа над противником. (...) Иметь под своим началом сплоченную, дисциплинированную партию считается важнее, чем участвовать в игре, где на кон

поставлены высокие ценности. (...) Гниение прогрессирует, и момент, когда государство начинает разваливаться, уловить очень трудно. По крайней мере, современники этих процессов не видят. (...) Мы не замечаем, что наша государственность исчезает. Управление страной сводится к поглощению ресурсов, предназначенных для будущих поколений. Мы берем у них в долг, одновременно разбазаривая ресурсы взаимного доверия. (...) Вы, конечно, утратили к нам всякое доверие, зато мы получили в руки Конституционный трибунал и контроль над судами. (...) Пока что обе партии ведут себя так, словно считают, будто можно эксплуатировать государство до бесконечности. Наступит ли конец? Мне кажется, это произойдет неожиданно, и встать на ноги после такого будет очень тяжело. Наблюдается некая системная и институциональная беспомощность, из-за которой мы теряем возможность влиять на развитие событий. И не стоит играть с государством в такие игры. Будет ли использовано гниение государства какими-либо внешними силами? Это с удовольствием сделает Россия или кто-нибудь еще. Я имею в виду не войну, (...) а постепенное втягивание ослабевшей страны в орбиту своего влияния. (...) Когда на занятиях я спросил своих студентов, что ожидает Польшу в ближайшие двадцать лет, более половины нарисовали довольно мрачные сценарии. Распад ЕС, война с Россией, демографический кризис, крах системы социального страхования, безумный рост цен на топливо. Мы записали все это, после чего вместе проверили, фигурирует ли какой-нибудь из этих сценариев в официальных документах. В смысле, есть ли у государства план: в этом случае мы делаем то-то и то-то. И никакого плана не было», — доктор наук, экстраординарный профессор Рафал Матыя. («Газета выборча», 3-4 июня)

• «Мы вступаем в Совет безопасности вместе с Кувейтом, Экваториальной Гвинеей, Марокко и Кот-д'Ивуаром (в группе стран Западной Европы Италию заменит Голландия). Польша стала непостоянным членом Совета безопасности ООН. (...) Срок пребывания Польши в этой структуре ООН начнется 1 января 2018 г. и продлится ровно 24 месяца». («Политика», 7-12 июня)

Молодые, образованные, разочарованные

Петр Куляс, кандидат социологических наук, адъюнкт Варшавского университета, сам вполне мог бы оказаться в кругу тех семидесяти с лишним собеседников, которых он отобрал для исследований. Интервью с ними послужили исходным материалом для опубликованной только что книги Куляса «Опроверяемая интеллигентность». Меткое заглавие, так как большинство героев указанной научной одиссеи — молодые, примерно тридцатилетние писатели, ученые, издатели, журналисты, публицисты, общественные активисты (в опросах и обследованиях они анонимны, но обычно уже вполне распознаваемы для широкой публики), причем почти все они довольно сдержанно относятся к своей предполагаемой интеллигентности, дистанцируясь от нее и предпочитая не идентифицировать себя в подобных терминах. Впрочем, не отождествляют они себя и со средним классом — учитывая присущие ему откровенный материализм, карьеризм и стремление к обогащению.

Похожий опыт мы приобрели по случаю недавнего юбилея еженедельника «Политика», когда была организована публичная дискуссия на тему «Психическая кондиция польского интеллигента». Сотрудники нашего регулярного консультативного раздела «Я — Мы — Они», принадлежащие, что ни говори, к настоящим интеллигентам — профессор Кристина Скаржиньская, доктор наук Войцех Кулеша, кандидаты наук Магдалена Качмарек и Петр Качмарек-Курчак, — единодушно и при полном одобрении публики (заметим, интеллигентской) выразили мнение, что интеллигенция как общественный слой давно ушла в историю и что нечего воскрешать ее миф, поскольку он связан с ничем не обоснованным чувством превосходства. Нынче у нас времена нового мещанства, среднего класса, растут ряды профессионалов и экспертов; и если из всего этого и вырисовывается какой-то отчетливо выраженный слой, то его можно было бы назвать слоем специалистов, но в социальной структуре польского общества уже нет места для группы, которая питала бы убежденность в своей исключительной важности и особой миссии.

Преждевременные похороны?

Пожалуй, именно таким образом звучит наиболее обобщенное определение феномена интеллигенции (польской, русской, восточноевропейской), сформулированное в XIX веке и сопровождающее многочисленные дебаты, которые интеллигенция вела о себе самой на протяжении без малого двух столетий, — определение, отмеченное такими фундаментальными трудами, как «Социология и история польской интеллигенции» Юзефа Халасиньского (1946) или «Родословные непокорных» Богдана Цивиньского (1971). Участники публицистических дискуссий, проходивших уже в Третьей Речи Посполитой и инициированных, в частности, «Газетой выборчей», склонялись к выводу, что интеллигенция, осуществив вместе с рабочими трансформацию общественного строя, в конечном итоге бесповоротно отреклась от своей миссии и покинула сцену польской общественной истории. Но все-таки... Петр Куляс приступал к реализации своих исследовательских намерений, воодушевленный наблюдением, свидетельствующим, что сам этот термин не исчез из современного словаря. И что такие важные на сегодняшний день для интеллектуального авангарда нашего молодого поколения институции, как левый ежемесячный общественно-политический журнал «Крытыка политична», центристский интернет-еженедельник «Культура либеральна», располагающийся на правом фланге ежеквартальник «Прессье», как издательства и объединения «Na!art» или «Клуб ягеллоньски», как, наконец, «Res Publica» и «Знак», где произошла смена поколений, — это ничто иное, как интеллигентские формы сосредоточенности; зачастую это названия и значимых периодических изданий, и вместе с тем сконцентрировавшихся вокруг них интеллектуальных сообществ. Если добавить к этому городские движения, культурные объединения и десятки тысяч неправительственных организаций, то обнаруживается некая специфическая общественная ткань.

В свете сказанного не были ли похороны интеллигенции преждевременными? Разве дело не обстоит таким образом, что в очередных возрастных группах и поколениях — парадоксально и вопреки неясному ощущению собственной идентичности — интеллигентский слой возрождается? Разве та действительность, с какой мы теперь имеем дело, эта глобальная атака постправды, политической демагогии и популизма не послужит импульсом, подталкивающим к воскрешению интеллигенции, которая вновь почувствовала бы себя обязанной говорить куда более звучным голосом?

Проф. Хенрик Доманьский, классик в вопросах исследования польской общественной структуры, уже много лет выступает

глашатаем мнения о неизбежном размывании интеллигенции в по-современному расслоившемся среднем классе (доля так называемых специалистов, т.е. профессионалов, экспертов и руководителей высшего звена оценивается в 10–12% всего общества). Однако же при этом он утверждает, что существует некое свойство, отличающее интеллигентов: они всегда были усердными рецензентами действий правящего класса и демонстрировали максимальную гражданскую бдительность. Конечно, их привилегированное общественное положение, необязательно материальное, но вытекающее из знаний и престижа, давало ощущение некоего превосходства, однако вместе с тем обязывало проявлять общественную активность, вести ангажированную жизнь. Так называемый интеллигентский этос, т.е. присущие интеллигенции идеалы и стандарты поведения — стиль жизни, культурные практики, система ценностей — в такой же мере возвышали ее над средним уровнем, в какой становились привлекательным образцом и объектом устремлений для тех, кого можно назвать широкими интеллигентскими массами, — для инженеров, экономистов, руководителей среднего звена, банковских чиновников, врачей, учителей и т. д. Указанный этос — безотносительно к мировоззренческим и идейным воззрениям — обычно складывался из таких качеств, как желание делиться тем, что у тебя есть, деятельность *pro bono* (ради общего блага), широта горизонтов, привязанность к таким ценностям, как эгалитаризм, плюрализм, общественная солидарность. Тем самым во времена, когда слово «традиция» делает такую бурную карьеру, когда власть пытается извлечь из национального хранилища реквизита и атрибутов всяческие фигуры стойких, непоколебимых героев и снова рассказывать сарматскую историю поражений как моральных побед, быть может, есть прямая необходимость обратиться к другому национальному «приданому» — к эмансипации, напряженному труду и общественному служению. Из чтения тех интервью, которые провел Петр Куляс, вытекает, что, собственно говоря, именно это сейчас и происходит. Волей-неволей молодая интеллигенция обособливается и выделяется из общественного пейзажа, хотя и пребывает в явной оппозиции по отношению к своим старшим предшественникам, особенно резко критикуя при этом поколение собственных родителей.

Список претензий

Дистанцированность молодых от свойственной XIX веку юдымовско-силаческой^[1] миссии или от героизма в период последней войны очевидна — для них это история, совсем другие времена, другие вызовы. Польская Народная республика

(ПНР) видится им как явление не такое уж однозначное. С одной стороны, это эпоха так называемой трудовой интеллигенции, которая обычно формировалась в результате повышения социального статуса, и которая — по образцу известного сорокалетнего сериального героя^[2] — имитировала шляхетскую генеалогию, что приводило порой к карикатурным эффектам. Однако, с другой стороны, именно в тот период дело дошло до марьяжа двух интеллигентских традиций — католической и лево-светской (не без влияния уже упомянутой знаменитой «Родословной непокорных»); тем самым в итоге возникла противостоящая авторитарной власти контрэлита, а ее институциональным выражением стал Комитет защиты рабочих (КОР). Идея о том, что интеллигенция должна служить рабочим, а потом и другим общественным слоям, нашла свое воплощение в «Солидарности» с ее экспертами, а затем — в трансформации общественного строя Польши.

Именно здесь для молодого поколения начинается, пожалуй, наиболее серьезная идентификационная проблема. Как утверждает Петр Куляс, детей «трансформационной интеллигенции» (она сама достигла сегодня 60- или 70-летнего возраста), которые часто являются ее потомками в самом буквальном смысле, ныне связывает одно: критический взгляд на трансформацию. Эти молодые люди не принадлежат к числу ее энтузиастов.

Впрочем, такая критика уже сплотила изрядную часть старших возрастных групп среди исследователей общественных отношений и публицистов, которым на сегодняшний день где-то 40–50 лет. Именно так говорит об этом Петру Кулясу один из представителей указанного субпоколения (как они иной раз о себе говорят, поколения неудачно рожденных, потому что им не дано пережить никакого общего для всех потрясения), проф. Дариуш Гавин: «Интеллигенция, собравшаяся вокруг Тадеуша Мазовецкого, осуществила преобразование ПНР в Третью Речь Посполитую, а после тяжелого поражения своего лидера на президентских выборах 1990 г. именно она сформировалась в политическую партию, воспринимая себя при этом в качестве интеллигентской партии». Третью Речь Посполитую можно признать интеллигентским проектом. Класс капиталистов еще не сложился, так что роль гегемона взяли на себя «культурные капиталисты», — при этом данное мнение разделяет, как представляется, большинство исследователей польского общества, принадлежащих к вышеназванному среднему поколению, например, Мацей Гдуля, Пшемислав Садура, Томаш Зарицкий. Но наряду с ними точно так же думает и целая плеяда публицистов, которые сегодня близки к лагерю

власти, т. е. к партии «Право и справедливость» (ПИС). В свою очередь, другая представительница данного поколения, философ и публицистка Агата Белик-Робсон, описывает их следующим образом: «Какая-то часть моего поколения пошла "дорогой изгнания", выбрала внутреннюю и внешнюю эмиграцию. Но значительно большая его часть остается абсолютно стадной и конформистской, причем это патологическая стадность в отвергнутом ими мире; среди них, в частности, журналисты и публицисты: Павел Лисицкий, Петр Семка, Петр Заремба, Яцек и Михал Карновские, да и вся так называемая правая интеллигенция. Причем, невзирая на то, что все эти люди рассорились, они по-прежнему говорят одним голосом».

В чем же конкретно обвиняется интеллигенция эпохи трансформации? В *hard* версии (скорее, правой) — в измене идеалам общественной солидарности и национальных интересов, в версии *soft* (левой) — в наивной вере в конец истории, либеральную демократию и свободный рынок на вечные времена. В насаждении взгляда, что именно «капитализм эффективно реализует этос доктора Юдыма». В заражении окружающих верой, будто модель невидимой руки рынка обеспечит экономический рост, а это будет гарантировать демократический порядок в стране и смягчит возможные социальные напряжения, поскольку откроет для многих дискриминируемых общественных групп новые пути продвижения вверх. В создании образа общества с многочисленным средним классом, куда каждый сможет себя кооптировать, если только захочет взять судьбу в собственные руки и надлежащим образом трудиться (лучше всего — по 14 часов в сутки).

Именно так огромная группа образованных и эрудированных 30-летних обитателей больших городов видит поколение своих матерей и отцов, которые в течение последних двух лет ходили на направленные против ПИС демонстрации и манифестации Комитета защиты демократии, удивляясь, как мало там молодых. И это отнюдь не является оценкой, зарезервированной для приверженцев правых взглядов, для католических традиционалистов или молодых националистов, для избирателей Павла Кукиза и поклонников Януша Корвин-Микке. Как констатирует Петр Куляс, молодые левые и молодые правые говорят по данному вопросу на одном и том же языке.

Благодаря генам и благодаря образованию

В итоге образованных и занимающихся умственным трудом (молодое поколение) жителей больших городов связывает некий общий знаменатель, который Петр Куляс мог бы описать в пяти пунктах. Кроме уже указанного ранее протеста против

трансформации (вот цитата из результатов его исследований: «... трансформационная элита продала народу сказку»), сюда входят еще четыре, а именно: отрицание стиля жизни среднего класса («нет смысла трудиться исключительно ради того, чтобы зарабатывать»); ощущение отсутствия стабильности (неустойчивая, даже шаткая карьера, ненадежность профессионального положения и заработков); тоска по более заметному присутствию государства в жизни (они считают замену государства рынком и гражданским обществом одним из элементов трансформационной сказки); наконец, осознание периферийности Польши (реальное присоединение Польши к Западу всё еще продолжает оставаться декларацией).

А что их разделяет? Разумеется, мировоззрение, политические симпатии (хотя и здесь опять-таки доминирует убежденность, что политика — это в общем и целом грязная игра, недостойная того, чтобы ангажироваться в нее), а также — и это заслуживает особого внимания — осознание своих корней. Лица, которые воздерживаются от того, чтобы идентифицировать себя как интеллигентов, — это в значительной степени (хотя не только) люди, не очень давно приехавшие в большие города, зачастую интеллигентского происхождения, но все-таки провинциалы. Для них интеллигенцией являются ровесники, выходцы из семей укорененных в метрополисах, с несколькими поколениями предков на старинном варшавском кладбище Повонзки, с домами, полными книг и титулованных друзей, с аттестатом зрелости из легендарного комплекса восьми школ на расположенной в самом центре Варшавы улице Беднарской и с дипломом межфакультетского индивидуального гуманитарного обучения в Варшавском университете. Вот как формулирует все это одна из респонденток Куляса: «Не могу сказать, что интеллигентность — это мой статус или нечто, вынесенное из родительского дома. Я вижу людей, которые принадлежат к интеллигентам по факту рождения. Временами вижу их статусность, которую они защищают, употребляя для этого определенные формулы и словно бы ограждая себя: "...ах, у меня в доме было столько книг" или: "...дома родители всегда разговаривали со мной об этом или о том". Есть такие вещи, которые я не умею делать, которых не пережила; или же такие воспоминания, которые у меня отсутствуют: "...а когда я ходила с папой под парусом на лодках с профессором таким-то и таким-то, то дул страшный ветер..."».

Является ли всё это выражением какого-то комплекса или чувства, что «я хуже»? Скорее, нет. Приезжие вместо того, чтобы бороться за пожалование им благородного интеллигентского звания, предпочитают причислять себя — выражаясь по-английски — к *profes*, т.е. к специалистам,

экспертам. Или же вообще не называть себя никак, потому что в их понимании всякие именованья, всякие возвращения к корням пахивают патернализмом, стадностью и снобизмом. Тем не менее как одни (интеллигенты «по рождению»), так и другие («импортные») солидарно отмежевываются также от среднего класса. Это отмежевание заключается в том, что они отвергают стиль жизни, приписываемый этому классу: нуворишское стремление к обогащению, обрастание вещами, консьюмеризм, готовность вкалывать до изнеможения ради самого факта владения. В обстановке квартир или в одежде у таких людей обязателен минимализм (хотя и не аскетизм). Обязательны также начитанность, систематическое общение с актуальной культурой (разумеется, какой-то единственный канон уже много лет отсутствует), посещение тех мест, где стоит бывать («от некоторых форм участия в культуре мы сознательно отказываемся — пожалуй, ни у кого из нас нет телевизора»).

Как говорит исследователь, общим для этих отрицающих интеллигентов является представление об осмысленности и полезности собственного существования. Они понимают это как ответственность за свое ближайшее окружение, за семью, за работу. А как насчет готовности к реализации некой миссии, какого-то волонтерства, общего блага? Да, но без чрезмерности; при этом, по словам Куляса, им, однако, все-таки немножко хочется еще и хорошо жить.

Таким образом, независимо от самоидентификации и генеалогии интеллигентность этих молодых людей словно бы сама собой всплывает наверх. Она проявляется и в стиле жизни, и в этосе. Осмысленность существования представляет собой ту черту, которая издревле характеризует интеллигенцию, — вот к какому заключению приходит ученый.

Молодые за себя постоят

Вполне правдоподобно наступление такого момента, когда это поколение откроет, что окружающий его мир угрожает осмысленности их собственного, сугубо индивидуального существования. В том числе мир политических игр, от которого они сейчас дистанцируются. Точно так же, как их родители в 1980-х годах, они почувствуют в конечном итоге какой-то импульс, толкающий их внятно напомнить о себе и о тех, кто слабее их. Исследователи польского общества, например, Анджей Ледер, утверждают, что должно пройти немало времени, прежде чем очередное поколение сумеет представить образ будущего альтернативный по отношению к тому, что предлагает ПИС, а также построит институты, эффективно конкурирующие с ныне действующей системой власти.

В какие-то моменты кажется, что этот импульс уже где-то близко, что между молодыми дело доходит по крайней мере до какого-то обмена мнениями поперек существующих политических водоразделов и во имя — выражаясь высокопарно — общего блага. Вот что писала недавно на страницах интернет-журнала «Культура либеральна» Катажина Кася, философ и зам. декана одного из факультетов столичной Академии изящных искусств: «Молодые люди все чаще положительно воспринимают то, что предлагают им правые круги. (...) И вместо неясного статуса многонационального Евросоюза выбирают крепкие корни, однозначную национальную идентичность и простую, прямолинейную логику, в рамках которой надлежит делать виновными в собственных несчастьях, в своей бедности и социальном исключении каких-то других людей — хотя бы не принятых в нашу страну беженцев. (...) К власти пришла партия ПИС, объединение «Кукиз'15» тоже добилось немалого успеха (...). Если говорить об идеологическом слое, то ни один из названных политических организмов не в состоянии предложить ничего, кроме горстки "правых" лозунгов. Я не вижу на польской политической сцене молодых и динамичных правых сил, скорее вижу простирающееся между оппортунизмом Бартоломея Мисевича и брызжущим ненавистью крайним радикализмом Яцека Мендлара отсутствие какой-нибудь целостной и хорошо увязанной концепции. А потому я обращаюсь к разочарованным в разной степени молодым интеллектуалам правой ориентации с вопросом: почему в Польше не возникло по-настоящему полноценное правое движение? Почему вы допустили, чтобы вместо него сформировался популистский гибрид, сочетающий социальные требования с ошибочно понимаемой национальной гордостью? Неужто вы и вправду связывали свои надежды с таким правительством? Настало время, чтобы перестать повторять звонкие фразы о фундаментальной роли национального наследия и найти в себе мужество, необходимое для конфронтации с современными проблемами. А для этого нужно взять ответственность на себя».

Иначе говоря, все не так уж плохо. Ведь эти наши молодые все же о чем-то спорят. Старшим приходится с достоинством принять их критику — ведь эстафета бунта молодого поколения против предшествующего вполне естественна. Сегодняшние молодые люди в принципе ровно такие же, какими были их родители, когда претворяли в жизнь «трансформационную сказку». С той лишь разницей, что благодаря поколению родителей нынешняя молодежь обычно лучше них образована, обеспечена и обустроена, она пользуется открытыми границами и свободой высказывания того, что

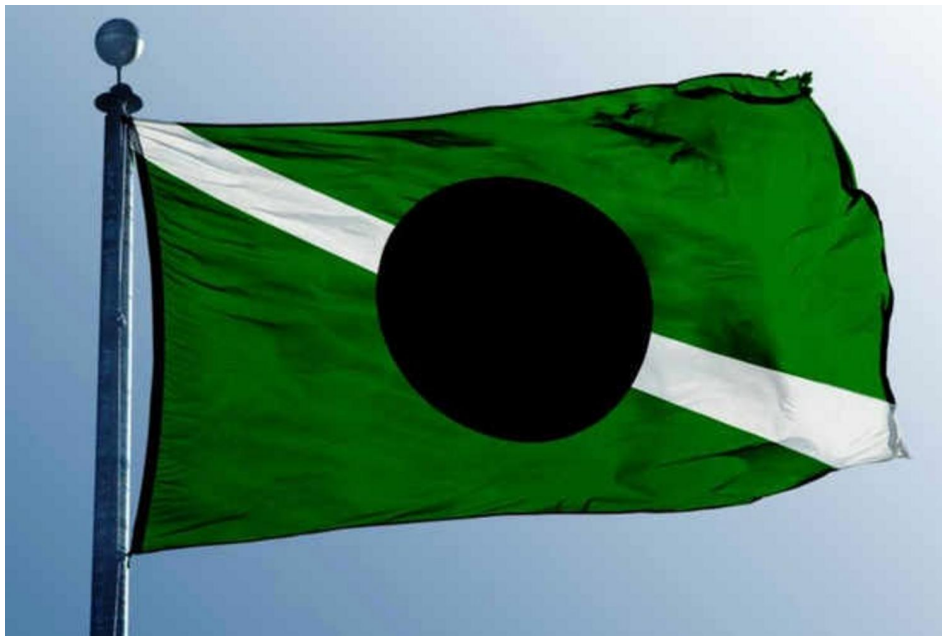
думает. Когда-либо молодые это оценят. Однако в первую очередь они должны поверить в собственные утопии и совершить собственные ошибки.

Цитаты в тексте взяты из книг Петра Куляса «Разговоры об интеллигенции» (2016) и «Опровергаемая интеллигентность» (2017).

POLITYKA

-
1. Имеются в виду врач Томаш Юдым, главный герой романа С. Жеромского «Бездомные» (1899), и героиня рассказа этого же автора «Силачка» (1895).
 2. Речь идет о комедийном сериале «Сорокалетье» (1975–1978, 21 серия).

Эмигранты

Кабутанский флаг

Государство Кабуто имеет флаг, территорию (участок луга в деревне Венява) и несколько тысяч граждан, количество которых постоянно растет.

Мешко Маковский основал свое государство под Радомом. Он не называет себя ни королем, ни даже князем, предпочитая юридически-чиновничью номенклатуру и подчеркивая скорее административные, нежели имперские функции государства Кабуто. По словам Мешко, они касаются исключительно управления. Хотя государство имеет собственные законы (начертанные рукой монарха — ознакомиться с ними можно на интернет-сайте), экономическую систему и границы, трудно себе представить, чтобы этот участок поля мог вместить всех людей, которые на сегодняшний день получили гражданство Кабуто.

Мешко Кабутанский

Монарх усаживает гостей на тахту, сам садится в изголовье и разъясняет нам вопросы государственной независимости. Государство Кабуто располагается на территории Польши, Хорватии и Канады. В Польше суверенитет его в наибольшей степени ограничен (законом об анклав). В Хорватии для

признания независимости государству достаточно иметь участок земли и граждан, примерно так же обстоит дело в Канаде (где территория Кабуто представляет собой не землю, а воду). В польской же конституции ясно сказано: микронация обязана подчиняться законам страны.

Все это непросто, но Мешко, сделав глоток чая, спокойно замечает, что территорию получить, в сущности, очень легко. Надо только отыскать участок земли, который никому не принадлежит. Конвенция о правах и обязанностях государств, подписанная в 1933 г. в Монтевидео, гласит, что достаточно на такую территорию ступить, установить свой флаг и заявить, что она занята. Еще там говорится: «государство как субъект международного права, должно обладать следующими признаками: (а) постоянное население; (б) определенная территория; (в) правительство; и (г) способность к вступлению в отношения с другими государствами».

В случае Кабуто оказалось достаточно заявить о создании государства. Землю на территории Польши Мешко просто купил. В Хорватии и Канаде — нашел по интернету. Часами сидел, разбираясь в международных конфликтах и разыскивая земли-сироты — никому не принадлежащие, свободные. Нашел два участка, объявил, что их занимает, и таким образом присоединил к государству Кабуто.

— Большое значение имеет название государства, — объясняет основатель Кабуто, — оно звучит для Польши достаточно экзотично и это влияет на восприятие: к такой стране человек сразу преисполняется уважением.

Как основать страну, не выходя из своей радомской квартиры? Мешко Маковский все продумал: новое государство должны признать другие страны. В этом вопросе Мешко неосмотрительно помогло польское государство. Однажды в дверь постучал почтальон — принес повестку в полицию: Маковского вызывали для дачи показаний. Мешко, по его собственным словам, совершенно не встревожился, поскольку ничего серьезного у него на совести нет. Он понимал, что польское государство обеспокоено созданием анклава на лугу под Радомом и именно поэтому требует явиться в ближайшее отделение полиции. Мешко открыл конверт и в официальном документе с государственной печатью и орлом прочитал, что «господин Мешко Маковский, проживающий по такому-то адресу, номер удостоверения личности такой-то, вызывается для дачи объяснений в связи с основанием государства Кабуто».

— В государственном документе, — объясняет монарх, — было упомянуто название государства Кабуто, от его основателя требовали объяснений. Таким образом польское государство автоматически признало Кабуто.

Итак, государство Кабуто имеет территорию, граждан, число которых постоянно растет, и флаг: зеленое поле пересекает белая полоса, на ней — черный круг. Как утверждает монарх, флаг символизирует «пограничное» положение Кабуто между двумя системами. Граждане получают удостоверения личности. Очередную партию почтальон приносит как раз в тот момент, когда Мешко, сидя на тахте, объясняет нам нюансы международного права.

— Лично я с ними не знаком, — говорит Маковский, вертя в руках пластиковую карточку. — К нам в Кабуто, обращаются разные люди. Чаще всего те, кому не нравится, как устроено польское государство, его налоги, его бюрократия, его отношение к людям, которые хотят заниматься своим делом, работать в поте лица, на пути которых оно ставит бюрократические препоны. У меня нет причин отказывать кому-либо в гражданстве Кабуто. Разве что известному международному преступнику, но об этом мы договорились заранее.

Кандидаты заполняют специальную анкету на интернет-сайте. Указывают основные личные данные. Заявление считается рассмотренным с момента его прочтения правительством Кабуто. Новые граждане могут зарегистрировать в Кабуто фирму. Они не станут жертвой бюрократии. Кабутанский предприниматель не будет стоять в очередях и спорить с тетенькой в окошке, потому что, во-первых, здесь нет таких тетенок, во-вторых — нет окошек.

На вопрос, причисляет ли он — создатель поистине либертарианского рая — себя к либертарианцам, Мешко Маковский отвечает: — Система Кабуто имеет много либертарианских черт. Но я не хочу, чтобы меня ассоциировали с Корвин-Микке. У него много прекрасных идей, но вокруг них накручено еще больше глупых и ненужных слов. Скажем так: Кабуто является протестом против польской системы, против политиков, которые не замечают, сколько препятствий ежедневно возникает перед гражданами.

В королевстве Кабуто есть министры. Они объявили, что хотят помочь, что для них это важно, что они умеют это делать. Мешко их проверил (в эпоху фейсбука это несложно) и поверил. Тот, кто хорошо себя проявил, остался на службе.

Мешко Маковский — противник польской налоговой системы. В Кабуто налогов нет. На возможные упреки — что он, мол, на польские налоги получил образование и лечился в рамках государственной службы здравоохранения — Мешко возражает: — Большинство налогоплательщиков все равно лечится частным образом, поскольку в государственных медицинских учреждениях очередь на несколько лет вперед. Я тоже лечусь частным образом. Я плачу налоги, потому что

обязан, но стремлюсь это положение дел изменить.

А как помочь тем, кто, в отличие от него, не умеет устроить свою жизнь?

— Я имею в виду тех, кто хуже образован, происходит из бедных регионов и бедных семей. Важно, чтобы они стремились работать, изменить ситуацию, в которой оказались. Не стоит во всем полагаться на государство.

Пока что Маковский политикой заниматься не намерен. Но в будущем не исключает такой возможности. Говорит, что уже получил предложение от всех значимых политических сил в этой стране. Оппозиционных, — уточняет он. Но отказал в сотрудничестве, поскольку, по его словам, не может работать во имя идей, с которыми не согласен.

— Чувствую ли я себя польским патриотом? — повторяет Мешко мой вопрос. — Трудно сказать. Если патриотизм — это действовать так, чтобы становилось лучше, то да. Но сейчас я ощущаю свою связь с Королевством Кабуто. Так что я патриот, но польско-кабутанский.

Мешко Радомский

Он еще в детстве чувствовал, что не хочет жить, как все: гонять мяч да играть в компьютерные игры. День прошел — и ладно. В шестнадцать лет пошел работать.

Сегодня Маковский затрудняется объяснить свою мотивацию, но, по его словам, она наверняка была сильной. Он хотел работать на себя. Необходимости в этом не было, поскольку семья Мешко — не из бедных. Однако юноша хотел реализоваться и иметь деньги на свои нужды. Правда, эти нужды, как правило, означали очередные инвестиции. Такого, чтобы взять и прогулять заработанное, не случалось: нужно непременно инвестировать — железное правило бизнеса. Маковский начинал с торговли настольными играми. Едва закончив лицей, открыл в Радоме магазин, в котором продавал игры, но недолго, поскольку оказалось, что в этом городе спрос на интеллектуальные развлечения невелик. Одновременно он изучал физиотерапию, так что после настольных игр сделал ставку на физиотерапевтический кабинет. Кабинет продержался несколько лет, принося кое-какой доход. Кое-какой — это примерно столько, сколько ровесникам Мешко хватило бы с лихвой, то есть около двух тысяч злотых в месяц.

— Я не хотел быть таким, как они, — говорит он. — До тридцати лет жить с мамочкой, ждать, пока перед тобой поставят тарелку, и целыми днями смотреть телевизор или играть в компьютерные игры. Я хотел чего-то большего. Две тысячи злотых в месяц не были моей целью. Миллион к тридцати годам? Может, и нет, потому что до тридцатилетия мне осталось несколько месяцев. Но к тридцати двум-тридцати

трем — почему бы и нет?

Занимаясь бизнесом, он проходит тернистый путь польского бизнесмена. Протестует против системы, в которой молодой предприниматель, не зная, какое его ждет будущее, сработает ли идея или окажется погребена под законами сложного польского рынка, должен регулярно делать выплаты в Управление социального страхования. Он против системы, которая, не давая ничего взамен, заставляет бесконечно возиться с бумагами, ходить по инстанциям и трепетать перед каждой комиссией.

Поэтому после физиотерапии Мешко изучает администрирование, проникает в тайны искусства управления и учится, например, как правильно оформить заявку, чтобы государственная машина не порвала ее в клочья. Открывает новый бизнес: теперь он учит, как получать финансирование от Евросоюза. Результаты прекрасные, клиентов хватает, но Маковский не разрешает себе почитать на лаврах — инвестирует, инвестирует, инвестирует. Главным образом, в будущее. Откладывает деньги — пригодятся, когда он почувствует, что пора посвятить себя какому-то делу.

За это время — перечисляет Мешко с присущей ему скрупулезностью — он прошел практику в районном суде, получил дополнительное образование в области трудового права, координировал работу акционерного общества Государственной казны и руководил Обществом развития Радомского региона, которое сам основал. Потом придумал фонд. Название — «Уроборос» (мифический змей, кусающий себя за хвост). Цель — помочь тем, кого польская государственная машина прожевала и выплюнула. Маковский постепенно отходит от оформления заявок в Евросоюз, но знания, которые он почерпнул, часы, проведенные за изучением лазеек в евросоюзных документах, помогают ему отыскать лазейки в польском законодательстве.

— Я не юрист, но могу помочь тому, с кого государство несправедливо требует проценты, — объясняет Мешко Маковский. — Я сижу с каждым таким делом, ищу лазейки в законе, которые позволили государству обидеть гражданина, а потом лазейки, которые позволят мне ему помочь. И подсказываю: напишите то-то, отошлите по такому-то адресу. Или засыпайте жалобами, пока они не откажутся от своих требований. Часто это срабатывает.

Поэтому и появилось Кабуто. Во-первых, как говорит Мешко, чтобы распространить идеи «Уробороса» в средствах массовой информации. Во-вторых, новое государство призвано стать «прибежищем» для тех, кому некомфортно в рамках польской системы. Маковский за работу в фонде и за управление Кабуто денег не берет.

Сибиряки... по собственному желанию

с Сергеем Леончиком беседовал Ян
Руждзиньский

Книжки эти можно получить **БЕЗПЛАТНО** въ гми-
ныхъ управленіяхъ, у комиссаровъ и въ Губернскихъ
по Крестьянскимъ Дѣламъ Приютахъ.

Книжки эти можно получить **БЕЗПЛАТНО** w Urzędach Gminnych, u Komisarzy i w Zarządach Gubernialnych do Spraw Włościańskich.

Безплатно.

Изданіе Переселенческаго Управленія.

Переселеніе за Уралъ

въ 1914 году.

ВСѢ НУЖНЫЯ СПРАВКИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПОЧТОЙ и ТЕЛЕ-
ГРАФОМЪ ИЛИ ИЗЪ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ПЕ-
ТЕРБУРГЪ (адресъ для телеграммъ: *Петербургъ—Переселенецъ*),
ИЛИ ИЗЪ СИБИРСКИХЪ РАЙОНОВЪ ВОДВОРЕНІЯ.

Bezplatnie.

Wydanie Zarządu Przesiedleńczego.

Przesiedlenie za Ural

w roku 1914.

WSZELKIE OBJAŚNIENIA MOŻNA OTRZYMYWAĆ PRZEZ POCZTĘ
LUB TELEGRAF, Z ZARZĄDU PRZESIEDLEŃCZEGO (adres dla
dépész: *Петербургъ—Переселенецъ*), ALBO TEŻ Z SYBERYJSKICH
REJONÓW OSIEDLENCZYCH.

С.-Петербургъ.
Типографія В. О. Киршбаума (отдѣленіе), Новопсаковская, 20.
1914.

— Тема вашей книги у многих польских читателей вызовет удивление. Ведь вы пишете, что когда-то в Сибирь абсолютно добровольно выехали тысячи поляков. Сегодня в Польше это противоречит мартирологическому представлению о Сибири и России, как о «тюрьме народов». Вы пишете, что хотя таких переселенцев было меньше, чем эмигрировавших из Царства Польского в обе Америки, но так же, как и те, что оказались за океаном, они искали и нашли за Уралом более благополучную жизнь. На некоторое время.

— Ну что же, опровергать стереотипы самое трудное дело... Согласно доступным нам сведениям, в разные периоды таких людей было около 100 тысяч или даже значительно больше. Причем речь идет только о поляках, так как если считать всех, то есть также белорусов, литовцев, русинов и других, то число это многократно увеличивается. В своей книге я занимаюсь только крестьянами, отправившимися в эмиграцию «за хлебом». Но занимаясь исследованием этого вопроса, я столкнулся также с другими проблемами, касающимися добровольного выезда поляков в Сибирь. Эти факты мало известны в современной Польше. До недавнего времени этим занимались совсем немногие исследователи. Но и в СССР, где я родился и вырос, эта тема была, если можно так сказать, болезненной.

— Почему?

— В Польше, когда речь заходит о Сибири, то по сей день обязательным является взгляд, в соответствии с которым пребывание соотечественников на этих огромных пространствах ассоциируется исключительно со ссылками, каторгой, словом, не только с принуждением, но также зачастую с бесчеловечными условиями проживания, с наказаниями за участие в восстаниях и политических движениях. И это правда. Однако этот взгляд в течение долгого времени не способствовал изучению других событий и явлений, к которым относится, например, трудовая эмиграция, то есть крестьяне-поселенцы. Что же касается СССР, то тогда для исследований препятствием стала личность Петра Столыпина, царского премьер-министра, которого советская история признала «реакционным держимордой», хотя он и проводил реформы, позволявшие добровольцам, не только полякам, селиться в Сибири и заниматься земледелием. Взгляд, признающий его влияние на улучшение экономической ситуации в российской империи, вошел в обиход лишь после развала СССР. Тогда же получило распространение мнение историков о том, что для поляков в Сибири лучшим периодом их жизни стали годы, предшествовавшие началу Первой

мировой войны. Но, исходя из этой цезуры, здесь как раз наступает конец их миграции на Восток.

— *Можно ли сегодня определить, сколько же поляков было в Сибири в то время?*

— Я основываюсь на достоверных данных, которые нашли подтверждение у известного историка Людвика Базылёва. В соответствии с этими данными в Сибири, вернее, в так называемой Азиатской России, то есть в том числе в Казахстане и российской Средней Азии, в 1917 году находилось около 500 тысяч поляков. Из них 250 тысяч — ссыльные или их потомки, 100 тысяч — беженцы с территории Царства Польского и соседних губерний, которые оказались в России в результате немецкого наступления, а остальные — добровольные переселенцы. Среди них 34 тысячи составляли крестьяне, осевшие главным образом в южной части Сибири, о которых я и пишу в своей книге.

— *С какого времени они начали селиться на этих землях?*

— Согласно моим исследованиям, начало организованным поселениям положило значительно более раннее добровольное переселение 20 крестьянских семей из радомской губернии в томскую в 1885 году. Но это происходило отчасти вопреки политике царских властей того времени. Соответствующими правовыми документами поощрялось переселение в Сибирь жителей западных провинций, однако жители территории Царства Польского были из этой программы исключены. Властям было нужно тогда заселять зауральскую, азиатскую часть империи прежде всего людьми, исповедующими православие, которые могли бы как вольные, но при этом послушные люди осваивать часть пригодных для земледелия сибирских земель. Непокорные, исповедующие католичество поляки представляли, по мнению властей, значительную угрозу для государства. Между тем как в Царстве Польском, так и в других западных губерниях в этот период наблюдался неслыханный натуральный прирост населения (в 1885–1901 гг. численность населения на этих землях возросла вдвое!). Более десяти детей в крестьянских семьях было отнюдь не редким явлением, но землі, которая могла бы прокормить этих людей, не прибавлялось, поэтому все больше крестьян задумывалось об эмиграции, мечтая о собственном большом хозяйстве, о достатке.

— *И тогда они целыми семьями двинулись из Царства Польского на Восток?*

— Нет, не тогда. Царские власти, по правде говоря, не могли препятствовать полякам в выезде, но они никоим образом не поддерживали организованную эмиграцию с этой территории. Прежде всего — не поддерживали финансово и не обеспечивали так называемых наделов земли по прибытии на

место. Поэтому до времени реформ Столыпина, то есть реально до 1905 года крестьяне из Царства Польского выезжали за Урал, что называется, «на свой страх и риск». Только когда этот российский премьер-министр (которого в Польше называли не иначе как «ненавистником поляков») публично высказал мнение, что именно крестьяне с польских территорий могут способствовать повышению культуры ведения сельского хозяйства в Сибири, власти стали относиться к этим потенциальным переселенцам более благожелательно и создали для них нечто вроде программы колонизации.

— А может быть, были сделаны какие-то выводы, исходя из того факта, что целые группы польских крестьян всё чаще принимали решение о выезде за океан, например, в Бразилию? Ведь тамошние власти, кроме наделения земель, финансировали дорогу и предоставляли крестьянам дотации?

— Сегодня сложно утверждать, принимало ли правительство Столыпина это во внимание. Однако переселение в Сибирь уже тогда происходило организованным образом. Велась информационная кампания. На польских территориях распространялись, например, издаваемые большими тиражами двуязычные листовки, информирующие о том, как выбирать делегата, то есть того человека, который в качестве разведчика сможет разузнать, в каких сибирских губерниях есть земли, предназначенные для поселенцев, как должна происходить поездка и т.п.

— И как практически выглядело такое переселение?

— Сначала делегат, избранный группой желающих переселиться, выезжал в означенный уезд конкретной губернии за Уралом «на разведку», где ему показывали земли. Потом он возвращался в родное село и сообщал крестьянам полученную информацию. Стоимость путешествия в обе стороны государство ему возмещало. Но уже конкретной семье, которая решалась на переселение, государство возмещало только четвертую часть затрат и только в одну сторону. Переселенцы путешествовали главным образом по действующим уже тогда участкам строящейся Транссибирской железной дороги, в вагонах, называемых «столыпинскими», в которых размещались и люди, и сельскохозяйственные орудия, и живой инвентарь (лишь позже название этих вагонов стало ассоциироваться с коммунистическими репрессиями). По приезде на место поселенцы поначалу жили во временных избах, чтобы уже после того, как хозяйства будут организованы, будут построены собственные дома и в большинстве таких поселений будут выстроены костелы, дать в конце концов селу, которое они основали, официальное название. Таких сел в то время возникло 59.

— Ваши предки тоже попали в Сибирь таким образом?

— Мой прадед решился на эмиграцию достаточно поздно, хотя его большая семья, проживавшая под Лидой, уже довольно давно находилась на грани голода. Сначала он хотел ехать именно в Бразилию. Туда уже перебралась часть семьи, был там уже и ксёндз и костёл. Но гибель «Титаника» оказала свое влияние на людей в селах Подлясья, они стали бояться путешествий через океан. Поэтому прадед, как и многие другие, поменял свои планы и присоединился к группе, которая отправила своего делегата в енисейскую губернию (теперь это Красноярский край). Однако его семья выехала позже, чем вся эта группа, выезд семьи пришлось отложить из-за... рождения моего деда. Только в 1914 г. семья Леончиков, которая состояла из пятнадцати человек, с годовалым сыном, моим дедом, выехала из Бреста и много дней спустя добралась до места, а там уже поселенцы практически немедленно «с места в карьер» приступали к возделыванию полученной ими земли. Как все польские крестьяне.

— *Однако добровольными переселенцами, как вы сами пишете, были не только крестьяне, но и другие социальные группы.*

— Крестьяне среди них были самой небольшой, но хорошо организованной группой. Перемещаться по территории империи, менять место жительства мог тогда, в принципе, любой человек, кроме ссыльных. Большую группу трудовых эмигрантов составляли, например, железнодорожники, выходцы из польских земель. Точных данных привести я не могу, но известно, что в строительстве и обслуживании Транссибирской железной дороги участвовали тысячи поляков. А также инженеров и других специалистов, которых устраивала перспектива хорошего заработка, и поэтому они уезжали из Царства Польского и соседних губерний. Царское ведомство по вопросам переселений, то есть учреждение, занимавшееся поселенцами, было тесно связано с Комитетом Транссибирской железной дороги — крупнейшего в мире проекта по тем временам в области строительства. Село Вершина недалеко от Иркутска построили, например, рабочие из губернии пётрковской, которые только в Сибири занялись земледелием. Не будем забывать и о бывших ссыльных — тех, кто по амнистии или каким-то иным путем получили свободу. Конечно, большинство из них возвращалось на родину, но было также довольно много тех, кто по разным причинам захотел остаться. Главным образом в городах. Основной причиной решения остаться была неуверенность в том, что их ждет по возвращении. Впрочем, выезды и возвращения, миграция в обе стороны, и даже переезды в другое полушарие, за океан, случались также и среди жителей «польских» сел. Сибирская эмиграция крестьян вовсе не всегда означала выезд навсегда. Известны случаи, когда несколько более зажиточные семьи, у

которых на родине остались хозяйства, возвращались обратно — так было после неурожайных лет (1912–1913). Или, скажем, еще более экзотическое путешествие, подтверждение которому я нашел в архиве в Петербурге: одна семья поначалу выехала в Сибирь, потом ее представитель, в поисках еще лучших условий жизни, отправился на остров Мауи (Гавайи), чтобы все же опять вернуться в Сибирь... Я нашел также подтверждение таких случаев, когда крестьяне-поселенцы уезжали из Сибири, чтобы присоединиться к семьям в Бразилии, но затем опять возвращались. Многие я узнал о поселенцах, занимаясь поисками архивных материалов также в Люблине.

— *Попадались ли вам какие-либо материалы, свидетельствующие о том, как они оценивали свою жизнь за Уралом?*

— Сам факт, что большинство из них решило остаться в Сибири, свидетельствует о том, что они чувствовали себя там хорошо. Реформы Столыпина способствовали тому, что сельскохозяйственные районы Сибири за короткое время преуспели в развитии. Перед Первой мировой войной, например, оттуда шел экспорт масла в ... Бельгию. А в Бразилию уже никто не хотел переселяться. Ведь в Сибири было как-то более привычно. Климат, конечно, более суровый, но земледелие велось тем же способом: рожь и пшеница, огороды и сады, а за океаном: жара, кукуруза и кофейные плантации... В селе Белосток, в томской губернии, перед началом Первой мировой войны проживало около 500 человек в более чем 100 хозяйствах. В костёле, построенном из кедрового бруса, звонили бронзовые колокола, играли на фисгармонии, привезенной из далекой Европы, крестили все большее число детей. Даже если не в каждом «польском» селе был такой достаток, то все же в целом в этих селах жилось значительно лучше, чем в родных местах польских колонистов, которые бежали от нищеты и голода.

— *А потом пошло: мировая война, две непонятных для поселенцев революции, изнурительная гражданская война и кровавый большевистский террор. Достигнутый людьми скромный достаток и все, что ими было с надеждой создано, пошло прахом. Спустя буквально несколько лет.*

— К «польским» селам, как и к другим, основанным в те же времена не русскими людьми (например, немцами), большевистская власть относилась враждебно: поселенцы не желали подчиняться новым навязанным правилам. Часть поляков еще до установления «строя социальной справедливости» успела бежать в Польшу. Это произошло благодаря подписанию Рижского договора 1921 года, по которому людям, сумевшим доказать, что они знают польский язык и являются католиками, гарантировалось возвращение. Но в те бурные времена не все об этом узнали. И остались. Это,

впрочем, не является темой моей книги, но по рассказам в моей семье я помню, что они не соглашались на «раскулачивание», на принудительную коллективизацию, что они отстаивали свою веру и свой язык. И держались они вместе. Среди поляков редкостью были смешанные браки с русскими. Репрессии продолжались более десяти лет. Некоторые, если у них была такая возможность (например, имелись родственники в крупных населенных пунктах), бежали от колхозов в города. Однако не всем это удавалось сделать. Именно они более всего пострадали от сталинского террора. В январе 1938 года отряд НКВД окружил село Белосток и арестовал всех поляков – мужчин старше 17 лет. Их было свыше 120 человек, всех их угнали по этапу неизвестно куда. Спустя много дней вернулось лишь несколько человек. Остальных никто больше никогда не видел. Василий Ханевич, поляк, родившийся в селе Белосток, член общества «Мемориал», который на протяжении многих лет изучал следы этого преступления, сравнил поведение НКВД в отношении поляков в Сибири с геноцидом.

— А те, кто пережил репрессии того времени? Как к ним в последующие годы относилась советская власть?

— Так же, как ко всем гражданам СССР: врала и не баловала. В разные периоды более или менее сурово боролась, например, с проявлениями религиозности, противодействовала изучению польского языка, не позволяла полякам создавать свои организации. В 60-е годы XX века, в соответствии с тогдашней экономической политикой, власть ликвидировала в Сибири большинство малых сел, в том числе и большинство «польских». Они были признаны «неэффективными», а их жителей принудительно переселяли в более крупные населенные пункты. Из 59 «наших» сел до сегодняшнего дня сохранилось семь: Александровка, Виленка и Канок в Красноярском крае, Белосток в томской области, Дespoциновка в омской области, Вершина в иркутской области и Знаменка в Республике Хакасия. Отношение властей изменилось после распада СССР: поляки везде в России, то есть и в Сибири, могут создавать свои организации, обучать детей польскому языку, открыто исповедовать веру предков, развивать и поддерживать связи с родиной. И они пользуются этим.

— Пожалуй, наилучшим примером может служить ваша деятельность и ваше развитие в области науки. С каких пор вы начали интересоваться судьбой соотечественников в Сибири?

— Примерно с десятилетнего возраста. Причем, разумеется, все, что связано с судьбами поляков, я узнавал поначалу в моей семье. Я отношусь уже к третьему поколению, родившемуся в Сибири. Появился на свет в местности Ингол в Красноярском крае. Мой отец — потомок польских вольных поселенцев, а

мама — из семьи ссыльных поляков. Самые ранние рассказы об истории семьи я услышал из уст деда, того, чье появление на свет когда-то задержало почти на год выезд моих предков в Сибирь. Помню, как он вспоминал первые годы на новом месте, прожитые в достатке. Позднее, уже в вузе, я заинтересовался судьбами других польских семей в Сибири. И оказалось, что наша семья вовсе не исключение. Ведь потомков тех, кто добровольно оставил родные края на польских землях, проживает на сибирских бескрайних просторах совсем немало. В 1993 году, еще будучи студентом, изучающим русскую филологию, я основал организацию поляков, первую в том районе. Как я позже узнал, я был самым молодым главой регионального полонийного сообщества в мире и одним из самых молодых лидеров национальных (на всю страну) полонийных организаций. Президентом Конгресса поляков в России была тогда Халина Субботович-Романова. Через несколько лет меня выбрали ее заместителем, вице-президентом нашего Конгресса. (Федеральная польская национально-культурная автономия «Конгресс поляков в России»). Я закончил курс языка в Познани. Для меня это была не столько учеба, сколько совершенствование польского языка, ведь родной язык я знаю с детства, как и русский. Поэтому после учебы я работал в Абакане, сначала учителем польского языка, а затем — директором местной Полонийной школы. Мой интерес перерос в серьезные исследования, результаты которых я изложил в диссертации «Поляки южной части енисейской губернии с XIX века до начала XX века», защищенной в 2004 году в университете в Щецине, где я пребывал, будучи стипендиатом Правительства РП. Я организовал выпуск ежеквартальника «Rodacy» («Соотечественники») и по сей день им руковожу, — это орган прессы нашего Конгресса. В городе Минусинск, известном также в Польше как центр сосредоточения поляков в Красноярском крае, мы запустили полонийную радиостанцию, которая ведёт передачи два раза в неделю. В настоящее время я готовлюсь к защите докторской диссертации в Университете естественных-гуманитарных наук в г. Седльце... Разумеется, я бы не смог справиться со всем этим, если бы не помощь, которую оказывают полякам в России Сенат РП, ассоциация «Вспульнота польска» и многие другие учреждения и организации. В наше сообщество в Абакане вскоре после его основания вступило 600 человек.

— Может ли то, что эти люди являются потомками поляков, которые были сосланы или добровольно переселились в Россию, служить поводом для того, чтобы польское государство предоставило им возможность переселиться на постоянное место жительства в Польшу?

— Я считаю, что Польша должна предоставить такой шанс тем из нас, кто захочет приехать на «старую» родину и поселиться там. В последние годы стало очевидным, что польское государство все больше открывается для поляков с Востока. Жаль только, что так поздно. Ведь тех, кто более всего мечтал о возвращении, уже нет в живых. Я думаю, что желающих выехать в Польшу теперь в России найдется не слишком много. Значительно больше таких людей в Казахстане, но это уже другая тема. Наверняка не способствуют возвращению поляков из России различного рода препятствия. Среди Полонии в Сибири, например, много хорошо образованных, весьма неплохо устроившихся людей, но их дипломы врачей, инженеров и т.п. в Польше придется нострифицировать. Для этого в свою очередь необходимо беглое знание языка. И еще одно: даже если они решатся на такой шаг, смогут ли они сразу начать жить на том же уровне, которого достигли там, на Востоке? Ведь польское государство им не может этого гарантировать. Но будем надеяться, что подобные препятствия будут преодолены, ведь пребывание этих людей на берегах Вислы наверняка себя оправдает и будет для Польши весьма полезно.

— *Спасибо за беседу.*

Сергей Леончик — зампред Конгресса поляков в России, преподаватель Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце, автор только что изданной монографии «Сельские поселения польских колонистов (поселенцев) в Сибири во второй половине XIX — начале XX века».

Валерий Мастеров

Тайна чемодана генерала Серова

Исследователи польской истории времен войны и сталинской оккупации несомненно не обойдут вниманием содержимое чемодана Ивана Серова. Однако они не найдут там ни сенсационных открытий, ни деталей проводимых им операций, ни откровений личного характера. Серов говорит языком сталинской пропаганды, а неудобные факты просто замалчивает. Он гордится ликвидацией вильнюсских отделов Армии Крайовой, но не упоминает о том (соответствующий фрагмент цитируется в опубликованной ниже рецензии), что тело Яна Борисевича «Крыси» люди Серова долгое время возили с собой и выставляли напоказ, чтобы запугать местных поляков и литовцев. Список «подвигов» Серова обширен и хорошо известен польским и российским ученым. Конечно, его записки стоит изучить, нельзя лишь позволить, чтобы мертвый генерал пытался переписать нашу историю. И цитировать его можно, но лишь в кавычках.

Ред.

Валерий Мастеров

Тайна чемодана генерала Серова

Издание в России дневников и воспоминаний первого председателя КГБ и одного из главных исполнителей поручений Сталина на территории Польши — явление сенсационное и беспрецедентное

История увидевших свет тайных дневников генерала Ивана Серова сама по себе составляет цепь загадочных сюжетов, интриг и детективных поворотов. Слухи и донесения о том, что некогда могущественный руководитель советских спецслужб, пользовавшийся непререкаемым доверием Сталина и Хрущева, работает над воспоминаниями о своей многогранной деятельности всесоюзного и международного масштаба, давно будоражили очень многих. Заметки человека, который был посвящен в самые оберегаемые государственные секреты и знал подноготную лиц с самой верхней официальной полки, заранее вызывали беспокойство в Кремле и на Лубянке. Еще в

1971 году возглавлявший КГБ Юрий Андропов забил предупредительную тревогу среди коллег по ЦК КПСС о вероятности сенсационной публикации. Однако кроме косвенных подтверждений существования дневников Серова и попыток ими овладеть, ничего существенного обнаружить не удалось.

Гараж с секретом

Тайное стало явным, как часто и бывает, совершенно неожиданно. Это случилось спустя четверть века после смерти прожившего большую жизнь Ивана Серова — он скончался в 1990-ом году, не дожив двух месяцев до 85-летия. Его внучка Вера Серова, затеявшая ремонт на перешедшей ей по наследству от деда подмосковной даче, даже не могла и представить, какая находка станет предметом длительной и кропотливой занятости нескольких людей.

В стене пристроенного к дому разбираемого гаража обнаружился тайник с двумя старомодными чемоданами. Они оказались набиты рукописными и машинописными дневниковыми записями. Но были также копии рапортов, справок, заявлений и всякого рода других документов. Это и был разыскиваемый и упрятанный архив Серова, будто с того света напомнившего о своем высоком профессионализме конспиратора.

Сначала этот обширный архив тщательно разбирала и систематизировала Вера Серова. Уже подготовленные ею материалы стал обрабатывать известный публицист, недавний депутат Государственной думы, член Центрального совета Российского военно-исторического общества Александр Хинштейн. Записи и документы были хронологически выстроены, разбиты на главы с заголовками, снабжены комментариями, примечаниями и краткими биографическими данными упомянутых лиц. Были также исключены повторы и сокращены показавшиеся несущественными и малоинтересными фрагменты. Так появилась большого формата объемная книга с неизвестными документами и фотографиями из личного архива генерала Ивана Серова «Записки из чемодана».

Польский след

Признаюсь, образ Серова складывался у меня постепенно под влиянием публикаций в Польше, где мне довелось поработать довольно длительное время собственным корреспондентом советских и российских СМИ. Образ вырисовывался мрачным: верный и жесткий сталинец, заместитель Берии, карьерист. Все это следовало из быстрого продвижения Серова по службе. О его многих реальных заслугах и успехах не писалось, да они и не

были известны. Смягчала облик офицера спецслужб, пожалуй, лишь одна черта — интеллигентность.

Интерес к Серову возрос в самом начале 2000 годов, когда под Варшавой открыли одну из секретных тюрем, которую связали с его именем. В моем архиве сохранилась небольшая заметка, озаглавленная «Серов из НКВД» («Газета выборча», 22.12.2000), в которой, помимо упомянутой тюрьмы и коротких биографических данных, говорилось, что «с польскими делами он столкнулся уже в 1940 году на Украине, где руководил НКВД». Вспоминалась судьба офицеров Армии Крайовой, а среди них и дважды арестованного Серовым полковника Леопольда Окулицкого, который возглавлял военное антикоммунистическое сопротивление. Там же указано, что Серов в 1995 году посмертно был лишен ордена «Виртути милитари», которым был награжден в 1946 году за заслуги перед ПНР.

Годом позже в обширной статье об обнаруженной замаскированной тюрьме газета «Жечпосполита» (02.10.2001) припомнила еще несколько «помнящих Серова мест» в Варшаве. Газета подчеркнула, что именно «генерал НКВД Иван Серов был одним из главных исполнителей политики Сталина на территории Польши». Статья была проиллюстрирована несколькими снимками, на одном из которых запечатлено четырехэтажное здание на улице Стшелецкой, 8 в варшавском районе Прага. В его подвалах находились камеры предварительного заключения, на этажах — помещения для допросов, столовая и даже квартиры для следователей, охраны и офицеров НКВД. Предположительно в этом здании находился кабинет Ивана Серова, который 11 января 1945 года был назначен советником НКВД СССР при министерстве общественной безопасности Польши.

В 2003 году Институт национальной памяти (ИНП) пригласил меня на презентацию книги «Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Беларуси в 1940 году», которая оказалась интересной сверх всякого ожидания. Прежде всего потому, что это издание — плод историко-архивного сотрудничества ИНП и тогдашнего министерства внутренних дел и администрации Республики Польша с Федеральной службой безопасности Российской Федерации. В результате — извлечены для публикации 170 неизвестных до той поры документов из Центрального архива ФСБ и 2 документа из архива президента России, касающиеся десятков тысяч людей, переживших трагизм выселения с насиженных мест.

Достоверность же всему этому придает решение публиковать документы на двух языках — русском и польском. Причем, не просто тексты, а оригиналы документов. Вот я сейчас стал их перелистывать и опять наткнулся на болезненный польский

след Серова, на сей раз касающийся членов «Союза осадников» на Западной Украине и Западной Белоруссии, которые (далее из предписания наркома внутренних дел СССР Берии наркомам Украины и Белоруссии Серову и Цанаве — В.М.) «являлись военно-полицейской агентурой польского правительства и сейчас представляют собой серьезную базу контрреволюционной работы». Далее следовало «установить», «учесть», «арестовать», «выявить», «изъять», «взять под постоянное наблюдение» в зависимости от степени активности во вражеской работе и наличия огнестрельного и холодного оружия. Дата: 10 октября 1939 года. Насколько это было серьезно, можно судить по резюме Берия: «О ходе исполнения настоящей директивы докладывайте мне еженедельно, в особых случаях — немедленно».

7 января 1940 года Серов представляет Берия подробные сведения (в деле под грифом «Совершенно секретно» 14 страниц — В.М.) «о количестве учтенных осадников и лесной стражи государственных и помещичьих лесов». Ко всему прочему прилагается еще и «встречный план»: «Проводим работу по уточнению списков и дополнительному выявлению переселившихся осадников в города».

Справедливость и благоразумие тоже случались, что подтверждает один из документов иного свойства.

Направленный из Кремля в НКВД тов. Берия Л.П. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года гласит: «Предоставить амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на Советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях».

Свет и тени одного образа

Есть одно очень важное упреждение издателей «Записок из чемодана»: «Готовя рукопись к печати, мы не ставили целью осуждать или обелять ее автора. История не бывает светлой или темной. Она многоцветна».

Замечание не случайное. Стоит согласиться с тем, что упоминания в разного рода статьях о Серове и даже исследования с претензиями на его портрет чаще всего подавались стереотипно в негативном ракурсе. Время декоммунизации, когда началось соревнование «смелых разоблачений», тому способствует. Тем более, когда речь заходит о такой фигуре как Иван Серов, оказавшимся среди движущих политических сил эпохальных событий 1940–1960-х годов. Только перечисление его некоторых должностей и званий может вызвать оторопь. Руководящие посты в НКВД, МВД, КГБ, ГРУ... Кавалер множества боевых наград, Герой Советского Союза, генерал армии... И вдруг опала как результат

«потери политической бдительности» — понижение в звании, лишение орденов, исключение из КПСС.

Кажется совершенно невозможным, что за одну жизнь человек смог принять личное и деятельное участие в событиях, даже одного из которых вполне хватило, чтобы остаться в истории. В годы Второй мировой войны выполнял особо важные и рискованные задания Сталина. С первыми частями вошел в Берлин. О его личной храбрости с оружием в руках много свидетельств. Лично обнаружил останки Гитлера и Геббельса, был вместе с маршалом Жуковым во время церемонии подписания акта о капитуляции Германии. Сопровождал Хрущева в его знаковых зарубежных визитах. Под его контролем в 1947 году проходила денежная реформа, осуществлялся выпуск новых денег и обмен старых купюр. Как кризис-менеджер он направлялся на ведущие «стройки коммунизма». В 1952 году спас амбициозный послевоенный проект: в срок соединил Волгу с Доном. Отправился в первый полет на борту первого советского реактивного пассажирского самолета Ту-104.

Но тот же Серов в 1941–1944 годах руководил депортацией кавказских народов, умирал венгров в 1956-ом... В его записках подробности многих тайных операций органов безопасности и военной разведки. Впервые представлены неизвестные ранее факты трагической судьбы шведского дипломата Рауля Валленберга. И поразительные наблюдения об интригах и подковерной борьбе на самых вершинах власти с упоминанием хорошо известных действующих лиц и исполнителей. А также «утечки» информации на темы, казалось бы, совершенно неправдоподобные. Например, о расчетах и сроках осушения... Каспийского моря.

И все-таки, как ни заманчиво было бы объять необъятное увлекательного чтения, остановимся на польских сюжетах записок Серова, чему он сам посвящает немало места.

От «неслыханного дела» до выбора Берута

Знакомство с Польшей, если судить по «Запискам из чемодана», у Серова началось 17 сентября 1939 года.

Назначенный две недели назад наркомом внутренних дел Украины, 34-летний комиссар госбезопасности получил задание включиться в миссию по присоединению Западной Украины и вместе с оперативными группами НКВД «приступить к выявлению и изъятию враждебных нам лиц». Задание было неожиданное или, как пишет автор, «неслыханное дело: взять у Польши 6 областей и присоединить к Украине и 4 области — к Белоруссии». (Имелись в виду четыре бывших польских воеводства — Львовское, Тернопольское, Станиславовское и Волынское, преобразованных в 6 областей в

составе Украинской ССР).

Серов довольно подробно излагает дальнейшие действия на присоединенных территориях, обращая внимание на отсутствие серьезного противодействия продвижению Красной армии, но и не упуская моментов оказываемого в некоторых пунктах сопротивления поляков и отрядов Организации украинских националистов (ОУН). Описывается зачистка Львова и сложные перипетии вокруг бригадного генерала польской армии — командующего 6-м Львовским корпусом Владислава Лянгнера (ему была дана возможность покинуть СССР и присоединиться к польскому правительству в изгнании).

В этот период «боевая жизнь чекистов», по словам Серова, включала жесткие схватки с ZWZ — Союзом вооруженной борьбы подпольной военной польской организации, переформированную в феврале 1942 года в Армию Крайову. Живо представлены обстоятельства первого ареста Леопольда Окулицкого, впоследствии ставшего начальником штаба польской армии, которую сформировал в СССР плененный в 1939 году дивизионный генерал Владислав Андерс. Серов констатирует: «Несомненно, Андерс и Окулицкий провели достаточную разлагающую работу среди бойцов и офицеров польской армии с расчетом вывести ее из-под советского командования».

Далее Польшу Серов упоминает в главе «Предпоследний год войны. 1944 год». Вернувшись в Москву после «операций по депортации народов» на Кавказе и в Крыму, он внимательно отслеживает сообщения о деятельности созданного на территории СССР Союза польских патриотов и Крайовой Рады Народовой, делегация которой во главе с Эдвардом Осубкой-Моравским в середине мая 1944 года пребывала в Москве. Этот свой интерес Серов пояснил так: «Знал, что рано или поздно мне придется заниматься польскими делами». Собственно, так и получилось. Причем, «заниматься польскими делами» ему довелось вплотную. Этому посвящена отдельная глава «Снова Польша. 1944–1945 годы». Правда, в ней объединены посвященные Польше записи разных лет.

Осень сорок четвертого и зиму сорок пятого годов Серов занимается польскими проблемами уже как представитель НКВД при министерстве общественной безопасности нового польского правительства. Этот период, судя по его запискам, стал чрезвычайно насыщенным, принес множество событий, людей, изменений во взаимоотношениях государств. Все это довольно скрупулезно отмечает автор. Потеря хотя бы одного звена в пересказе всей цепи взаимосвязанных событий может поневоле исказить их последовательность и логику. Поэтому пишущему эти строки остается попросить читателя самому

отправиться (конечно же, при желании) к опубликованным в этой книге дневникам, чтобы почувствовать нерв и напряжение многозначительных обстоятельств, которые перелопачивали судьбы вошедших в историю людей. Тем не менее, все же проведем пунктир через страницы этой главы, чтобы хоть таким образом отметить наиболее заметное. Очень много увлекательного материала содержится в небольшой главе «Охота на «Вилька»». Но на обладателе этого псевдонима командира округа АК в Виленщине подполковнике Кжижановском (о нем тоже своя история) останавливаться не будем. Обратимся к поручению, которое дал Серову Верховный Главнокомандующий Сталин И.В., — вылететь в Прибалтику и связаться с генералом армии Иваном Черняховским. Что и было незамедлительно сделано. И вот первое впечатление.

«По прибытии я встретил молодого, красивого генерал-полковника, дважды Героя Советского Союза, который, кстати сказать, являлся одним из самых молодых, талантливых командующих фронтами.

Товарищ Черняховский мне рассказал, что он дал телеграмму в Ставку Верховного Главнокомандующего, в которой указал, что в тылу фронта действуют отдельные отряды Армии Крайовой (польской националистической организации), которые, несмотря на его неоднократные призывы продолжать наступление против немцев вместе с Советской Армией, не согласились, хотя и не сказали «нет», а вместо борьбы против немцев бродят по лесам и по отдельным населенным пунктам, чинят препятствия бойцам и офицерам, настраивают литовцев против Советской Армии, облагают продовольственным налогом литовцев в ряде населенных пунктов. Одним словом, безобразничают».

С этими «безобразниками» борьба была сложной, но успешной. «Без кровопролития забрали всех солдат-поляков, отобрали у них оружие и организовали лагерь интернированных. После ареста «Вилька» группа «Крыси» скрылась и больше себя не проявляла. И так бесславно закончила свое существование польская бригада АК генерала «Вилька». Отдельные группы «аковцев» мы несколько дней еще ловили и направляли на сборный пункт», — подытоживает Серов операцию в Прибалтике. Кстати, группы «Крыси» (псевдоним бывшего поручика польской армии Яна Борисевича) совершали налеты на советские учреждения и организовывали теракты против актива госорганов. Сам «Крыся» был убит в ходе спецоперации 21 января 1945 года, а его отряды практически уничтожены. Не успев побыть какое-то время в Москве, Серов получил приказ Сталина немедленно вылететь в Люблин, чтобы «принять соответствующие меры безопасности в отношении членов Польского комитета национального освобождения».

Там пришлось задержаться «в связи с напряженной обстановкой: и работал, и учил, помогая органам безопасности Польши, как бороться с контрреволюционными элементами». Серов пишет о плачевном итоге Варшавского восстания, освобождении польской столицы от немцев, о победном продвижении Красной армии по территории Польши: «Мы бьем немцев и освобождаем Польшу, а Миколайчик сидит в Лондоне и занимается политическими интригами. Поживем — увидим, что он запоет. Но ухо надо держать остро». Почтище детектива воспринимается варшавская комбинация вторичного ареста Окулицкого, когда Серов под видом слесаря-водопроводчика с повязкой на один глаз вошел к тому неузнанный. И вот уже из комментария: 27 марта 1945 года Серов задержал 16 руководителей военного и политического подполья Польши, которых вывезли в Москву и в июне приговорили к различным тюремным срокам за организацию диверсионной работы против Красной армии. А вездесущий Серов еще поучаствовал в формировании прокоммунистической Крайовой Рады Народовой и польской избирательной кампании. Главу он заканчивает удовлетворенно: «Мы помогли Беруту выиграть выборы в Польше...»

Эхо «открытия Серова»

Теперь известно, что Иван Серов вел дневники с 1939 года, продолжая делать записи и после своей отставки. Сам факт наличия тайного дневника, который ведет сотрудник спецслужб высокого ранга, вполне мог быть приравнен к разглашению государственной тайны. А во время войны за личные «записи в стол» офицерам грозил трибунал и штрафбат. Только жена Серова, Вера Ивановна, знала о работе мужа над мемуарами, поскольку часть из них перепечатала на машинке.

В книгу «Записки из чемодана» вошло, как говорят издатели, около трети воспоминаний Серова, четверть века замурованных в стене гаража. Но этого было достаточно, чтобы вызвать ажиотаж. Произошло своего рода «открытие Серова». Опубликованные дневники представили генерала не только как жесткого руководителя спецслужб, но и как сильную личность, которая сознательно акцентирует свои поступки, открыто рассказывает о взаимоотношениях с «сильными мира сего» и допускает свой взгляд на происходящие события. Вероятно, поэтому заартачились те, кто не мог совместить сложившийся образ не знающего жалости чекиста с позитивными нюансами в его биографии.

Появились сомнения в подлинности дневников Серова. Один из историков в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы»

заявил о возможности их подделки, а сам выход книги назвал «идеологическим заказом», дабы реабилитировать Ивана Серова. Пресненский суд Москвы рассматривал иск внучки генерала Веры Серовой, потребовавшей более трех миллионов рублей от радиостанции и ее гостя «за очернение памяти деда», но высказанное в эфире было признано оценочным суждением. Понятно, что не все, прочитав записки Серова, закроют свои вопросы. К примеру, те, кого интересует польский период его деятельности, уже высказывают свою неудовлетворенность косвенным замечанием о Катынском деле. Или отсутствием хотя бы упоминания о Болеславе Пясецком — известном политике, который до войны был лидером праворадикальных сил. Во время войны его боевой послужной список включает и Армию Крайову, но арест НКВД, вербовка Серовым и освобождение переводят стрелки на сотрудничество с коммунистическими властями. Тем не менее, должно признать: дана возможность увидеть тайны исторических событий сталинской эпохи глазами их прямого участника и очевидца.

Валерий Мастеров — многолетний собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве, сейчас — пресс-секретарь Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия». Статья написана для «Новой Польши».

Дерево

Перевод Ксении Старосельской

1.

Старый еврей, бородатый, в черной шляпе, в длинном черном пальто, выходит из дому около восьми утра и садится в трамвай на Тарговой, возле базара Ружицкого^[1].

Случается, что через две остановки, на Ягеллонской, в тот же самый трамвай садится другой старый еврей, хотя чаще они едут разными трамваями.

Третий старый еврей, который должен садиться за две остановки до базара, на Замойского, очень слаб и ездит в синагогу только по субботам.

В синагоге они читают утреннюю молитву, после чего съедают дармовой кошерный завтрак.

Вернувшись домой, они ложатся в кровать. Копят силы. В три нужно встать и идти на трамвайную остановку. Им предстоит прочитать две молитвы, дневную и вечернюю.

В субботу, если не скользко, не идет дождь и нет сильного ветра, молиться приходят человек двадцать.

Это последние в Варшаве, а может быть, и в Польше, а может, и на Земле восточноевропейские евреи.

2.

Их территория ограничена несколькими улицами на Праге вблизи детского сада. В детском саду есть площадка с качелями и небольшим холмиком, на который ведут каменные ступеньки. Тут стояла круглая синагога, самая старая в Варшаве. Скромная, без украшений, — одна из первых круглых синагог в Европе. Внутри всё было сожжено во время войны, стены разобрали после войны. Ступеньки ведут в никуда.

Земельный участок принадлежал Бергсонам, основателем рода которых был Шмуль Збыткововер, банкир короля Станислава Августа. Недвижимость подарил еврейской общине сын Шмуля, Берек. “Все эти строения и участки от недр земли до небесных высей отдаю в вечное пользование как неоспоримый добровольный дар, не подлежащий отмене в будущем, — писал он в акте дарения в 1807 году. — Супруга моя и повелительница — долгой ей жизни! — в этом меня поддержала. Я же обращаю свои молитвы к Всевышнему, дабы взор его днем и ночью был устремлен на дом сей...”

Сыновья Берека обратились к наместнику Зайончеку^[2] с просьбой разрешить им жить на любой варшавской улице за пределами еврейского квартала, даже если они будут носить еврейскую одежду и бороды. Наместник просьбу поддержал и представил Александру I. Царь дал соизволение на улицу, бороду и традиционную одежду только одному из братьев — самому старшему.

Самый младший брат, Михал, уехал в Париж. Он был учеником Шопена, композитором и пианистом. Сочинял оперы и фортепианные произведения.

Сын Михала, Анри Бергсон, — французский философ, лауреат Нобелевской премии. Писал о роли инстинкта, интеллекта и интуиции. После захвата Франции немцами правительство Виши уведомило философа, что его не будут касаться антиеврейские ограничения. В ответ Бергсон отказался от наград, которых его удостоила Франция, и, восьмидесятилетний, отстоял многочасовую очередь, чтобы, согласно указу властей, зарегистрироваться евреем. Вскоре после этого он умер. Ему был близок католицизм, однако креститься он не стал. “Хочу остаться с теми, кого завтра будут преследовать”, — написал Анри Бергсон в завещании.

К участку, над которым витают духи банкиров, музыкантов и философов, прилегают два дома. Один из них, скромный, одноэтажный, красного кирпича, некогда предназначался для миквы — ритуальной бани; тут живет восточноевропейский еврей, который садится в трамвай на Ягеллонской. Другой дом — двухэтажный, импозантный — был построен^[3] на месте бывшего приюта для нищих, скитальцев и раскаявшихся грешников. В нем разместили — о чем напоминает мемориальная доска — Воспитательный дом варшавской еврейской общины им. Михала Бергсона. Одну из квартир занимает восточноевропейская еврейка, которая ни на каком трамвае в синагогу не ездит.

3.

Ее называли Нинель. Н-и-н-е-л-ь — Ленин, если читать в обратном порядке. Старшая сестра получила имя Рема — аббревиатура советского лозунга двадцатых годов «Революция плюс Механизация».

Рема из Польши уехала, а Нинель со своим именем осталась. «Что это за имя — Нинель?» — спрашивали у нее, понижая голос, чиновники, почтальоны, акушерка, принимавшая роды, и знакомые на курорте, а она лихорадочно раздумывала: солгать или стерпеть еще раз, с отчаянием, но достойно? В возрасте пятидесяти лет она побывала в Израиле и узнала, что нин-ель — сочетание двух древнееврейских слов: правнук и Бог.

День, когда она перестала быть Лениным и стала Божьей Правнучкой, был одним из самых счастливых в ее жизни. Дед Нинели — извозчик, управлявший чужой лошадей, — и отец, портновский подмастерье, были родом из Свенця. Бабушка умерла молодой; умирая, она звала сына, будущего отца Нинели. Когда сын пришел в больницу, ее уже не было в живых. Санитар хотел показать покойницу сыну, отвел мальчика в морг и... перепутал контейнеры. Открыл какой-то, и глазам предстала куча отрезанных человеческих рук и ног. Мальчик вернулся домой, лег и заснул. Спал несколько дней. Вызвали врача. Врач ничего не сумел сделать, но сказал, что случай интересный и что он охотно купил бы пациента в спячке. Дед согласился. Врач оставил деньги, забрал будущего отца Нинели, а дед купил себе лошадь. Будущий отец проспал двадцать три дня и проснулся на удивление здоровым. Врач описал «случай пациента К.» — его до сих пор можно найти в некоторых учебниках.

Будущий отец Нинели стал коммунистом. Уехал в Москву. Изучал, а потом сам преподавал марксистскую философию. Вызвал из Свенця брата и сестру, Абрама и Рахель. Всех арестовали в тридцать седьмом. Отец Нинели просидел девять лет, Рахель и Абрам — по восемнадцать.

Они вернулись в Польшу. Нинель закончила факультет электроники. Она знаток еврейских обычаев и талмудистского права. Ее сын выучил иврит и еврейские молитвы. В тринадцать лет прошел обряд бар-мицвы, получил право носить талес, молиться вместе с взрослыми мужчинами и читать вслух Тору. Это была первая после окончания войны бар-мицва в варшавской синагоге.

4.

У восточноевропейского еврея, который живет в одноэтажном доме, был религиозный отец, член городской управы в Ласкажеве. Были три брата и три сестры. Были двое детей и жена. Была лошадь, повозка с брезентовым верхом и магазин, который они держали вместе с братом. Звали его Сруль.

Он торговал скотом и мясом в разных деревнях: Корначице, Издебно, Моранов, Леокадия, Соснинка, Пшеленк, Зигмунтов, Левиков, Мелянов, Хотынь и Вельки-Ляс.

Мужики, с которыми торговал и которым давал займы деньги (он говорил: «Открой ящик, возьми, сколько тебе нужно, отдашь, когда сможешь»), постановили, что Сруль должен выжить.

Дали ему имя Зигмунт.

Разрешали ночевать в своих овинах, лесах и стогах сена.

Кормили хлебом, супом и картошкой. Когда его жена Йохвед и дочка Бася погибли в гетто, ему говорили, что он должен жить

ради сына. Когда погиб Шмулек, говорили, что должен жить ради них.

Он выжил благодаря крестьянам из Корначице, Издебна, Моранова, Леокадии, Соснинки, Пшеленка, Зигмунтова, Левикова, Мелянова, Хотыня и Вельки-Ляса.

После войны он ездил в органы госбезопасности — свидетельствовал, что арестованный аковец не убивал евреев. Ходил на фабрики, говорил:

— Отец этой девушки меня спас, а вы не хотите брать ее на работу?

Устраивал им приглашения из-за границы. Продавал без карточек мясо с кошерной бойни, а коровьи и телячьи ноги давал бесплатно. Был гостем на семейных праздниках. Танцевал с чужими невестами на чужих свадьбах и сидел за столом недалеко от приходского ксендза и солтыса.

В одноэтажном доме, над которым витают духи банкиров, музыкантов и философов, в комнате, которая была раздевалкой миквы, восточноевропейский еврей просматривает поздравительные открытки. Как и каждый год, они пришли из Корначице, Издебна, Моранова, Леокадии, Соснинки, Пшеленка, Зигмунтова, Левикова, Мелянова, Хотыня и Вельки-Ляса.

Последним он берет конверт из Нью-Йорка.

— Читай вслух, — говорит. — Я почти совсем ослеп.

Конверт вскрыт. Листок с фирменным знаком авиакомпания, исписанный корявым почерком, читан-перечитан: «Читая твое письмо, я сильно расплакался. Я все так же жалею, что убежал из поезда. Жизнь у меня одинокая. Желаю тебе доброго здоровья, твой Мойше».

Они ехали в Треблинку в одном вагоне: Мойше Ландсман, приятель из Ласкажева, и он с четырехлетним сыном. Когда сын в вагоне задохнулся, Мойше Ландсман шепнул: «Сейчас!»

— и прыгнул первым.

— Пиши, — говорит он мне. — Я почти совсем ослеп.

Протягивает листок почтовой бумаги и начинает диктовать:

— Дорогой Мойше, ты прав. Ради кого мы прыгали? Какого черта прыгали? Оно нам нужно было — прыгать из этого поезда?.. Или нет...

Передумал. Забирает у меня почтовую бумагу и протягивает блестящую открытку. На открытке елка с множеством разноцветных шаров и горящих свечей.

— Пиши, — говорит он. — Дорогой Мойше, по случаю Нового тысяча девятьсот девяносто пятого года желаю тебе много здоровья и...

— И?..

— Ты пиши, пиши. Не знаешь, чего желают на Новый год?

5.

Сына Нинели, Божьей Правнучки, готовил к бар-мицве бородатый еврей, который садится в трамвай на Тарговой. Он был шойхетом, то есть резником. Искусству ритуального убоя его обучал Исаак Дублин, а Талмуду — Моше Типнис; во всем Рокитне не было более набожных, более ученых евреев. После шестидесяти нельзя быть резником. Рука может дрогнуть, нож поцарапает кожу, и мясо уже не будет кошерным.

Когда еврей с Тарговой улицы перестал быть шойхетом — последним в Варшаве — последним в Польше, он решил уехать в Израиль.

Собрал мебель в дорогу, запер в комнате, а ключ спрятал в полотняный мешочек.

Сам переселился в кухню. Там прибывало кастрюль, которые не стоит мыть, баночек, которые не стоит выбрасывать, черствого хлеба, прочитанных газет, рваных пакетов, старых башмаков, крышечек от бутылок, пробок и тряпок.

Вернувшись после утренней молитвы, он снимает черный костюм и в нижнем белье ложится в постель, которую не стоит застилать. Белую бороду и желто-серые худые руки кладет поверх желтовато-серого одеяла. Погружается в недолгий чуткий сон перед полуденной молитвой.

Он хочет поплыть со своей мебелью в Хайфу на торговом судне. Притом бесплатно, и потому отправляется в израильское посольство и просит билет.

Ему отвечают, что это невозможно.

Проходит года два или три. Он отправляется в посольство, просит билет.

Ему говорят, что это невозможно.

Проходит года два или три...

Возможно, из других стран, западноевропейских, ПОЕХАТЬ в Израиль — пара пустяков.

Восточноевропейский еврей не поедет с бухты-барахты.

Он должен СОБРАТЬСЯ — а на это требуется время.

Бородатый еврей с Тарговой улицы, последний польский шойхет, собирается в Израиль уже тридцать лет.

6.

К последнему шойхету пришел еврей средних лет. Тоже восточноевропейский, но с Воли.

На углу Редутовой и Вольской, напротив водоразборной колонки, у его отца была портняжная мастерская.

Воду носили в ведрах на коромысле.

Колонка была красного цвета.

Отец шил костюмы.

Жена фабриканта Кригера заплатила за пошив костюма из

шерсти сто пятнадцать злотых.

Отец за пять злотых купил отжималку, за пятнадцать лохань, а остальное проиграл в штос.

Это случилось перед Пасхой. Мать послала детей к раввину.

Раввин жил на Вольской, напротив хедера. Пошли все пятеро, он и сестры — Крейндл, Фрейндл, Файге и Ханя. Раввин дал им сорок восемь яиц и пачку печенья.

Он наблюдал за отцом — как тот играл и как проигрывал — и сделал вывод: в любой карточной игре судьбе можно помочь. Родители были глухонемые. Разговаривали на идише, на языке жестов. Благодаря этому у него не было еврейского акцента, и после ликвидации гетто не составило труда прикидываться арийцем.

Он был уличным певцом, чистильщиком обуви, продавцом папирос, пастухом и рабочим на железной дороге. Жил на Западном вокзале, на четвертом перроне, в будке осматривщиков вагонов. Через вокзал проходили немецкие поезда с восточного фронта — солдаты ехали в отпуск. У этих солдат можно было купить шампанское и сардины, а им продать фонарики, батарейки и вечные перья. Торговал он ночью, товар сбывал в Мировских торговых рядах ранним утром, а днем ходил с молотком и проверял рельсы, колеса и тормоза.

Женился он на польке. Она родила ему сыновей, которые не хотели быть евреями.

Он не любит хвастаться, но лучше игрока, чем он, нет ни в отеле «Мариотт», ни в клубе «Рио Гранде», ни на базаре Ружицкого. Играет он в штос, покер, буру, деберц, рулетку и шестьдесят шесть. Хвастаться не хочет, но лучше игрока нет во всей Варшаве.

А все потому, что отец проиграл деньги, которыми расплатилась за костюм жена фабриканта Кригера.

Последний игрок пришел к последнему шойхету по весьма деликатному делу.

У него есть женщина, Тоська. Приятная, с большой грудью и добрыми голубыми глазами. Ему ужасно хочется, чтобы Тоська оказалась еврейкой. Однажды она рассказывала, как ее отец убивал петуха. — Р-р-р-раз — полоснул ножом по глотке — и нет петуха.

В душе игрока затеплилась надежда.

Они с Тоськой пошли к последнему шойхету.

Посадили его в машину.

Поехали в деревню.

Купили петуха.

Последний шойхет вырвал из петушиной шеи несколько перьев. Достал из холщового чехла ритуальный нож — узкий и острый, без единой зазубрины. Проверил пальцем, гладкое ли лезвие. Полоснул ножом по глотке — р-р-р-раз...

Они посмотрели на Тоську.

— Так делал твой отец?

— Так, — подтвердила она.

— Значит, он был еврей, — обрадовался последний игрок. — Может, даже резником был?..

— Глотку он проверял? — встревожился последний шойхет, внимательно осматривая убитую птицу. — В глотке ни в коем случае нельзя оставлять ни зернышка корма, иначе птица будет нечистой.

Тоська не помнила, проверял ли ее отец глотку, но последний игрок на мелочи внимания не обращал.

— Твой отец был еврей, ты — еврейка, наконец-то ты на правильном пути, и всё благодаря мне.

Он взял ее с собой в синагогу, отправил на балкон к женщинам, сам подошел к Торе и стал, как и каждую субботу, молиться за души своих четырех сестер — Крейндл, Фрейндл, Файге и Хани.

7.

Последний кантор Давид Б. и его жена Зысля решили эмигрировать ради сына.

Сын закончил школу, по точным наукам у него были пятерки, и он хотел заниматься электроникой.

Давид и Зысля мечтали, чтобы он получил высшее образование; чтобы нашел себе еврейскую девушку; чтобы девушка родила ему хороших детей. Мечтали в окружении детей и внуков дожждаться спокойной счастливой старости.

Все было готово к отъезду.

Они переделали стеганое пуховое одеяло. (Хозяйка мастерской на Виленской в жизни еще не видела такого пуха, и они ей объяснили, что пух — голубиный. Мириам, Зыслина мать, прислала им одеяло в Луцк буквально в последнюю минуту, и это была единственная вещь, которую они не поменяли на муку и картошку. Благодаря одеялу они пережили военные морозы в Коми АССР и в Акмолинской области.)

Одеяло уложили в ящик вместе с часами, которые били каждые пятнадцать минут. Это были особенные часы. Давид Б. заменил цифры на старом красивом циферблате древнееврейскими буквами. Вместо 1 теперь был алеф, вместо 2 — бейс, вместо 3 — гимл и так далее. (И пению, и любви к часам Давида научил отец. Он был владельцем часовой мастерской в центре Кельце и кантором в небольшой синагоге на Нововаршавской.)

Упаковали картины, нарисованные неким Шевченко, украинцем. (Все перед отъездом заказывали картины.) На их картинах были изображены женщины над субботними свечами, мужчины над Торой и евреи — вечные скитальцы. Сцены с Торой им нравились, потому что синагога напоминала келецкую, на Нововаршавской, а вот Вечный Жид вызывал

сомнения. Он сидел усталый, босой на обочине дороги, с Торой в одной руке и посохом в другой; башмаки висели у него на шее. Возможно, были ему тесны, а может, он их берег. Так вот, с башмаками этими вышла серьезная промашка: старые, грязные, они соприкасались со Священной Книгой! (На это обратила внимание Зысля. Она превосходно знала разные запреты и наставления, потому что религии ее учила жена раввина с Повисля. Раввин жил на углу Хелмской, Зысля — на Черняковской, напротив была миква и молитвенный дом. После смерти раввина его место занял зять, последователь цадика из Пясечна. У него имелся врачебный диплом, к тому же он был шурином цадика из Козенице. Когда Зысля лежала в больнице, раввин дал ее матери лекарство и произнес три слова: Гот зол трефн. И Бог помог, на следующий день горячки как не бывало.)

Они раздали мебель.

Продали пианино.

Упаковали одежду.

Зысля прибралась в квартире и спустилась вниз вынести мусор. Когда она вернулась, окно было распахнуто настежь. Во дворе кто-то дико кричал.

Жене кантора хочется верить в несчастный случай. Женщины в синагоге верят в несчастную любовь...

С фотографии на могильной плите на Еврейском кладбище смотрит красивый мальчик с серьезными темными глазами. На картинах на стенах квартиры — женщины над субботними свечами, мужчины над Торой и Вечный Жид.

На кровати лежит стеганое одеяло из голубиноного пуха.

Часы бьют каждые пятнадцать минут.

В комнате стоят два больших чемодана. Там лежит упакованная в дорогу одежда сына. За двадцать пять лет чемоданы не открывали ни разу. Каждый день с них стирают пыль и накрывают белой вязаной скатеркой.

Последний кантор садится в трамвай на Замойского.

В синагоге он бывает только по субботам.

Поет только раз в году, на Йом-Кипур.

Поет *Эль мале рахамим*^[4], Господь милосердный.

Целый год копит силы для этого дня и этой песни.

Все евреи в синагоге ее ждут.

Из немощного старческого тела вырывается голос чистый, сильный, преисполненный любви и отчаяния.

Никто уже не споеет *Эль мале рахамим* так, как последний варшавский кантор.

8.

Пора задать вопрос: что означает «восточноевропейский» и где начинается Восток.

Для Богумила Грабала Восток начинается там, где «заканчиваются австрийские ампирные вокзалы». Странно. Ампиризм господствовал в архитектуре, когда не было ни железных дорог, ни вокзалов. Возможно, Грабал имел в виду более поздние белые австрийские здания, облицованные зелеными плитами. В таком случае Восточная Европа должна начинаться за вокзалами Лежайска и Сажины, не раньше Сталёва-Воли^[5].

Для историков Агнешки и Генрика Самсоновичей Восток начинается сразу за Вислой^[6]. По дороге в Дзбендз мы миновали мост, въехали на Тарговую, и Агнешка С. сказала: вот он, Восток!

А ведь здесь, в частной библиотеке на пересечении Кавенчинской и Радзиминской, в невеселые пятидесятые годы имелся весь Пруст. Довоенная седая владелица снимает с полки довоенные тома (каждый обернут в грубую упаковочную бумагу) и говорит: вот ЭТО прочти.

Анджей Чайковский, пианист, привез себе Пруста из Парижа. А я — из библиотеки на Кавенчинской.

Неужели Восточная Европа должна начинаться до библиотеки с полным собранием Пруста?

Для Абрахама Дж. Хешеля^[7], философа и теолога, границы Востока значения не имели, поскольку восточноевропейские евреи жили скорее во времени, чем в пространстве. А если в пространстве, то между преисподней и небесами.

Название Польша по еврейской легенде происходит от древнееврейских слов «по лин» — «здесь живи». Слова эти, начертанные на листке бумаге, нашли евреи, убежавшие из Германии от погромов и чумы. Записка имела небесное происхождение. Она лежала под деревом. В ветвях дерева прятались блуждающие души. Помочь им мог только благочестивый еврей, читающий вечернюю молитву. Короче, если граница Восточной Европы существует, пограничный столб — дерево, под которым лежала записка.

Рассказ выходит осенью 2017 г. в книге Ханны Кралль «Портрет с пулей в челюсти и другие истории», издательство Corpus. Перевод Ксении Старосельской.

-
1. Тарговая улица (targ — базар) возникла на рубеже XII и XIII вв. как часть огромной базарной площади; название получила в 1791 г. Базар Ружицкого — историческая достопримечательность столицы; основан фармацевтом и

общественным деятелем Ю.Ю. Ружицким в 1901 г. в правобережном районе Варшавы — Прага.

2. Юзеф Зайончек (1752–1826) — польский и французский генерал, доверенное лицо великого князя Константина Павловича, первый наместник Царства Польского (1815–1826).
3. Дом был построен в 1911–1914 гг. по инициативе Михала Бергсона.
4. Начало еврейской поминальной молитвы; на слова этой молитвы написана известная песня.
5. Сталёва-Воля — город в Польше, входит в Подкарпатское воеводство.
6. На восточном берегу Вислы находится Варшавский район Прага; центр и Старый город расположены на левом, западном берегу.
7. Абрахам Джошуа Хешель (1907–1972) — американский раввин польского происхождения, один из ведущих еврейских богословов и философов XX века.

Культурная хроника

Международная литературная премия имени Збигнева Херберта (статуэтка и 50 тыс. долларов) вручена 25 мая в Варшаве Брейтену Брейтенбаху из Южно-Африканской Республики. 77-летний Брейтенбах, родившийся в белой семье африканеров, — поэт, прозаик, эссеист автор театральных пьес. Пишет на африкаанс, смеси нидерландского, английского и африканских языков; кроме того, он — профессиональный художник. Известен также своим участием в борьбе с апартеидом. Как отметил в речи в честь лауреата Ярослав Миколаевский, «Брейтен Брейтенбах — выдающийся поэт и выдающийся человек. Особенность его стихов и поэм — моральное напряжение, масштабность и динамика воображения. Особенность его человеческой позиции — неприятие насилия, дискриминации, неравенства. По завету Херберта: не только высказывание в пользу слабых, но и жизнь на их стороне. Человеческое благородство принесло ему известность, братскую любовь и семь лет тюрьмы за бескомпромиссность в правом деле. А поэтические заслуги приносят ему сегодня премию имени Збигнева Херберта». Премия присуждалась уже в пятый раз.

«Варшавской литературной премьерой» мая 2017 года признана книга Анны Пивковской «Прóклятая. Поэзия и любовь Марины Цветаевой». На встрече в варшавском Клубе книжника премию автору и почетный диплом издательства «Искры» вручил председатель жюри Адам Поморский. С приветственной речью выступил Марек Радзивон.

В результате плебисцита лучшей книгой 2016 года признана документальная книга Анеты Прымаки-Онишк «Исход 1915. Забытые беженцы» (издательство «Чарне»). Книга напоминает о сотнях тысяч людей, которые покинули свои дома и двинулись на восток, в глубину Российской Империи во время Первой мировой войны. «Это важный урок для сегодняшнего, вовлеченного в геополитику, читателя, — отмечается в вердикте жюри Варшавской литературной премии. — Это пионерская разработка темы беженства, безукоризненный исторический репортаж, в котором локальная ситуация вписывается в универсальный опыт беженства». Сама Анета Прымаки-Онишк в комментарии для «Тыгодника повшехного» сказала: «Когда я начинала работу над книгой в

2012 году, еще не было темы беженцев. Но очень вскоре тема возникла, и аналогии между событиями вековой давности и миграционным кризисом, который разворачивается теперь на наших глазах, возникли сами собой. Конечно, много различий, хотя бы социальный, экономический или политический контекст, но в человеческом измерении сценарии, по которым люди становятся беженцами, очень похожи».

Поэт и эссеист Адам Загаевский получил 8 июня литературную премию княжны Астурии. Он стал первым поляком, удостоенным этого испанского литературного отличия, присуждаемого уже 37 лет. «Внимание к лирическому образу, интимный опыт времени и убежденность, что художественное произведение объясняет действительность, вдохновляет одно из самых захватывающих поэтических достижений Европы, — написано в обосновании решения жюри. — Поэт сопрягает польские национальные акценты с традицией Запада, отражая одновременно грусть изгнания». Члены жюри назвали Загаевского эмоциональным наследником Райнера Марии Рильке, Антонио Мачадо и Чеслава Милоша. Премия в ее материальном выражении — это статуэтка по модели каталонского художника Хуана Миро и 50 тыс. евро.

Свои ежегодные отличия присудил нынешней весной Польский Пен-клуб. Премию им. Ксаверия и Мечисава Прушинских получила 5 июня проф. Эва Лентовская. Юрист-конституционалист, она опубликовала свыше двадцати книг по вопросам гражданского и административного права, а также популяризаторские работы, касающиеся юриспруденции и оперы (проф. Лентовская — поклонник оперы и серьезной музыки). С торжественными речами в честь лауреата выступили поэт Адам Загаевский и судья Верховного суда в отставке проф. Лешек Кубицкий. Со своим докладом «Конституция и поэзия» проф. Лентовская выступить не смогла: была объявлена провокационная тревога из-за якобы заложенной бомбы. Торжество прервали, более ста человек вынуждены были покинуть Дом литературы на Краковском предместье в Варшаве, где расположена резиденция Пен-клуба. Полиция не разрешила зачитать доклад на улице. «Профессор Эва Лентовская, — напоминает портал «ОКО Press», — это один из высших правоведческих авторитетов в Польше, первый в Польше уполномоченный по правам человека (1987–1992), судья Высшего административного суда (1999–2002) и Конституционного суда (2002–2011). В последнее время неоднократно высказывалась на тему разрушения правового государства властями „Права и справедливости“».

Литературную премию Польского Пен-клуба им. Яна Парандовского получил 12 июня Юзеф Хен. Премия присуждена 93-летнему автору, родившемуся в Варшаве в еврейской семье мелких предпринимателей из Новолипья, как «писателю-правдоискателю, который о истории и судьбах достойно свидетельствовал простым языком, без возвышенной фальши, не боялся в прозе обращаться к приемам журналистики и популярной литературы, уважал право человека на чувство юмора, чести, любви и скептическую мысль, оставался верен урокам Мишеля Монтеня, Януша Корчака и Тадеуша Боя-Желенского». Лауреат — автор почти сотни книг, среди них воспоминания «Не боюсь бессонных ночей» (1987) и «Новолипье» (1991).

«Рационалист и просветитель, но не без критицизма, — подчеркнул в приветственной речи Яцек Бохенский, — Хен не щадит Вольтера, издевается над Руссо, его стиль бывает ироничен. Это прирожденный скептик, комментатор своего времени, подчас злой. Ему чужды всякие национальные порывы, патетические речи; особенность Хена — в критической дистанции от всего, в чем он ощущает такие веяния». Ивона Смолька напомнила, что главные темы творчества писателя — это проблемы толерантности, антисемитизма, насилия. Хен, сказала И. Смолька, призывает читателя своими книгами к «скептическому раздумью, здравому смыслу, неприятию доктринерства и ущербных идеологий. Юзеф Хен — это прежде всего биограф, записывающий свою жизнь».

Вышли в свет «Стихи и поэмы, опубликованные в журнале „Твурчосць“ (1946–2005)» Тадеуша Ружеви́ча. В книгу включены наиболее значительные поэтические достижения умершего три года назад автора. Сборник, подготовленный Янушем Джевуцким, содержит все главные произведения автора «Беспокойства», т.е. свыше ста стихотворений и поэм, которые в течение почти 60 лет Ружеви́ч регулярно публиковал в ежемесячном журнале «Твурчосць» («Творчество»). В сборник включено также стихотворение, которое не публиковалось ни в одном из выпусков, — «Бегство из Веймара» (1988), героиней которого является Шарлотта фон Штейн — муза и возлюбленная Гёте. Следует отметить тщательную, бережную редактуру сборника. Поэт обычно выправлял и окончательно дорабатывал свои произведения после публикации в «Твурчосци» для книжных изданий. Благодаря дополнениям и комментариям Джевуцкого, мы можем заглянуть в творческую лабораторию Ружеви́ча. Издание обогащено фотографиями поэта и снимками его заметок и рукописей.

25 мая состоялось торжественное открытие обновленного Музея Варшавы. Музей, располагающийся в одиннадцати зданиях на Рыночной площади Старого города, после нескольких лет ремонта изменился до неузнаваемости. В возвращенных к жизни помещениях представлены 700 лет истории города.

— Новая выставка «Варшавские вещи» будет включать семь тысяч предметов, расположенных в 21 зале, — сообщает вице-директор музея Ярослав Трыбусь. — До конца мая удалось обустроить только восемь. Открытия остальных придется подождать.

— Самым большой и богатый — это производящий самое сильное впечатление зал серебра, — говорит директор музея Эва Неканда-Трепка. — Но мы показываем также портрет Варшавы, городские виды. Будет зал с открытками и сувенирами. Оказывается, что из подарочных и сувенирных изделий можно составить интересное повествование. Будет зал реликвий, будет и такой, где представлены архитектурные элементы. Со временем у нас появится зал костюма, зал варшавских упаковок. Предусматривается также зал варшавских Сирен. В нем можно будет проследить, как формировался образ герба Варшавы с самых давних времен по нынешний день.

Несмотря на все пертурбации, Познань уже 27-й раз организовала свой прославленный, пользующийся любовью публики фестиваль «Мальта» (16–25 июня), одно из крупнейших культурных мероприятий в Центральной Европе. В нынешнем году фестиваль проходит под девизом «Мы, Народ; Мы, Балканы; Мы, Восток; Мы, Европа; Мы, Другие». Мероприятию на этот раз пришлось обойтись без дотации Министерства культуры и национального наследия. Министр Петр Глинский отказал в ассигнованиях по причине недовольства личностью куратора. Им был хорватский режиссер Оливер Фрлич, автор поставленного в варшавском театре «Повшехны» спектакля «Проклятие», который правые и церковные круги сочли кощунственным, а прокуратура по долгу службы предприняла соответствующее расследование.

По поводу споров вокруг нынешней «Мальты» высказался президент Познани Яцек Яськовяк, который подчеркнул, что «культура и искусство всегда заставляют думать, иногда провоцируют. Сегодня „Мальта“ — это очень важное мероприятие в этой области, оно становится символом борьбы за свободу в культуре». Он также полагает, что нельзя разрешить, чтобы «в искусство, культуру вторгались цензоры», подчеркнув: «Мы не позволим вернуться в ПНР». При

отсутствии дотации от министерства культуры организаторы фестиваля взяли дело в свои руки. Организовали общественный сбор средств на портале «www.wspieramkulture.pl» под лозунгом «Стань министром культуры». Художники и артисты, в знак солидарности с фестивалем, отдали свои работы и другие дары на аукцион, доход от которого предназначен для Фонда «Мальта». Во время фестиваля нынешнего года, который оказался, прежде всего, платформой для показа экспериментального и независимого искусства, состоялось почти 300 мероприятий с участием около 580 деятелей искусства и активистов из 20 стран. Среди наиболее значительных событий — спектакль «Турбофолк» в постановке Оливера Фрлича, концерт словенского ансамбля «Лайбах», дискуссии в рамках цикла «Балканская платформа. Разговоры на площади Свободы», в которых участвовали такие, например, деятели искусства и публицисты, как Пшемислав Чаплинский, Адам Михник, Людвик Дорн, Константы Герберт, Славомир Сераковский, Земовит Щерек, Драган Марковина, Дорота Чирлич-Ментцель. Прошел также показ фильмов Андрея Тарковского, фильмов югославской «черной волны» — авангардного течения в кинематографе бывших республик Югославии рубежа 1960–70-х годов, а также показ сериала Моника Стшемпки и Павла Демирского «Артисты». Вход на большинство мероприятий был свободным.

С 1963 года — немалый срок! — публика привыкла, что Польское телевидение транслирует Фестиваль польской песни в Ополе, который не состоялся лишь однажды, в 1982-м, во время военного положения. А как будет в нынешнем году — неизвестно, на эту тему постоянно появляется новая информация. По последнему сообщению, 54-й Фестиваль польской песни в Ополе все же состоится — в сентябре. Первые тревожные сигналы по поводу «Ополе-2017» появились весной. Вроде бы Польское телевидение планировало концерт музыки польского диско. Вроде бы одной из звезд должен был быть Ян Петшак, сатирик, симпатизирующий «Праву и справедливости». И вроде председатель Польского телевидения Яцек Курский очень возражал против выступления певицы Кайи на концерте по поводу 50-летия сценической карьеры Марыли Родович, в связи с вовлеченностью Кайи в деятельность Комитета защиты демократии и борьбу за права женщин. Появились сведения (конечно, опровергнутые) о «черном списке» артистов, которых председателю Курскому не хочется лицезреть на сцене в Ополе. Кайя в результате отказалась выступать, после нее, в знак солидарности, — Кася Носовская, а затем — сама Марыля Родович (у которой в это

время умерла мать). В течение последующих нескольких дней многие артисты проинформировали, что не станут выступать в опольском амфитеатре. Всего около сорока. Наконец президент города Аркадиуш Висневский проинформировал, что Ополе разрывает договор с Польским телевидением на организацию фестиваля текущего года. Решение президента города и массовый отказ артистов вынудили председателя Польского ТВ искать вариант спасения. Он намеревался перенести фестиваль в Кельце, но проект в результате не прошел. 20 июня власти города Ополе и руководство Польского телевидения пришли к соглашению, что фестиваль все же пройдет в своем традиционном месте, но в сентябре. Руководство телевидения объявило, что мероприятие не будет по формату отличаться от предыдущих. Действительно ли «Ополе» возвращается в Ополе и в какой форме, убедимся осенью.

На польском рынке искусства — новый рекорд. Ранняя картина Яна Матеко «Убийство Ваповского» продана на аукционе старого искусства «DESA Unicum» почти за 3,7 млн злотых. Произведение в последний раз показывалось в 1883 году на юбилейной выставке художника в Вавеле, затем исчезло. В середине 30-х годов XX века о полотне забыли, а пять лет назад оно неожиданно обнаружилось в Южной Америке. Картина посвящена событиям 1574 года, когда во время коронационных торжеств короля Генрика Вalezы (Валуа) в Кракове известный скандалист Самуэль Зборовский завязал драку с каштеляном Яном Тенчинским. Утихомирить их хотел санокский подкоморий Анджей Ваповский, но, получив от Зборовского удар секирой по голове, умер на месте. Свидетели происшествия внесли в вавельские покои мертвое тело шляхтича и потребовали от короля правосудия. «Согласно тогдашнему законодательству, необоснованное убийство шляхтича должно было караться смертью, — читаем в экспликации к картине. — Зборовский, как богатый и влиятельный магнат, был, однако, приговорен лишь к изгнанию, а уже через несколько лет вернулся в страну. Главным героем картины, в трактовке Матейко, является Тенчинский — гражданин, борющийся за справедливость, усилия которого обречены остаться безуспешными». 23-летний художник работал над этой сценой в 1860–1861 годах.

Выставка «Права женщин = Права человека. Плакаты на тему неравных прав двух полов, насилия и дискриминации» проходит в Музее плаката в Вилянуве. Показанные работы пропагандируют равноправие женщин и их участие в общественной жизни. Одновременно они ставят под сомнения

религиозные и культурные нормы, а также патриархальные установки, ограничивающие возможность полноценного развития женщин. Куратор выставки — автор многих успешных проектов, бывший преподаватель Массачусетского колледжа искусства и дизайна в Бостоне, проф. Элизабет Резник. Она включила в экспозицию плакаты со всего мира — как самые новые, посвященные событиям последнего года, так и довольно старые, среди которых каноническая работа Романа Цеслевича «Женщина — будущее Европы» 1978 года. Выставку можно посмотреть в Вилиянуве до 30 июля.

Прославленный некогда еженедельник «Пшекруй» вернулся на польский рынок прессы в конце 2016 года как ежеквартальное издание культурного и общественно-политического профиля. Первый номер поступил в продажу тиражом 50 тыс. экземпляров, однако из-за большой заинтересованности читателей пришлось делать допечатку. В результате первый номер разошелся в 100 тысячах экземпляров. Второй номер появился в середине марта тиражом 130 тыс. экземпляров. Поздравляем!

Прощания

22 мая в Варшаве умер Збигнев Водецкий, выдающийся музыкант — инструменталист и вокалист, всю жизнь связанный с Краковом. Заниматься музыкой он начал уже с пяти лет. Окончил с отличием школу по классу скрипки у Юлиуша Вебера. Водецкий выступал, в частности, с Эвой Демарчик, Марекон Грехутой, в ансамблях «Чарне перлы» и «Анава». Был скрипачом симфонического оркестра Польского радио и телевидения и Краковского камерного оркестра. Как вокалист дебютировал в 70-е годы. Его наиболее известные и полюбившиеся слушателю песни — это, например, «Начни с Баха», «Изоolda», «Лачуги», «С тобой хочу увидеть мир», а также заглавная песня из польской версии анимационной сказки «Пчелка Майя». Артисту было 67 лет.

28 мая в возрасте 77 лет в Париже умерла Эльжбета Хойнацкая, польская клавесинистка мировой славы, огромной харизмы и неповторимого стиля. Она специализировалась на современной музыке. «Если в нескольких словах попытаться описать самые важные достижения в ее богатой карьере, следовало бы сказать, что она открыла для современной музыки старый, недооцениваемый инструмент, каким во второй половине XX века был клавесин», — написал, прощаясь с артисткой, Яцек Марчинский в газете «Жечпосполита». Хойнацкая играла по всему миру, выступая с сольными программами или в качестве солистки в симфонических концертах. Произведения для нее

писали многие композиторы, среди которых Янис Ксенакис, Дьердь Лигети, Ежи Корнович, Ханна Куленты, Павел Шиманский, Генрик Миколай Гурецкий. Артистка похоронена в Париже на кладбище Пер-Лашез.

9 июня в Бельско-Бялой умер Анджей Батуро, выдающийся фотохудожник, издатель, организатор польских и международных смотров фотоискусства, один из организаторов «FotoArtFestiwal» и его генеральный директор. Работы Батуро были помещены в исследования и антологиях «Мастера польского пейзажа», «Антология польской фотографии», «Из листов польской фотографии». Находятся также в Национальном музее во Вроцлаве и Музее истории фотографии в Кракове». Анджею Батуро было 77 лет.

16 июня в родном городе Мендзыжец-Подляски умер Мечислав Каленик, актер, прославившийся ролью Збышека из Богданца в фильме «Крестоносцы» Александра Форда. Каленик играл также в таких, например, фильмах, как «Первый день свободы», «Все на продажу», «Казимир Великий», «Лава. Рассказы о „Дзядах” Адама Мицкевича». В конце 90-х годов он сыграл стольника Хорешко в экранизации «Пана Тадеуша» в постановке Анджея Вайды. Именно эта роль вновь принесла ему узнаваемость. Актер выступал также в таких столичных театрах, как «Повшехны», «Народовы», «Новы» и «Польски». Девять лет назад был награжден серебряной медалью за заслуги перед культурой «Gloria Artis». Артисту было 84 года.

Паулина Осмульская

Следы присутствия Магдалены Абаканович

Магдалена Абаканович. Фото: East News

20 апреля 2017 г. скончалась Магдалена Абаканович, известная, пользующаяся признанием во всем мире художница и скульптор. Родилась в 1930 г. в селе Фаленты под Варшавой. Первые годы жизни оказали значительное влияние на

формирование ее творчества. Опыт и переживания, почерпнутые из детства, общение с природой, а также оставшиеся в ее памяти картины войны многократно переносились в произведения искусства, которые она создавала.

В 1950 г. Абаканович окончила Академию изящных искусств в Варшаве. Первоначально она рисовала гуаши, заполненные стилизованными растительными мотивами, в которых уже тогда угадывался ее индивидуальный скульптурный стиль. Середина шестидесятых годов стала временем поиска собственных форм выражения. Именно тогда она принимает инновационные, смелые решения и возникают монументальные скульптурные объекты «абаканы» — названные так по фамилии автора трехмерные мягкие формы, сплетенные из толстых волокон. Вырывающиеся в пространство абстрактные композиции Абаканович переломили конвенциональное представление о традиционной декоративной ткани. Ее работы становятся скульптурой, рельефом, инсталляцией.

Такие биологические формы, со временем выходявшие в трехмерное пространство и представлявшие собой плод воображения Абаканович, показывались на выставках в Европе, а ее отмеченная в 1965 г. золотой медалью экспозиция на Международной биеннале искусства в Сан-Паулу укрепила позицию автора на арене мирового искусства. Огромного размера абаканы с их яркой, выразительной структурой являлись актом протеста по отношению к привычной нам окружающей действительности и раздражали многих зрителей.

Произведения Магдалены Абаканович создают отдельное, специально выделенное пространство созерцания. Восхищение природой и передача ее биологической энергии со временем уступает место анализу человеческой натуры. Для ее произведений 1970-х годов характерна повторяемость форм. Они множатся и воспроизводятся, однако никогда не бывают идентичными. Как утверждала сама автор: «Скопление людей или птиц, насекомых или листьев — это таинственная совокупность вариантов некоего единого образца. Загадка действия природы, которая не выносит точных повторений или не в состоянии их реализовать». Размещенные в конкретной, продуманной композиции ее фигуры создают своеобычное и очень особенное пространство. Возникают головы без торсов, торсы без голов, разнообразные овальные, сглаженные или нерегулярные формы, которые пробуждают беспокойство. Это беспокойство перед лицом того, что неизвестно, и одновременно ответственность за прошлое. Опыт войны, коммунистического режима, жизни в обществе. И

пребывания в той повседневной массе, где всякий из нас является собой индивидуальность. Каждая изображаемая фигура продумана, доведена до логического конца, обладает своей величиной и весомостью. Изваяния кажутся беззащитными и неуверенными, они подвержены воздействию окружающих их внешних факторов — и это невзирая на свои монументальные размеры. Кроме того, ее исполины вдобавок лишены одежд, выглядят так, словно с них содрали кожу, есть в них смирение и отрешенность.

Скульптурным материалом у Абаканович служат бронза, камень, древесина, железо, конопля, смола, а также многое другое. Чем дольше она творит, тем более прочные материалы выбирает, — как если бы ей хотелось задержать в них сиюминутную мимолетность. Ее произведения полны контрастов.

Пространство между фигурами заполнено энергией, непонятным подрагиванием воздуха, которое передается зрителю и пронизывает его. С одной стороны, мы чувствуем желание войти в это пространство, с другой — испытываем опасение перед погружением в неизвестное, перед контактом с чуждой нам человеческой формой, всего лишь имитирующей чью-то фигуру. Эти истуканы могут вселять испуг перед толпой или страх оторваться от толпы, страх одиночества. Каждая толпа предполагает анонимность, составленную из неповторимых индивидуальностей.

Чувства, аккумулирующиеся в процессе восприятия искусства, связаны с миром наших внутренних представлений. Работы Абаканович — в чем и она сама как автор тоже была заинтересована — образуют нечто большее, нежели просто визуальное свидетельство, транслируемое тем, кто созерцает ее произведения. Монументальный масштаб объектов порождает впечатление величия и мощи искусства. Художник воздаст должное бренности уходящего и пытается найти себя в огромном пространстве. Ее скульптуры дают зрителю ощущение единства, сосуществования с окружающими. А также возможность совместного переживания пустого пространства между объектами, которое оставляет простор для воображения.

Существенной чертой искусства Магдалены Абаканович является его универсальность. Независимо от того культурного круга, в котором демонстрируются ее работы, они всегда воспринимаются с надлежащим восхищением и уважением. Искусство выступает здесь квинтэссенцией проблемы общности. Высказываясь о своей работе под названием «Катарсис», состоящей из 33 бронзовых фигур, Абаканович отметила, что употребила для нее материал, который жестче, нежели жизнь. Ей хотелось, чтобы оставленные ею знаки стали

для других постоянным источником беспокойства. Они представляют собой запись индивидуальных и коллективных переживаний. Создаваемые ею персонажи ведут свое существование между жизнью и смертью.

Пространственные реализации Магдалены Абаканович находятся в галереях на нескольких континентах и навсегда вписались в пейзаж многих мест в мире. Сегодня ее работы составляют часть наиболее престижных частных и публичных коллекций Европы, Азии и обеих Америк. К каждой своей выставке художница относилась как к самостоятельному произведению. Она и только она решала, как будет выстроена конкретная экспозиция, а представляемые ею произведения никогда не имели одинаковой композиции. Сама Абаканович как художник утверждала следующее: «Я создаю мои работы, и они создают меня. Мы взаимно создаем друг друга. И именно это я называю жизнью».

Традиция разрушения традиции

Перевод Владимира Окуня

Описание авангарда с перспективы столетнего юбилея сталкивается с трудностями относительно самого описываемого предмета. В 2017 году в Польше официально отмечается год авангарда, учрежденный в связи с основанием в Кракове группы «Польские экспрессионисты»^[1]. В этом простом предложении содержатся три элемента, существенных для специфики польского авангарда.

Первый из них — это, несомненно, почти десятилетнее «опоздание» (отсчитывая от манифеста Маринетти) художников с берегов Вислы по отношению к новаторским эстетическим направлениям как на Западе, так и в России. Само собой, возникает вопрос о влияниях, источниках вдохновения либо заимствованиях, которым были подвержены отечественные авторы. Неоригинальность, копирование русских и западных образцов были одними из основных претензий в адрес польских авангардистов (важно, что они до сих пор сохранились в популярном восприятии современного искусства). Обвинение в импорте эстетики, а также теории, привело к тому, что им пришлось бороться за самоопределение как своего творчества, так и теоретических концепций. Вдобавок, такой вторичный авангард автоматически рассматривался как менее радикальный, обладавший меньшей бунтарской мощью. Это было фактором, обесценивавшим современный эстетический проект. Другая важная проблема — вопрос терминологии. Самоопределение художников в качестве экспрессионистов, футуристов, творцов нового искусства, наконец, авангардистов, с самого начала создавало проблемы, касавшиеся как систематики новых художественных явлений, так и самого творчества. Были ли поэты «Скамандра»^[2], если говорить попросту, авангардом, или же датировку авангарда следует вести от футуристов (а ведь первые их выступления были совместными)? Можно ли признать авангардом выставку тех, кто относили себя к экспрессионистам, то есть — по крайней мере, терминологически — были продолжением

младопольской^[3] эстетики? Речь идет не только о вопросе верности идеям, содержащимся в манифестах — терминология указывает на проблему с уяснением самого явления авангардности, или шире, современности. В Польше преобладающая дефиниция была сформирована относительно поздним «Краковским авангардом» второй половины 20-х годов (хотя более позднее хронологически самоопределение авангарда, как раз, характерно для него вообще). Лишь его лидер Тадеуш Пейпер сформировал среду, выработавшую точную эстетическую, а также культурную и социальную программу. Однако его довольно сильное неприятие футуристического творчества, преобладание идей, сформированных конструктивистскими течениями (в тот период в польском авангардном изобразительном искусстве возобладало именно это направление), а прежде всего, сознательно конструируемый Юлианом Пшибосем нарратив, творивший историю польского авангарда и дававший определение авангардности, привели к тому, что другие авторы и теоретики конструировали собственные авангардные нарративы против «мейнстрима». Это была борьба конструкторов. Авангард стал предметом интерпретации, включения в него произвольных смыслов.

Третий элемент — специфическое восприятие авангарда. С одной стороны, авангард самокритичен, он уравнивает сам себя, и это всего через несколько лет после первых выступлений (в 1923 году Бруно Ясенский публикует «Польский футуризм (баланс)», а Титус Чижевский^[4] сводит счеты в статье «Мой футуризм»). А с другой стороны, он, быстро превратившись в классику, становится точкой отсчета для более поздних авторов. История польского авангарда переплетается с политической историей. В таком представлении Вторая мировая война не является эстетической цезурой (что доказывает подпольный конструктивистский театр Тадеуша Кантора, эпизация театральной формы Мечислава Котлярчика или выводимая из опыта предвоенных катастрофистов поэзия Кшиштофа Камиля Бачинского). Это подтверждает всплеск авангарда сразу после 1945 года, остановленный введением соцреализма в 1948 году. Однако после 1956 года авангардность в очередной раз становится ценностью и присутствует во всех областях искусства (в литературе — это, например, творчество Мирона Бялошевского, в театре — театр «Крико 2» или театр Ежи Гротовского, в изобразительном искусстве — возобновление деятельности «Краковской группы»). После 1956 года в Польше начинается эпоха «официального авангарда», говоря языком Кантора, или соцпарнаизма, как окрестил это Михал

Гловинский. Этот всплеск неоавангарда (однако, без использования этой приставки, что привело к дальнейшим проблемам с определением авангардности в Польше) предоставил слово авторам, сформировавшимся, в большой степени, в 30-е годы и в период оккупации — то есть во времена, когда авангард был уже закрытым и поддающимся интерпретации проектом. Конечно, классицизация и конвенционализация авангарда характерны не только для Польши, однако здесь они привели к специфическому доминированию авангарда над традиционным искусством, а прежде всего, к культу авангардной позиции.

1

История авангарда совпадает с общественно-политическими переменами. 1918 год и конец Первой мировой войны принесли Польше возрождение независимого государства после более ста лет оккупации. Первоначальные выступления польских футуристов — действовавших в соответствии с тогдашним самоопределением во имя «нового искусства» — имеют место в 1919 году. Это совпадение хронологии кажется естественным: новое государство — новое искусство. Однако в отношении творчества авангардистов датировка становится проблематичной. Одной из характерных черт первых художественных выступлений в новой Польше был акцент на разрыв с подчиненной ролью литературы и искусства относительно национальных проблем. «И Конрада плащ с плеч долой ^[5]» — писал в поэме «Черная весна» Антоний Слонимский, отделяя себя от образа поэта, боровшегося за национальное дело, одновременно подчеркивая ценность нового эстетического качества. Точно так же Ян Лехонь в стихотворении «Герострат» («Мне бы весной — весну, а не Польшу увидеть ^[6]») отделяет себя от традиционной и еще недавно применявшейся метафоры отечества. Упомянутых выше скамандритов не относят к авангардным течениям, и всё же — как их поэтика, в большой степени основанная на поиске новых языковых свойств, так и «программная беспрограммность» — они вписываются в современные литературные тенденции XX века (здесь видны интерпретированные тенденции оперирования действительностью, лежащей в основе *stricte* авангардных движений — кубизма, футуризма, дадаизма и позже сюрреализма).

Социальная неангажированность первых авангардистов в Польше была продиктована, в частности, бунтом против романтического долга поэзии, против искусства, ангажированного в социально-национальные вопросы. В

ситуации, когда авангард чувствует себя обязанным выработать социальный проект, когда авторы и целые направления европейского авангарда активно ангажируются в политические проблемы, когда в Польше на руинах трех оккупаций строится новое государство, польские авангардисты (в этот первый период) отворачиваются от ангажированного искусства. Конечно, в манифесте Пейпера появляются эстетическо-социальные проекты, а отдельные поэты (отбросив футуристическую поэтику) принимают участие в политических событиях (как Бруно Ясенский). Важно, однако, что это первое, легендарное, основополагающее выступление авангардных авторов точно воспроизводило романтическую модель — отделения чистой эстетики от утилитарных функций.

Новаторские течения не только постулировали неизвестный до того вид творчества, поэзии, описывавшей повседневную действительность, они еще и отказывались от патриотической конвенции истолкования литературной метафористики. То же и польские авангардисты — они подчеркивали обретенную творческую свободу, понимаемую и как возможность создания новой эстетики, и как свободу от социальных функций искусства. Поэтому названия их манифестов звучали как пародии на политические воззвания, издаваемые политическими и государственными институтами («Примитивисты к народам мира и к Польше», «К польскому народу. Манифест о немедленной футуризации жизни» и т.п.). Нужно отметить точное конструирование противника в авангардной провокации, которым стали закрепленные в традиции способы истолкования классики, а также способ иерархизации художественных явлений в качестве национальных.

Атмосфера отделения от традиции, конечно, естественна для авангарда, однако существует проблема с определением этого прошлого. Это специфическая ситуация для польского авангарда, который — в отличие от боровшегося с реализмом и символизмом авангарда европейского — имел в романтической традиции своего естественного противника. Это заметно уже в первом манифесте «Примитивисты к народам мира и к Польше», где авторы заявляют: *«МЫ ПЕРЕЧЕРКИВАЕМ ИСТОРИЮ И БУДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ. также рим Толстого, критику шляпы индию баварию и краков. польша должна отречься от традиции, мумии князя юзефа и театра. город разрушаем»*^[7].

То, что звучит, как типичный антибуржуазный футуристический нарратив, уже сразу содержит отсылку даже не столько к самому романтизму, сколько к романтической

традиции в образе героя князя Юзефа Понятовского. Тем самым художники атакуют восприятие романтизма, закрепленное как в художественной практике, так и в широком, общественном мышлении о Польше. Столь мощное присутствие романтизма было вызвано двумя факторами. Во-первых, недавний политический гнет неизбежно конституировал национально-эстетическую традицию, построенную на романтическом и неоромантическом дискурсе. Вторым важным фактором, закреплявшим столь сильную позицию романтизма в Польше, была эстетика. Ведь стоит отметить, что премьеры национальной романтической драмы, главных литературных текстов, формировавших в XIX веке национальную идентичность, состоялись на краковской сцене лишь в конце XIX — начале XX века (1899 — «Кордиан» Юлиуша Словацкого, 1901 — «Дзяды» Адама Мицкевича, 1902 — «Небожественная комедия» Зигмунта Красинского). Первую постановку «Дзядов» осуществил Станислав Выспянский, художник, драматург, поэт, режиссер, которого Эдвард Гордон Крэг^[8] назвал «демиургом театра». Эти премьеры (после того, как Тадеуша Павликовского на посту директора краковского театра сменил Юзеф Котарбиньский) прочно вошли в репертуар театра уже после освоения модернистской драматургии^[9]. Нарушение хронологии показало, что лишь эстетический опыт модернистов делает возможным истолкование романтических текстов, что драматургия Молодой Польши менее современна, нежели тексты романтиков. Если оставить в стороне дискуссию историков и литературно-историческую верификацию, то именно такое истолкование романтизма — как более современного и актуального по сравнению с модернистским искусством — стало существенным для польского авангарда. Именно эта дихотомия традиции (поддерживаемой усвоением, закрепленным через преподавание в школе) и эстетической новизны создала фундамент основополагающего мифа польского авангарда.

«Мы, польские футуристы, в этом месте отдаем должное польской романтической поэзии периода рабства, призраки которой мы будем сегодня безжалостно травить и добивать — за то, что во времена великого сосредоточения и медленного созревания Польского Народа она была искусством не «чистым», а именно глубоко национальным, что она была написана соком и кровью самой бурлящей жизни, что она была пульсом и криком своего дня, каким вообще и единственно может и должно быть любое искусство»^[10].

Так Бруно Ясенский отдает должное польскому романтизму, чтобы в том же манифесте написать:

«Мы будем свозить на тачках с площадей, скверов и улиц протухшие мумии мицкевичей и словацких. Пора освободить постаменты, очистить улицы, подготовить места для тех, которые идут»^[11].

Здесь традиция критикуется и отвергается точно по тем же причинам, по которым ей воздается «должное». Этот парадокс будет существенным для этоса польского авангарда, как и для его последующего усвоения — таким же образом к традиции будет относиться Тадеуш Кантор, определявший себя в конце XX века в качестве авангардиста, или режиссер-новатор Ежи Гротовский и другие деятели искусства, не только театрального.

Дихотомия эстетических свойств, творческой позиции, а также стереотипного, традиционного восприятия искусства важна по нескольким причинам. Во-первых, что свойственно авангарду, она назначает противника. Во-вторых, придает авангардным выступлениям легитимизацию в виде продолжения творческой позиции, укорененной в традиции. Это очень типично для польского исторического авангарда — истолкование творчества, закрепленного в традиции, как эстетически современного, как собственно авангардного. Сильная опора на романтическую традицию — это легитимизация как себя в качестве автора произведения, в качестве художника, так и эстетических течений, во имя которых совершается «еретическое» (это термин Тадеуша Кантора) выступление против традиции. Итак, на уровне деклараций художники разрушают традиционную модель истолкования старого искусства, но всё же основываются на (именно традиционном) мощно присутствующем мифе художника-романтика. Вот поэтому, в частности, Игнаций Фик^[12] назвал Станислава Выспянского крупнейшим польским футуристом^[13].

Такая парадоксальная самоидентификация художников специфическим образом проявляется в сознании зрителей. Авангардисты повторяют жесты поэтов-романтиков, которые, мало того что взбунтовались против устоявшихся эстетических конвенций, но еще и сумели создать дискурс (модельный и нормативный) романтического бунта, продолжающийся в истории. Это, конечно, нарратив, формируемый в последующий период (о чем свидетельствует высказывание Фика от 1939 года). Однако такой внеисторический взгляд на романтизм показывает, насколько сильна эта традиция, и насколько мнимым было ее разрушение авангардом.

Проекция современного понимания эстетических перемен на более ранние эпохи, реинтерпретация традиции — это черты, характерные не только для польского авангарда. Ведь одним из элементов современности является поиск собственных корней через истолкование прошлого при помощи современных категорий. Приведенные мной (хотя и произвольно выбранные) примеры демонстрируют позицию, характерную как для первых, так и для более поздних выступлений авангардистов, когда предметом рефлексии стало самосознание авангарда, пытавшегося определить значение данного движения в истории искусства. К этому просто хочется добавить высказывание Тадеуша Кантора, который в конце XX века утверждает:

«Когда мне указывали, а мне приводили очень острые примеры, на Мицкевича, была очень острая дискуссия, когда меня обвиняли, конечно, что я почти космополит, то я достал Лотреамона и привел в пример этого крупнейшего еретика мировой поэзии, этого величайшего, ну, еретика, поэта, который обесчестил, конечно, с точки зрения этой мелкобуржуазной этики, обесчестил, собственно, все ценности. Величайший собственно европейский поэт, который в одной из глав пишет, что если бы он не прочитал «Великую импровизацию», то не написал бы этой книги. Это означает, что Мицкевич был, прежде всего, авангардистом. (смех) [...] это был, прежде всего, создатель романтизма, нового направления. Лишь позже, лишь позже, потом, он был тем, кто написал «Дзяды», скажем, и тем, кто написал «Пана Тадеуша»^[14].

Кантор высказывается в то время, когда такое истолкование Мицкевича было настолько очевидным, что превратилось в стереотип — сконструированный авангардистами и распространяемый ими.

2

Внеисторический взгляд на авангард (предлагаемый и распространяемый самими авторами) вызывает терминологические проблемы, а терминологические нюансы демонстрируют проблемы с описанием самих явлений. Эти трудности следуют из двух причин. Одной из них является временная перспектива и конвенционализация авангарда — эта перспектива приводит к очевидной синтетичности взгляда (впрочем, на нее обращают внимание многие исследователи, не только польской ситуации). Вторым же элементом является именно внеисторическое предложение авангардного мифа, в котором смешиваются категории авангардности, модернизма и современности.

Эта очевидность авангардного истолкования романтизма была закреплена и в более поздних периодах эстетических

изменений. Создававшаяся в 30-е годы концепция монументального театра была выражением как раз этой нехватки установившихся критериев и категорий разделения на современное и традиционное восприятие искусства. Базирующаяся на романтических и модернистских (будучи выведенной из теории и творческой практики Станислава Выспянского) эстетических моделях, а также на социальной, национально-объединительной роли, которая приписывается искусству, она, в то же время, была концепцией, вписывавшейся в современные ей эстетические тенденции. Традиционная в декларативном слое, она была современна в социальной функции искусства (ее целью было создание польского театрального стиля), а также вписывалась в современную тенденцию монументализма, близкого поэтике катастрофистов, в том числе из группы «Жагары»^[15]

Подобные же проблемы генерирует театр Мечислава Котлярчика. Рапсодический театр во время Второй мировой войны сознательно отсылал к самой что ни на есть национальной традиции — классической польской литературе, не скрывая, одновременно, своей религиозной и моральной миссии. При всем этом традиционалистском антураже он оставался эпическим и выразительным театром, целенаправленно обесценивавшим эстетические ценности в сравнении с идейным и интеллектуальным посланием (что подчеркивал в своих рецензиях Кароль Войтыла). Таким же образом была истолкована Тадеушем Кантором в его подпольном Независимом театре «Балладина» Юлиуша Словацкого и «Возвращение Одиссея» Станислава Выспянского. Художественная реализация современных концепций (прежде всего, конструктивизма и реди-мейд) была вписана и приписана классическим романтическим и модернистским авторам (Кантор, конечно же, был не единственным художником, который пользовался таким творческим методом — ведь так же поступили Леон Шиллер и Анджей Пронашко в постановке «Дзядов», так делали Ежи Гротовский, Ежи Гжегожевский, из этой идеи вырастает и польская специфика политических аллюзий, вписываемых в классические тексты и т.д.).

В более поздний период автор «Мертвого класса»^[16], который в своих теоретических рассуждениях также занимался поисками систематизации современного польского искусства (и, спустя годы, боролся против обвинений, появившихся еще в 20-е годы прошлого столетия, прося признать оригинальность польских авторов, таких как Мария Ярема^[17]), скажет:

«Мне сейчас пришла в голову одна мысль, и пусть это не воспринимается как какой-то особый патриотизм. Я считаю, что польское искусство обладает чем-то, чего нет у других культур. А именно смысловость. Очевидно, нас еще и поэтому не понимают на Западе. Вот формула Сезанна для картины: гармоническое сочетание форм, цветов и линий. Только и всего. Если на картине люди играют в карты, то речь идет не об игре, а о чисто формальной эстетической структуре»^[18].

Высказывание Кантора важно тем, что оно komponуется с другой теорией этого художника, касающейся отсутствия сюрреалистических течений в польском искусстве. В качестве причины он упоминает сильную католическую религиозность; кажется, однако, что более важным здесь было влияние конструктивистского искусства и эстетики. Впрочем, Кантор также проводит разделение авангардной Европы на конструктивистские и сюрреалистические страны. К первой группе принадлежат, в первую очередь, Россия, Польша и Германия — что существенно, и чего Кантор уже не добавляет, это культуры с сильной опорой на романтический миф и на авангардное истолкование романтизма. Именно поэтому польские авторы опережают, или выполняют параллельно, жест создания «сюрреалистической библиотеки», приписывания авангардных качеств более раннему искусству (ведь французские сюрреалисты отступили в прошлое до самого Герострата). Отсутствие сюрреализма в Польше (за исключением немногочисленных влияний), было вызвано именно столь сильной идентичностью с романтической творческой позицией и ее проекцией на авангардное искусство. Тем самым, сюрреалистическая реинтерпретация традиции не рассматривалась у нас как настолько уж новаторская и переломная, авангардная. Бретоновское открытие романтизма в противовес реалистической поэзии оказалось для Польши естественным: авангардная позиция стала продолжением позиции романтической. Творение Мицкевича в интерпретации Кантора демонстрирует именно парадокс романтической позиции как той, что одновременно и является традиционной, и основывается на бунте.

3

Другое канторовское высказывание касается как раз специфики польской художественной традиции — важно, что это итоговое высказывание:

«Польша известна тем, что разрушает свою традицию, несмотря на то, что постоянно считается, что мы очень традиционны, что мы сражаемся за эту традицию, неправда... мы безумно много чего не забыли ... но мы забыли это сохранить»^[19].

Формулирование такой концепции творчества и распространение ее на «польскую культуру» — это, конечно, результат традиционного и авангардного истолкования романтизма. Это приводит к тому, что творческая позиция определяется через романтические категории: бунта, отступничества, оригинальности и т.д. Поэтому, говоря словами Кантора, «настоящее искусство авангардно». Ведь именно сильный и закреплённый в традиции образ романтического искусства, а фактически миф романтического художника определяет польскую концепцию авангардности. Отсюда возникновение культа романтически-авангардной позиции, а, вслед за первыми творцами нового искусства, творчество как таковое — в том числе и традиционное — рассматривается как авангардное.

Это порождает специфически польский нарратив, где авангардное искусство и позиция выдавливают из дискурса классическое или традиционное творчество, подчеркивая в качестве ценности свойство романтического бунта. Это также, отчасти, результат определения польскими футуристами своего противника. Атакуемый романтизм приобретает смыслы через экспонирование бунта, построенного на романтическом мифе. Реализм автоматически обесценивается как отрицание по-настоящему художественной позиции.

Результатом конвенционализации и классицизации авангардного искусства стал т.н. официальный авангард. Дихотомия романтического стереотипа как одновременно классического и авангардного по-прежнему сильно влияет на восприятие творчества и в большой степени сформирована авангардными художниками. Она повлияла не только на специфику польского авангарда, но и на выработку авангардного дискурса и определение самой авангардности. Хорошим примером этого является творчество художников начала XXI века, которые, занимаясь политическим, постдраматическим театром (остающимся под очевидным влиянием эстетики и теории немецкого политического театра), обращаются к постановке романтических текстов. «Дзяды. Эксгумация» Павла Демирского и Моника Стшемпки показывают тему обретенной свободы именно в смысле критики общества, сформулированной Мицкевичем. В некотором смысле они повторяют провокацию романтического (но одновременно классического) поэта-провидца. Похожим образом переписывает смыслы Павел Водзинский, вписывая в свои «Дзяды» проблему колонизации, сегодня обусловленную экономическим неравенством, но одновременно намекая, что во времена Мицкевича она была результатом господства Польши над литовским народом. Итак, традиция разрушения традиции, обращение к самым

классическим произведениям как к наиболее авангардным — означает здесь отступление от конвенции, провокацию в отношении устоявшихся дискурсов и одновременно цельный эстетический проект, который становится модельным для следующих художников. Это широкое определение авангардности, охватывающее не только различные поэтики, но и разные эпохи.

Статья представляет собой результат исследования, профинансированного Национальным научным центром Польши в рамках проекта «Художник как текст. Идентификационный конструкт режиссера как комментарий к театральной деятельности» — Примеч. автора.

-
1. «Польские экспрессионисты» (позже «Формисты») — художественная группа, основанная в 1917 году братьями Пронашко, Т. Чижевским, Л. Хвистеком и др. — Примеч. пер.
 2. «Скамандр» — поэтическая группа, основанная в 1918 г. Ю. Тувимом, А. Слонимским, Я. Ивашкевичем, К. Вежиньским и Я. Лехонем. — Примеч. пер.
 3. «Молодая Польша» — период развития польской литературы, искусства и музыки в конце XIX — начале XX века, связанный с проникновением модернизма в польскую культуру. — Примеч. пер.
 4. Титус Чижевский (1885–1945) — польский поэт-футурист, драматург, художник, литературный и художественный критик. — Примеч. пер.
 5. Конрад — герой драматической поэмы «Дзяды» (1823–1832) А. Мицкевича и драмы «Освобождение» (1903) С. Выспянского, ставший для многих поколений поляков символом борьбы за независимость Польши. — Примеч. пер.
 6. Перевод А. Базилевского. — Примеч. пер.
 7. A. Stern, A. Wat, Prymitywiści do narodów świata i do Polski, [w:] Antologia polskiego futuryzmu i Nowej Sztuki, oprac. Z. Jarosiński, Wrocław 1978, s. 4.
 8. Эдвард Гордон Крэг (1872–1966) — английский актёр, театральный и оперный режиссер эпохи модернизма, крупнейший представитель символизма в театральном искусстве, художник — Примеч. пер.
 9. См.: M. Prussak, Wstęp, [w:] S. Wyspiański, Hamlet, oprac. M. Prussak, wyd. II, Wrocław 2007.
 10. Б. Ясенский, «К польскому народу. Манифест о немедленной

футуризации жизни». B. Jasieński, Do narodu polskiego. Mañifest w sprawie natyhmiastowej futuryzacji życia, [w:] Antologia polskiego futuryzmu, op. cit., s. 8.

11. Там же, стр.9.
12. Игнаций Фик (1904–1942) — польский поэт, публицист, литературный критик — Примеч. пер.
13. I. Fik, Dwadzieścia lat literatury polskiej (1918—1938), Kraków 1939 — Примеч. автора.
14. Запись встречи с публикой в Нью-Йорке 1982 года. Архив «Крикотеки» в Кракове — Примеч. автора.
15. Жагары — поэтическая группа, созданная в Вильно в 1931 году с участием Т. Буйницкого, Ч. Милоша, Е. Загурского и др. — Примеч. пер.
16. «Мертвый класс» — знаменитый спектакль Т.Кантора 1975 года в его экспериментальном театре-мастерской «Крико-2» — Примеч. пер.
17. Мария Ярема (1908–1958) — польская художница, вместе с Т.Кантором основала в 1955 году в Кракове театр «Крико-2» — Примеч. пер.
18. Nie znoszę ścisku, rozmowa Tadeusza Kantora z Teresą Krzemień, „Tu i Teraz”, 1984, 13 czerwca, nr 24.
19. Высказывание Тадеуша Кантора, архив «Крикотеки» в Кракове, № KWZ 247-2003-5 — Примеч. пер.

Судьбы книг

Сотрудничество между Университетской библиотекой в Варшаве и российскими библиотеками

Университетская библиотека в Варшаве была открыта для читателей осенью 1817 г. Первоначально она называлась Публичной библиотекой при Варшавском университете Царства Польского (основанном в 1816 г. согласно воле русского императора и царя польского Александра I). Ее первым директором, чьи заслуги в деле создания и развития этого учреждения огромны, был Самуэль Богумил Линде, знаменитый польский ученый шведского происхождения, который был известен всей Европе как филолог, славист, лексикограф и библиограф. Он был приверженцем тезиса о близком родстве славянских языков, которое способствовало — по его убеждению — повторению их сближения и даже позволяло создать общий славянский литературный язык. На начальном этапе существования библиотеки, то есть вплоть до Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., удалось собрать свыше 130 тысяч томов, что в условиях первой половины XIX в. означало огромное количество. Фонды эти также пополнил невероятно ценный Кабинет гравюр, основу которого составили собрания коллекций короля Станислава Августа Понятовского и Станислава Костки-Потоцкого. Для сравнения скажем только, что другая очень важная библиотека, действовавшая в это время в Варшаве, Библиотека Варшавского общества друзей науки, собрание которой сформировалось благодаря вложению немалых средств выдающимися представителями польских интеллектуальных кругов, хорошо понимавших значение библиотеки, в момент ее ликвидации из-за репрессий после поражения Ноябрьского восстания насчитывала около 30 тысяч томов. На столь быстрый прирост фондов Публичной библиотеки повлиял прежде всего декрет о ликвидации значительного числа церковных учреждений (главным образом относящихся к орденам и капитулам) в Царстве Польском в 1819 г. Большинство из ликвидируемых центров могли гордиться своей историей, длившейся не одну сотню лет, и каждый из этих центров обладал книжным собранием. С.Б. Линде по приказу начальства принимал

собрания осиротевших библиотек, вследствие чего руководимая им библиотека обогатилась почти 40 тысячами чрезвычайно ценных и важных с исторической точки зрения книг. В том же 1819 году Публичная библиотека при Варшавском университете получила право на получение обязательного экземпляра любого печатного текста, изданного на территории Царства Польского. Кроме того, С.Б. Линде покупал также книги на книжном рынке. Из сохранившейся переписки между С.Б. Линде и В.Г. Анастасевичем следует, что особую трудность для варшавского ученого-библиотекаря представляло пополнение коллекции русской литературы. В процессе этой работы он сталкивался с невероятными препятствиями, а самым большим из них оказалось незнание русского языка среди образованной элиты общества Царства Польского, а также отсутствие интереса к культуре России. Дополнительным затруднением были слабость коммуникации и трудности с пересылкой денег между Варшавой и Петербургом. Из упомянутой переписки мы узнаем, что С.Б. Линде отмечал буквально вопиющее отсутствие книг на русском языке в научных библиотеках Царства Польского и старался восполнить их отсутствие, в частности, с помощью своих личных контактов с русскими учеными. Он при этом постоянно сетовал на отсутствие понимания значения его деятельности в этой области со стороны соотечественников. Благодаря его кропотливому труду, который — по его собственному выражению — приобретал подчас форму «сбора милостыни», С.Б. Линде удалось создать фундамент фонда русской литературы, которая находится ныне в БВУ.

Ноябрьское восстание, а точнее репрессии после его поражения, стали настоящей катастрофой для Публичной библиотеки. Было конфисковано и вывезено в Петербург свыше 70% всего собрания библиотеки, весь Кабинет гравюр и Кабинет нумизматики. Однако само учреждение, превращенное в Правительственную библиотеку, сохранилось и вскоре приступило к восстановлению книжных фондов. На протяжении всего XIX в. библиотека разделяла драматическую судьбу польского народа, некоторые моменты были для нее особенно трудными (хотя бы 1834–1840 годы, когда она носила название Правительственной библиотеки), были периоды относительной стабилизации (когда в 1840–1862 годах она именовалась библиотекой Варшавского научного округа), случались и замечательные времена (например, когда она выполняла функции Главной библиотеки Царства Польского, 1862–1871 гг.). В конце концов ее передали в ведомство Императорского Варшавского университета, основанного

в 1869 г. и в принципе задумывавшегося как инструмент русификации.

В течение первых ста лет существования библиотеки происходило интенсивное движение книг как из Варшавы в Петербург, так и в обратном направлении — с берегов Невы на берега Вислы. Иногда движение носило характер насильственный (как это происходило в случае упомянутых уже репрессий после Ноябрьского восстания), однако чаще оно приобретало форму обмена литературой или значительных по объему даров (как например, так называемые Дары Его Величества для Варшавской библиотеки 1840 г. и 1842 г.). По мере того как в Царстве Польском официально происходила русификация, всё большее значение для пополнения коллекции русской литературы приобретало право получения обязательного экземпляра, которое библиотека получила в 1819 году и сумела сохранить на протяжении всего XIX века лишь с небольшим перерывом на период Ноябрьского восстания (она получает обязательный экземпляр и по сей день). Этот поток книг, независимо от тех обстоятельств, в которых он происходил, способствовал тому, что книжные собрания сегодняшней Университетской библиотеки в Варшаве и книжные собрания больших научных библиотек в России имеют свои исторические связи. Благодаря огромному собранию литературы на русском языке, которое в немалой степени состоит из русскоязычной продукции, выпускавшейся типографиями Царства Польского, и считается одним из крупнейших за границами России, Университетская библиотека предоставляет широкие возможности для исследований в области истории русской книги, истории коллекционирования и культурных связей, существовавших между поляками и россиянами в XIX веке.

Сотрудники библиотеки заинтересованные в проведении исследований, касающихся происхождения собраний крупных книгохранилищ России, хотели бы вести поиски в российских архивах, организовать совместные проекты дигитализации, получить доступ к материалам, касающимся Польши и польской диаспоры (*polonica*), которые находятся как в российских публичных собраниях, так и в частных библиотеках, например, в так называемых «живых» библиотеках староверов, где старинные книги по-прежнему применяются в культовых целях.

В последние годы БВУ сделала определенные шаги в направлении реализации упомянутых требований, необходимых для совместной работы с российскими

учреждениями. Благодаря доброжелательному отношению Российской национальной библиотеки (бывшая Императорская публичная библиотека) в Петербурге, стало возможным для сотрудников БВУ проведение двух серий библиотечных поисков в ее фондах в 2015 г. и 2016 г. В 2015 году серьезные поиски проводились в Отделе архивных документов этой библиотеки, где удалось обнаружить ранее неизвестные источники, касающиеся передачи в Варшавскую библиотеку так называемых «Даров Его Величества», а также была найдена документация, связанная с передачей книжного собрания министра Игнатия Туркулла Шляхетскому институту в Варшаве в 1857 г.; кроме того, была обнаружена официальная корреспонденция, подтверждающая факт, что в 1871 г. правила внутреннего распорядка библиотеки Варшавский университет консультировал с Императорской публичной библиотекой в Петербурге, а также стала известной официальная переписка, подтверждающая существование обмена дубликатами книг после 1872 г. между библиотекой в Варшаве и Императорской публичной библиотекой в Петербурге. К сожалению, списка этих дубликатов обнаружить не удалось. Вторая серия поисков, проведенных в 2016 г. сотрудниками Кабинета старопечатных книжных изданий БВУ — Эльжбетой Былиновой и Марианной Чапник, способствовала расширению известных сведений, касающихся судебных книг из монастырских библиотек, некогда входивших в книжное собрание БВУ. Целью этих поисков была прежде всего идентификация, а также и описание происхождения инкунабул из книжного собрания регулярных каноников из Мстова, ныне хранящихся в Российской национальной библиотеке, а также других старопечатных изданий из монастырских библиотек, ликвидированных в Царстве Польском в 1819 г., и изданий из библиотеки Варшавского лицея. Благодаря помощи сотрудников Российской национальной библиотеки стало возможным одновременно вести поиски в книгохранилище Российского государственного исторического архива и Архива РАН в Петербурге. В результате этих розысков удалось установить целый ряд фактов из истории БВУ и истории ее фондов, прежде всего за период 1840–1863 гг., кроме того, удалось пополнить информацию о передаче Главной библиотеки в Императорский варшавский университет в 1871 г. Результаты этих поисков в ближайшее время станут доступны для польских читателей, которые ознакомятся с публикацией под названием «Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie 1817–2017. Miscellanea. («Университетская Библиотека в Варшаве 1817–2017. Miscellanea»)). Эта публикация готовится к изданию в связи с 200-летней годовщиной существования БВУ. Фактическое сотрудничество между БВУ и РНБ, к сожалению, пока не

получило формального обоснования в виде официального соглашения между этими учреждениями.

Гораздо дальше продвинулось сотрудничество между БВУ и Главной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения РАН (ГПНТБ СО РАН) в Новосибирске, которое также началось в виде рабочих контактов сотрудников обоих учреждений, а также целого ряда углубленных библиотечных поисков, проводимых в книгохранилищах БВУ научными сотрудниками из библиотеки в Новосибирске. Подписание соглашения позволило весьма существенно активизировать контакты, а также обеспечило возможность участия сотрудников учреждений-партнеров в плановых научных работах. Соглашение о сотрудничестве не налагает на эти учреждения никаких конкретных финансовых обязательств. Каждый раз требуется получить финансирование на конкретное мероприятие из собственных средств учреждений-партнеров или от спонсоров. До сих пор деятельность в рамках сотрудничества поддерживалась Генеральным консульством РП в Иркутске и Центром польско-российского диалога и согласия в Варшаве.

Академическая библиотека в Новосибирске в настоящее время является одной из крупнейших библиотек в мире. Ее собрание насчитывает около 14 миллионов изданий. Библиотека ведет невероятно широкую собственную научную и дидактическую деятельность, а также занимается популяризацией истории книги. В структуру библиотеки входят целых семь отделов, которые занимаются исключительно или главным образом научно-исследовательской деятельностью, в том числе — о чем следует обязательно упомянуть в контексте сотрудничества с БВУ — отдел редкой книги (руководитель А.Ю. Бородихин) и лаборатория книговедения, занимающаяся, в частности, изучением касающихся России изданий, а также изданий на русском языке (*rossica*) за границами России. В соответствии с положениями соглашения одним из важнейших аспектов сотрудничества является взаимообмен информацией, результатами научной работы, а также разработка совместных методологических установок для реализации дальнейших исследований.

Благодаря партнерству БВУ и ГПНТБ СО РАН стало возможным создание в структуре Новосибирской библиотеки Центра польской науки и культуры, деятельность и идею создания которого поддерживает также Генеральное консульство РП в Иркутске (в частности, в виде оказания помощи в оснащении центра компьютерным оборудованием). Центром занимается

д-р Ирина Трояк — научный сотрудник библиотеки в Новосибирске. Университетская библиотека в Варшаве поддерживает деятельность центра, отправляя за свой счет актуальную научную и популярную литературу, прежде всего из области исторических и филологических наук. Деятельность центра обеспечивает широкие возможности для популяризации достижений польской науки, а также способствует обмену опытом и сотрудничеству в области исторических исследований, особенно касающихся истории ссыльных, политических преследований в эпоху царизма и советского времени, а также в области истории культуры. Эти вопросы вызывают большой интерес у широкой общественности г. Новосибирска.

В отделе редкой книги ГПНТБ СО РАН в Новосибирске хранятся ценные коллекции древних русских рукописей (начиная с XII века) и старопечатных изданий, а также книги XVIII века, напечатанные гражданским шрифтом. Кроме того, библиотека располагает собранием произведений российских писателей XIX века, изданных при жизни авторов, богатой коллекцией изданий русского серебряного века, коллекцией запрещенных книг, в том числе местного самиздата, а также зарубежных публикаций, связанных с революционной деятельностью в России, и изданий периода первой революции в России. В собрании библиотеки находится любопытная коллекция миниатюрных изданий, а также современные книги, которые представляют собой образцовые экземпляры издательской и типографской деятельности. Отдел редкой книги обладает также крупнейшей в восточной части России коллекцией западноевропейских книг XV в. — XIX в., в том числе интересные издания о Польше и на польском языке (*polonica*).

Отдел редкой книги также координирует экспедиционные исследования, требующие сотрудничества с традиционными сообществами старообрядцев, которые благодаря своей приверженности традициям и благодаря тому значению, которое имеют для их религиозной жизни и веры книги, выпущенные еще до схизмы патриарха Никона, способствовали сохранению огромного числа старинных книг и развили собственную литературную культуру. Старообрядцы известны своей замкнутостью, религиозные запреты сильно ограничивают контакт их собственной конфессиональной группы с лицами извне. В условиях Сибири и российского Дальнего Востока это означает также, что для своего проживания старообрядцы выбирают места как можно более уединенные и географически изолированные. Первая трудность для исследователя — добраться до этих мест, но это

лишь начало возникающих проблем. Самая большая проблема — это добиться доверия и получить допуск к книгам, которые для них самих безусловно священны. Как уже было сказано, среди этой ценной для старообрядцев литературы находятся многочисленные издания, касающиеся Польши и польской диаспоры, весьма важные с точки зрения польской библиографии и истории культуры. В 2016 г. впервые в экспедиции, организованной совместно ГПНТБ СО РАН и Новосибирским университетом, принял участие представитель Университетской библиотеки в Варшаве. Экспедиция была организована в один из районов проживания старообрядцев, расположенный в нижнем течении Енисея. Для польских ученых эта экспедиция носила прежде всего ознакомительный характер. Удалось идентифицировать в одной из местностей экземпляр так называемой Острожской Библии 1581 г., который передавался из поколения в поколение этой семьи старообрядцев и который по сей день служит благочестивому изучению Священного Писания. По информации, полученной в результате экспедиции, можно предполагать, что в этом районе могут быть достаточно широко представлены издания базилианских типографий на территории Речи Посполитой, которые печатались специально для старообрядцев в XVIII веке.

Интересы исследователей и сотрудников лаборатории книговедения Новосибирской библиотеки обращены, в частности, к коллекциям русских книг, которые созданы и хранятся вне России, а также к коллекциям, собранным русскими эмигрантами. Собрание Университетской библиотеки в Варшаве предоставляет здесь широчайшие возможности для исследований, а если принять во внимание тот факт, что книговедческий анализ должен обязательно быть дополнен поисками в книгохранилищах крупнейших архивов России, то сотрудничество в этой области имеет прекрасные перспективы. В результате совместной работы на счету у обеих сторон уже появились первые реальные научные достижения.

Наряду с узко научным аспектом подписанное между ГПНТБ СО РАН и БВУ соглашение о сотрудничестве, способствовало интенсификации обмена литературой между учреждениями-партнерами, что имеет огромное значение с точки зрения пользователей библиотеки, так как в Новосибирском центре издается очень много работ по истории, которыми живо интересуется польский читатель. Эти работы зачастую трудно доступны в польских библиотеках. В свою очередь, большое количество польских работ имеет важное значение для тех

исторических и литературоведческих исследований, которые ведутся в России.

Весьма важным событием стал научный семинар под названием: «Польское и российское культурное наследие в библиотечных собраниях: перспективы исследований», организованный совместно обоими учреждениями-партнерами и состоявшийся 26 мая 2015 года в Варшавской библиотеке. Во время этого семинара были затронуты, в частности, методологические вопросы, касающиеся понимания понятий *rossica* и *polonica* в польской и российской науке, которые выявили далеко идущие различия в этих определениях. Представлены были также результаты работ, касающихся изданий на польском языке и о Польше (*polonica*) в собрании ГПНТБ СО РАН, а также коллекции русских книг XIX века в собрании БВУ, обсуждалась научная и популяризаторская деятельность отдела редкой книги ГПНТБ СО РАН, представлены были весьма любопытные результаты исследований, проведенных доктором Ириной Трояк, касающихся биографии А.А. Толочанова, собрание чрезвычайно ценных и редких книг которого хранится в БВУ. Прозвучавшие доклады вызвали чрезвычайно оживленную дискуссию. По итогам семинара были параллельно опубликованы его результаты — на польском языке в научном журнале «*Z Badań nad Książką i Księgozbiórami Historycznymi*» («Из исследований книги и исторических книжных собраний»), а на русском языке — в научном журнале «Библиосфера».

Исторические исследования, относящиеся к личности А.А. Толочанова, способствовали тому, что в одном из петербургских архивов была найдена неизвестная до сих пор в науке переписка, являющаяся чрезвычайно интересным источником для истории собирания книг и чтения в Царстве Польском во второй половине XIX в. Запланированы также обработка и совместное издание этого комплекса источников Университетской библиотекой в Варшаве и ГПНТБ СО РАН.

Очередным этапом сотрудничества стало участие Университетской библиотеки в Варшаве в работе Первого конгресса книги, организованного в Новосибирске. В ходе этого конгресса, наряду с научными докладами, состоялись также презентации, адресованные широкому кругу читателей, и выставка актуальной польской издательской продукции. Благодаря этому стала возможной популяризация современной польской книги. Научные доклады были опубликованы на русском языке.

Осенью 2017 г. в БВУ планируется проведение научной конференции с участием, в частности, представителей ГПНТБ СО РАН. Приглашенные из Новосибирска гости примут участие также в небольшом научном проекте по изучению личных автографов, сделанных на старинных книгах, хранящихся в БВУ, а также проведут библиологические консультации на тему хранящегося в настоящее время в БВУ книжного собрания Ивана Востокова — астронома XIX века, профессора Императорского Варшавского университета. Это позволит использовать знания и опыт российских исследователей для пополнения баз данных и каталогов, которые ведет БВУ. По итогам конференции планируется очередная публикация научных материалов.

Надеемся, что сотрудничество между БВУ и ГПНТБ СО РАН поможет разрешить многие исследовательские проблемы, с которыми трудно или вообще невозможно справиться собственными силами. Мы также надеемся, что обмен информацией в области методологии исследований поможет библиологам и археографам обеих стран отказаться от проторенной и ставшей уже привычной колеи размышлений и выбрать новый путь, позволит взглянуть на известные проблемы с иных перспектив, что в будущем может привести к открытию новых источников или к новым прочтениям давно известных текстов.

Университетская библиотека в Варшаве, стремясь описать собственное собрание не только с библиографической, но и с исторической точки зрения (принимая во внимание происхождение этих книг), желая при этом также проследить историю чтения находящихся в ее коллекции изданий, должна тесно и во многих областях сотрудничать с российскими научными библиотеками и архивами. Со своей стороны, она может предложить российским коллегам помощь в создании ретроспективных библиографий или сводных каталогов. Взаимный обмен опытом в области методологии исследований имеет огромное значение для обеих сторон. Благодаря партнерству с академической библиотекой в Новосибирске, а также благодаря доброжелательности сотрудников РНБ в Петербурге, за последние четыре года удалось достичь весьма значительных результатов в области изучения исторической книги. Мы надеемся, что эти контакты в ближайшее время будут только укрепляться, и нам удастся подключать к этому сотрудничеству все больше новых учреждений.

Книга не такая, как все

С Михалом Хоецким, основателем
Издательского дома «Периферия»,
беседует Наталия Лайщак

Повседневная деятельность в рабочем пространстве
издательства. Одни сшивают тиражи, другие колдуют над
проектами, третьи доводят до ума бюджет. (Фото Н. Лайщак)

Коллекция спичечных этикеток в Издательском доме
«Периферия». Серия о польских гималаистах – это авторские

проекты Михала Хоецкого, отпечатанные методом шелкографии.
(Фото Н. Лайщак)

Издательский дом «Периферия» — художественное издательство, уже несколько лет работающее в Варшаве. Среди нишевых издательств в Польше оно является белой вороной — главным образом, из-за того, что как одно из немногих, занимается мануфактурным изготовлением и изданием артбуков и зинов^[1]. Это значит, что каждый тираж производится вручную — от печати до прошивки и переплета. Можно задаться вопросом о целесообразности такого предприятия во времена эффективных офсетных машин и прогрессирующей автоматизации труда. Еще можно робко поинтересоваться его рентабельностью.

— Художник, основавший художественное издательство. Откуда, вообще, взялась идея такого предприятия?

— Издательский дом «Периферия» — это не первое художественное предприятие, в котором я принимал участие. Моя деятельность всегда сосредотачивалась где-то вокруг организации и самоорганизации художников. Будучи студентами, мы задавали себе вопросы о том, как функционировать в качестве художника, как формировать свою публику и каким образом создавать место для своего творчества. Пытаясь ответить на этот вопрос, я уже участвовал в создании галерей, лабораторий или других художественных сообществ... Издательство — очередное такое предприятие, которым я занялся, и которое отчасти тоже имеет дело с этими проблемами.

— Ты говоришь о том, что книга — это идеальное средство коммуникации для художников. Ты сам сменил огромные прекрасные полотна на небольшую стопку бумажных листов. Что такого содержит в себе книга?

— Что ж, мой интерес к книге объясняется несколькими причинами. Во-первых, это производная разочарования в традиционном способе представления искусства. Как художник я принимал участие в различных мероприятиях из так называемого выставочного поля. Устраивались вернисажи, приглашали людей, кто-то приходил, кто-то смотрел и потом шел домой. И у меня были такие грустные мысли, что контакт у публики с этими картинами очень поверхностный и одноразовый, а обстоятельства встречи с ними не способствуют глубокой рефлексии или размышлению над

посланием. У выставок и живописи, которой я вначале занимался, были свои сильные ограничения, именно по причине этой одноразовости контакта. Кроме того, это было очень затратно в экономическом плане и, скорее, нерентабельно. Например, я писал большие картины, которые занимали много места, очень долго сохли и были совершенно бесполезны как предметы. А поскольку картины были для меня хлебом насущным: с ними приходилось жить, соседствовать и рядом с ними заниматься творчеством, то в какой-то момент они просто начали мне очень мешать. Я стал думать, как заменить большой и неудобный предмет чем-то малым. Искал форму, которая была бы более практичной. Книга мала, так что это ее первый большой плюс. Мала, но очень вместительна — это другая прекрасная черта книги. Меня привлекло в ней то, что в столь небольшом предмете можно заключить так много содержания, больше, чем в самой большой картине! Я говорю о визуальном содержании, где отдельные изображения, расположенные на страницах, складываются в целые визуальные комплексы и архипелаги, взаимно дополняют друг друга. Еще одно преимущество книги перед картиной — ее эгалитарность, то есть общедоступность для широкой публики вне зависимости от толщины кошелька. Как студент факультета графики я был тесно связан с гравюрой, особенно на кафедре полиграфии. Там мне привили несколько анахроничное представление о гравюре, связанное с многомесячными попытками травления цинкового листа и выискиванием в единичных работах красоты, выводимой из глубины черного цвета. Только после окончания ВУЗа я начал открывать другую красоту — в общении с публикой посредством тиражируемых работ. А ведь книга — это полиграфический объект, производимый в большом количестве копий. Ею можно похвалиться, поделиться с людьми. Вдобавок, как предмет она не особенно дорога, определенно, не так дорога, как отдельные картины. Даже эксклюзивные издания дешевле обычных гравюр. Книгу может позволить себе почти каждый, а мне очень хотелось, чтобы мое искусство не было элитарным и доступным лишь для богатых людей, оторванных от обычной жизни. Я предпочитал, чтобы оно было доступным для среднего человека, такого как я. Книга оказалась фантастическим средством для осуществления этих целей.

— Интернет тоже эгалитарен. Многие художники публикуют свои произведения в цифровой форме, и они также становятся доступными для широкой публики.

— Как автор я публиковался с бесплатными лицензиями, делал фильмы, которые затем выкладывал на таких платформах, как Youtube или Vimeo, у меня нет проблем с деятельностью в интернете. Но я также сильно связан с работой в материале, ремесленной работой, в которой обработка материала — это тоже способ мышления. Поэтому для меня важен сам процесс печатания и появления книги. Я считаю это стимулом для новых рефлексий и новых идей. Кроме того, для меня важно, чтобы работа обрела физическое воплощение, чтобы она была не только цифровым импульсом для переваривания, а ее можно было бы потрогать руками. Контакт с книгой — это совсем другая связь, нежели контакт с цифровым искусством. Эти средства коммуникации диаметрально различаются по способу восприятия, что не означает, будто цифровое искусство хуже. Но думаю, то, что я делаю, более адекватно, когда функционирует физически.

— *Как-то раз мне попала твоя книга, которая одновременно была твоей докторской работой. Отпечатанная вручную на толстой бумаге, со знаменательным названием «Что важно на самом деле». Ее тематика связана с утверждением значимости собственноручно выполненной работы, благодаря которой человек может жить в гармонии с собой и с целым миром. То есть, в принципе, охватывает то, о чем ты сейчас говоришь. И вроде бы все красиво, ты рассказываешь о некоей идее труда своими руками, но в какой-то момент эта идея сталкивается с действительностью. Ты же, в конце концов, руководишь издательством, которое должно как-то существовать.*

— Ну да, нам придется плавно перейти от того, что я как художник создаю свои книги, к ситуации более прозаичной, в которой я руковожу Издательским домом «Периферия». Он появился в качестве пространства для публикации своих собственных вещей, то есть, как издательство селф-паблишинг^[2]. Этот термин, кажется, несколько несовместим с издательской деятельностью, правда? Как же так? Это селф-паблишинг или издательство? Просто «Периферия» — это издательство, выросшее из идеи селф-паблишинга. Как самодельный автор книг я на определенном этапе нуждался в какой-то вывеске, которая позволила бы этим книгам появиться. Помимо того, мне еще хотелось, в том числе через издательство, создать какую-то среду, в которой вещи подобные тем, какими занимаюсь я, могли бы делать другие люди. И это было важно, идея, что Издательский дом — место, в котором мы сообща создаем нечто важное для нас, что часто имеет интимный характер и не могло бы существовать в мейнстриме или открытом обороте. Почему? По нескольким

причинам. Прежде всего, по экономическим, поскольку это не окупается. Кроме того, вещи, которые мы делаем, не слишком популярны, их трудно продать. Рынка сбыта для таких издательств, практически, нет, ниша очень глубока.

— *Это звучит немного безнадежно.*

— Ну что ж, дело безнадежно с том смысле, что в Польше не существует издательств, которые бы постоянно занимались книгой художника или зинами. Правда, появляется немало зинов, многие интересуются этой темой, но все это, в основном, эпизодическая активность. Выпустят один-два зина, кто-то с кем-то недолго посотрудничает, что-то издаст. Но обычно постоянство такой формы сотрудничества на этом и заканчивается. Впрочем, даже крупное издательство, такое как «Mundin», которое в Польше было элементом главного художественного оборота, не протянуло и полутора лет. А нужно добавить, что его финансовые тылы обеспечивала самая богатая полька, Гражина Кульчик^[3]. Оказалось, что спрос на книгу художника довольно низок, а затраты на ведение такой деятельности огромны. Так что модель издательства, сосредоточенного на выпуске лишь такого рода произведений, выживает с трудом. Но лично я настроен не так уж пессимистически, исходя из предпосылки, что все это нужно выстроить. Я говорю о некоем рынке книг художника. Многие инициативы, которые мы проводим в Издательском доме, нацелены на медленное и сознательное формирование будущей публики.

— *В таком случае, каким образом ты формируешь свою публику?*

— Для меня основной способ формирования публики — это деятельность, состоящая в преподавании знаний и навыков, то есть проведение мастер-классов. Мастер-классов, добавлю, связанных со всем, что касается такого объекта, как книга. Это хорошо еще и тем, что люди, которые приходят к нам, не только получают соответствующие инструменты и знания, но могут между делом понять, чем мы занимаемся. Возвращаясь к предыдущему вопросу о рентабельности, нужно подчеркнуть, что модель деятельности Издательского дома основана прежде всего на зарабатывании денег из других источников, не на публикациях. Публикации — это как бы вишенка на торте, хотя в то же время — это главная цель издательства.

— *Ну да, парадоксально, что вы как издательство, известны, кажется, прежде всего мастер-классами по переплетному делу,*

которые ты ведешь.

— Не знаю, этим ли, но да — львиная доля наших доходов поступает от проведения мастер-классов. Переплетные мастерские — следствие прозаического контакта с книгами. В основе лежит предположение, что если у каждого из нас был какой-то контакт с книгами, то почему бы не узнать, как их сделать самому? Кажется, что книга — очень сложная вещь, трудная для изготовления, вот мне и захотелось показать, что это не так. И я стал учить прошивке и переплету книг. Переплетные мастерские помогают понять, что представляет собой книга как объект — что эту книгу можно сделать, можно ее переплести, можно над ней задуматься. Выпускники таких мастер-классов совершенно иначе смотрят на предметы, которые их окружают! Но, помимо мастер-классов по переплетному делу, мы ведем и другие — полиграфические, по шелкографии и ризографии. В них, в свою очередь, показывают и обучают полиграфическим техникам, с которыми мы работаем в Издательском доме. Благодаря этим мастер-классам, мы популяризируем самостоятельные методы печати, слегка в духе «сделай сам», так чтобы каждый, приложив немного старания, мог затем открыть такое издательство у себя дома. В последнее время мы думаем открыть еще мастер-классы по такому популярному методу печати, как ксерокопирование. Это были бы поистине издательские мастер-классы для каждого! Их можно проводить в любой районной администрации или в любом, самом маленьком, городке. Подводя итог, мы существуем главным образом за счет обучения. Хотя одновременно мастер-классы — это наш способ сформировать свою публику. Пользуясь случаем, в ходе этой «образовательной миссии», мы стараемся понемногу прививать некую восприимчивость к определенным, как бы это назвать, непопулярным, забытым уже формам полиграфии. Впрочем, на это указывает само название издательства. Издательский дом в своем названии содержит слово «Периферия». Согласно словарному определению, периферия — это области, удаленные от центра, вне главной территории. Мы стараемся обращать внимание на такие забытые формы, к которым сегодня никто не относится серьезно. Например, марки. Когда-то в Польше мы наблюдали волну увлечения почтовыми марками. В ПНР филателия была чуть ли не системным элементом. Это слегка забылось, и теперь мне нравится откапывать эти марки, к которым мы сегодня относимся немного легкомысленно и даже немного пренебрежительно, как к чему-то, недостойному внимания. Мало кто отправляет письма, марки не очень-то и нужны. У старшего поколения филателия ассоциируется с орудием

системного подавления, имевшим целью навязать обществу искусственные хобби и за счет этого постепенно снизить интерес к политике. Зато мне нравится разглядеть в этой марке ее первичную ценность, то есть невероятную виртуозность полиграфии! В почтовых марках есть что-то, действительно, совершенное и вдохновляющее. И таких периферийных печатных форм множество. Спичечные этикетки, почтовые марки и многое другое. И именно эта печать, которой мы пренебрегаем, может очень вдохновлять.

— Ты, конечно, нишевый издатель, но тебя наверняка интересуют различные издательские модели, в том числе и мейнстримовые. В чем основные различия между моделью оборота книг в крупных издательствах и таких, как твое?

— Первое отличие очень ярко проявляется в тираже. Мы работаем, как мануфактура и не выпускаем наши книги промышленным способом, а значит и в промышленных количествах. Что, конечно, отражается на экономике. Ручное производство — это фундамент, от которого мне бы не хотелось отходить. Но из-за этого мы не в состоянии выпустить тираж более нескольких сот штук. Изготовление каждого экземпляра книги связано с тяжелым трудом. В трудные минуты мы даже называем себя Бангладешем Европы (смех). Чтобы выпустить большее количество, нам две недели пришлось бы сидеть по 12 часов, а мы говорим немного о другом. Если бы мы решились на частичную автоматизацию процесса производства и распространения, мы могли бы войти в более официальный оборот, который предполагает, что книга издается для внешнего распространения. Мы заказывали бы печать книг в профессиональной типографии, а дальше бы рассылали их дистрибьюторам, которые снабжают несколько сот книжных магазинов. Но все равно, даже при посторонней полиграфии, наш тираж, видимо, не был бы слишком впечатляющим. А рассылая книги по большому числу магазинов, нужно считаться с тем, что они будут там лежать и ждать, пока кто-то их не заметит и не купит. При масштабах нашей деятельности мы не можем позволить себе такого ожидания. Это бы совершенно не окупалось. Особенно с учетом того, что дистрибьютор и продавец берут себе около 60% продажной цены книги! То есть, если бы мы продавали книгу в магазине за 50 злотых, то нам реально доставалось бы 20 злотых. И это после долгого ожидания, ведь дистрибьюторы могут очень долго тянуть с оплатой. При ручном изготовлении себестоимость у книги немалая, как и вложенный в нее труд: было бы жаль так много трудиться лишь ради того, чтобы вернуть, в лучшем случае, себестоимость продукции. Поэтому

наша распространительная деятельность состоит в печатании малого тиража и непосредственном контакте с потребителем. Благодаря этому мы еще и знаем наших читателей. Мы можем написать этим людям, подружиться с ними. Этот способ распространения для нас более выгоден, и при этом мы в состоянии сохранить независимость в художественном смысле. То есть мы сами решаем, каким образом должна быть изготовлена книга, и какими должны быть результаты нашей работы. Мы контролируем процесс производства. Еще и благодаря этому все книги получаются разными, сохраняя следы определенных ошибок и неправильностей, что, однако, придает им невероятную прелесть. Если испачкать лист грязным от туши пальцем, то он уже так и останется грязным. Для меня в этом есть какая-то подлинность.

— Ты упомянул о контроле над производственным процессом. Многие нишевые издатели главной радостью в своем труде считают именно такую возможность контроля над работами на каждом этапе и связанное с этим удовлетворение. С другой стороны, ты уже немного рассказал о трудностях с добыванием денег для функционирования предприятия. Можно ли еще говорить об удовлетворении после такой борьбы за выживание?

— Это вопрос немного о том, когда заканчивается создание и начинается производство. Вернусь к тому, что я говорил в начале, что процесс создания — это еще и процесс мышления, то есть уяснения новых возможностей. Здесь нужно это высказывание дополнить: процесс создания — это также (а может быть, прежде всего) ощущение огромного удовольствия от физического труда. Конечно, порой бывает и так, что когда сшиваешь уже сороковую или сто сороковую книгу, то, на самом деле, в голове уже начинается этот Бангладеш, и удовольствие пропадает. Но в конце, все равно, огромное удовлетворение. Впрочем, все это зависит от степени сложности проекта. Я консерватор, если вести речь о книгах. Люблю классическую форму: обложка, блок, без какой-либо нарочитой деконструкции. Люблю, когда сделаешь что-то сам, и это выглядит, как настоящее (смех). То есть, самому сделать книгу из листа бумаги и резинки для денег, и она будет выглядеть почти как те, что в магазине. Это для меня всегда как-то удивительно. Особенно, когда по ходу дела выясняется, что это вовсе не так уж трудно. Вопрос об удовлетворении — это вопрос о некой первичной радости от сделанного дела. Книга — такой объект, которого везде много, они каким-то чудом появляются, но мы не до конца понимаем, где. Это немного похоже на городское огородничество. Все мы можем купить в магазине четыре кило помидоров, но тот помидор,

который мы вырастим дома на балконе, всегда будет другим на вкус. Похожий вкус и у книги, сделанной вручную. В то время, когда мы имеем дело с миллионом одинаковых экземпляров, иногда бывает здорово посмаковать нечто, обладающее какой-то человеческой природой. То, что будет пахнуть краской и потом.

— Ну да, мне кажется, что высокотиражные книги в каком-то смысле транспарентны. Они важны как носитель содержания, но не более того. К ним трудно привязаться. Зато, если мы имеем дело с книгой, изготовленной вручную, или еще лучше — собственноручно...

— Да, действительно, мы обычно относимся к книге как к одному из многих носителей содержания. И это нормально, для того они и существуют. Но для меня собственноручно сделанные книги — нечто большее, это как бы элемент моей автобиографии. Мне нравится думать о своей жизни как о такой глине, из которой я леплю как скульптор. Все мои художественные проекты, которые я делал до сих пор, были более или менее связаны с лепкой собственной жизни. Так же и с книгой — мне просто нравится делать из изготовленной вручную книги некое событие, которое произошло в моей жизни. Чтобы речь шла не только о прекрасно спроектированном, напечатанном и изданном объекте, но чтобы это было еще и прекрасно проведенное рабочее время. Подтверждение тому, например, совсем маленькая книжечка «Новая карта Африки», которую я сделал когда-то. Эта книга появилась в качестве реакции на то, что как раз происходило вокруг меня. Это было такой попыткой интерпретации окружающей действительности. Она появилась в течение недели: спроектирована, напечатана шелкографией и сшита. И благодаря тому, что вышла эта книга, что я работал над ней самостоятельно, мне удалось каким-то образом придать иную ценность всем этим жизненным сценам, происходившим в то время вокруг меня. В тот момент я обогатил жизнь дополнительным слоем нарратива.

— Я хотела еще вернуться к чувству удовлетворения немного в другом, более социальном контексте. В издательстве вы проводите мастер-классы, на которых участники сами создают какую-то полезную вещь — альбом для рисования, папку и т.д. Ты не считаешь, что современные люди лишены этого первичного удовлетворения, о котором ты столь охотно говоришь?

— Я думаю, что именно это мотивирует людей принимать участие в подобных мастер-классах. Потребность открыть для себя первичное удовлетворение, сделав что-то своими руками.

Сшив собственную книгу, блокнот или обложку для тетради. Мало того, что в ходе работы оказывается, что это не так уж трудно, так еще, вот именно — это утилитарная форма. Ею можно пользоваться, а не только восхищаться. Итак, с одной стороны, это удовольствие от создания, а с другой — удовлетворение от получения знания, которое позволяет заметить ценность того, что нас окружает. В данном случае — книги.

— Если бы можно было оглянуться и вернуться к моменту основания Издательского дома «Периферия», ты сделал бы что-нибудь по-другому?

— Не знаю, но я точно по-прежнему взялся бы за экономическую деятельность, хотя сделал я это лишь на третьем году существования издательства. Экономическая деятельность — это отлично, она многое облегчает. Раньше я этого не понимал. Если работать масштабно, это облегчает взаимоотношения с разными партнерами. И совсем не связано с какими-то большими затратами, а в то же время можно подсчитать доходы из разных источников. Кроме того, это помогает в организации работ, а мне нравится организовывать какую-нибудь деятельность или открывать проекты, расписывать бюджет и думать над тем, как сделать, чтобы все сошлось и заработало.

— А есть у тебя какие-то образцы среди нишевых издательств. Кто-то, за кем ты подсматриваешь?

— В моей отрасли, к сожалению, такого образца у меня нет, но, например, в руководстве издательством меня очень вдохновляет блогосфера. На самом деле! Мне интересно, каким образом блогеры, ведущие собственную деятельность, описывают кулисы этой деятельности. В интернете есть немало материалов на тему руководства фирмами, инициативами и т.п. Люди, стоящие во главе разных инициатив, учат других, как это делать. Для меня это важный источник знаний, я многому научился из интернета, хотя бы на тему разработки стратегии.

— То есть необязательно съесть собаку на издательском деле, чтобы самому начать его вести?

— Конечно, нет. Нужно просто перестать думать о руководстве фирмой, в данном случае, издательством, как о неизбежном зле, и подумать об этом, скорее, как об еще одном аспекте творчества. Я говорю об этом, поскольку в художественной среде существует такой пугающий стереотип, что любая

попытка организации рассматривается как мотивационная болтовня, и вообще, те кто показывает, каким образом можно управлять своим временем, это шарлатаны, пытающиеся вытянуть у тебя деньги. Я тоже так думал, пока не начал применять некоторые из этих тактик. Сейчас я уверен, что если бы я этого не сделал, то сегодня Издательский дом не был бы там, где он теперь. Более того, его бы наверняка уже не существовало. Так что мой совет всем студентам художественных училищ звучит так: если ты хочешь заниматься художественной деятельностью, тебе, вероятно, придется создать фирму. А если ты хочешь создать фирму, учись, как руководить фирмой. Итак, если хочешь вести художественную деятельность и зарабатывать на этом какие-то деньги, учись ведению бизнеса.

— Ты считаешь, что у книги художника есть какие-то шансы более широко войти в сознание потребителей?

— Есть, но это зависит от того, что называть книгой художника. Если мы думаем об этих книгах как о формах, которые оперируют прежде всего образом, а не текстом, то такой тип книги уже сейчас покорила, скажем, сферу детской литературы. Нынешний интерес к повествованию и визуальной стороне книги обладает очень большим потенциалом. Хотя многое зависит и от самих художников, насколько они захотят участвовать в создании рынка книги художника. Парадокс в том, что у нас практически нет «середняков», то есть издательств среднего формата. Конечно, есть множество эфемерных предприятий, на одно-два издания. Существует также немало международных издательств типа «Taschen», действующих в мировом масштабе. Однако не хватает чего-то промежуточного. Издательский дом «Периферия» хотел бы заполнить этот пробел.

-
1. Артбук (от англ. artbook) или «книга художника» — коллекция изображений и иллюстраций, собранная в виде альбома под одной обложкой. Часто такая книга сделана своими руками и собственноручно проиллюстрирована. Зин (сокращение от англ. magazine) — любительское малотиражное издание (журнал, информационный бюллетень, фотоальбом, альманах и т.д.) — Примеч. пер.
 2. Селф-публишинг (от англ. self-publishing) — публикация книги или другого издания самим автором, без участия книжного издательства – Примеч. пер.
 3. Гражина Кульчик — польская предпринимательница,

миллиардерша, коллекционер современного искусства —
Примеч. пер.

О бумагомарательстве

Писать для меня — не в новинку, но я никогда не был убежден в правильности подобного времяпрепровождения. Всегда, а сейчас в особенности, я испытывал ощущение, что занятие это нуждается в какой-то особой мотивации или особом оправдании. Думаю, я не одинок в своих чувствах и отсутствие оправдания — в большей степени, чем любые оппортунистические мотивы — заставляло писателей оценивать свою деятельность с точки зрения общественной пользы.

Значительную часть детства и молодости я провел среди людей пишущих, редактирующих и предающихся другим литературным занятиям, редко приносившим какие-либо достойные внимания результаты. В наш век такие люди, пожалуй, являются побочным продуктом типографских машин и бумажных фабрик, которые — подобно всякой технике — не могут простаивать.

Рано познакомившись с процессом писания и печатания, я проникся уверенностью, что нет никакой объективной необходимости умножать и без того грандиозное производство печатного слова. Даже самому прилежному читателю не под силу одолеть составленный им список книг для чтения. Так что воздержание от бумагомарательства я полагал едва ли не добродетелью.

Писать я начал поздно, на тридцать шестом году жизни, случайно, в момент, когда оказался практически лишен иных развлечений. С перспективы сегодняшнего дня я не уверен, что стал бы писать, имея в тот период возможность более систематически заниматься музыкой или отправиться в далекое путешествие. Быть может, эти развлечения быстро бы мне наскучили, но, возможно, их хватило бы на то время, которое я посвятил первым пробам пера.

Наверное, бестактно говорить об этом в книге, которая может попасть в руки литераторов, однако писательство во все эпохи являлось занятием *minorum gentium*. За него, правда, брались правящие *Dei gratia* в моменты достопочтенного раскаяния — при виде мизерных результатов своего правления, министры, впавшие в немилость, послы, вынужденные довольствоваться скромной пенсией, и, наконец депутаты, которых народ лишил

мандата, послав в столицу более умелого демагога, и которым теперь предстояло несколько лет дожидаться новой избирательной кампании. Однако основную группу пишущих составляли те, кто искал в слове компенсации за все то, в чем жизнь им отказала или вообще не способна никому дать.

Умение слагать буквы всегда таило в себе близкую к чернокнижничеству возможность вымысла, околдовывающего самого экспериментатора. В юности мне довелось увидеть дадаистов, торжественно приклеивавших на стену вырезанные из газеты и наугад выуживаемые из шляпы слова. Из этих слов складывалось нечто наподобие стихов, полных неожиданных ассоциаций. Сюрреалисты восприняли эти возможности всерьез, экспериментируя с так называемым *écriture automatique*.

Даже наугад поставленные знаки способны подарить поразительные сюрпризы, что уж говорить о текстах, отшлифованных виртуозами письма! Порожденные ими слова порывают связь с авторами и начинают самостоятельное существование, подобно драгоценным камням, талисманам и фетишам, обещающим иллюзию богатства и ревниво сохраняемым в памяти.

Розовослезная звезда, что пала в уши.

Белопростершейся спины тяжелый хмель.

Краснослиянные сосцы, вершины суши.

Чернокровавая пленительная щель^[1].

Власть над словом, позволяющая создавать формулы, которые даже спустя несколько десятков или сотен лет привлекают наше внимание и оставляют неизгладимый след во времени, вероятно, стоит того, чтобы ею воспользоваться. Именно так она и воспринималась, судя по тому, что обладающим ею во все эпохи воздавались почести наравне с вождями и правителями. Так что, вероятно, неправ был Марциал, который, говоря о карьере разбогатевшего сапожника, упрекал родителей, что те дали ему лишь литературное образование: *At me litterulis stulti docuere parentes*. Впрочем, и Марциала, и Горация, и всех их последователей вплоть до Тувима распирала гордость от

обладания магической властью над словом, также скромно именуемой поэтическим ремеслом.

Все это, однако, имеет значение лишь применительно к поэзии. Проза черпает свою силу не в магии, а в четкости мысли, упорядочивающей хаос явлений. Чернокнижничество играет здесь второстепенную роль. Даже риторы в один голос утверждают, будто наиболее выразителен окажется тот, кто скажет самое главное, пусть даже изъясняется он косноязычно. Впрочем, потребность в упорядочении окружающих явлений и овладении ими мыслью представляется функцией автономной, не дающей никакого непосредственного импульса к письму. А вот потребность пропагандировать свою мысль и навязывать ее другим — нечто совершенно иное, и лучшим доказательством здесь является тот факт, что сей мотив, как правило, не способствует ясности и тщательности формулировок. Обольщение четкостью мысли и уступка всем прочим побуждениям составляют внутреннее противоречие прозы.

Прерывание молчания, представляющегося наиболее верной позицией разума, есть своего рода отступление от этих амбиций. Оно заставляет сражаться со словом, материалом непредсказуемым — то чересчур упрямым, то чересчур податливым, — не подчиняющимся законам мысли, а при иных манипуляциях внезапно исторгающим искры и скрежет.

Поединок со словом, особенно письменным, не передающим верно ни бред, ни четкие рассуждения, требует отказа от многих амбиций, низведения себя до функции повара, который — не обладая знаниями в области химии и физиологии — простодушно смешивает в кастрюле принесенные с рынка продукты.

1953

Перевод Ирины Адельгейм

KULTURA

Рафал Воячек

Стихотворения

Семейное предание

Колбаса моя
Съедобная моя мамаша

Висит на блестящем крюке
и копотью пахнет

Недорога и ни разу не была недотрогой –
напротив, реалисткой и шла навстречу

Я был рожден моей мамашей
от неверного юноши
что не предохранялся
наверное имел умысел
а может и не имел опыта
Мамаша тогда спятила было
а после было обидно

Теперь мне хочется есть
моя мамаша висит

Итак все внимание на витрину
чую как
текут они мои
слюни и сперма

Еще минута и войду не колеблясь
скажу дайте дайте
вот эту

Колбасу мою
Съедобную мою мамашу
ненасытного моего детства
1965

Башня

Блажит людским голосом дурна до предела
Башня растущая на трех китах тела

Столб крови зеленой ловкой лианой
Обвился вдруг вокруг бока драного

Снабженный губами как рот пророка
В слюне светящихся облаков

И на небе черном к очевидным словам
Клонятся — цифры алфавита славян

Тот недалек кто считает что смыслы
Кириллицы очевидны и чисты

Тебе толкую подстилка сфинкса
Что мне предо мной и при мне с афинской

Открытой ветру грудью французским
Закрытой веером велишь читать вслух

Родина

Ты мудрей чем наверхие церкви
Ты сильнее чем сама Римская Церковь
Ты длинней чем транссибирская
Магистраль и шире Сахары

Порядочнее партийной прессы
Прекрасна что пожарник в дозоре
Пристрастнее офицера убэков
Словно на сносях чутка к боли

Честна как резиновая дубинка
Чиста будто жигулевское пиво
Грудь пара добрых стаканов

Нежнее королевы буфета
Божья мать Королева Польши
Бога мать Польская Королева
1968

Пестую эту боль

Пестую эту боль
явно чтобы
оставить
эти стихи на обрезке

славно выдубленной
кожи
моей мамы

А так кричала
как ее обдирали

Прямо по живому
после чего мягко
чтобы не смять
с сетки подкожных нервов
отскабливали мясо
Такой китайский способ
признаем:
очень продуманный
1965

Конец поэзии

Концу поэзии место на черной лестнице доходного
Дома смердящего сортиром и капустой
Он должен прийти внезапным благословением ножа
Под лопатку или лома в висок беглым как *атеи*
При этом управлять танками разъяренного неба
Конец поэзии должен наступать быстрее мысли
Чтоб криком смутно означить ярость и скорбь
Конец поэзии должен писать с ошибками

Молитва героев

К бедам нашим и нашим бредням
К упорству в безумствах закоснелому

Желчному крику наших желаний
К нашему дому забытому снами

К нашим вечным речам нелепым
К нашим любовям отчаянно слепым

Сиюминутности всех наших свершений
К ужасу ночи и дневной пустоте

К тем нашим мэтрам безнадежно унылым
И к судьям звереющим сиротливо

К матушкам седевшим до срока
От наших смертных невольных грехов

К нашему ливеру вялым сердцам
К нашим грубым разбитым губам

К неизбывному рук дрожанью
И бесполезным пыткам сознания

Пневме безвоздушного мира
К страхам бдительным как будильник

Ко всему что щедро отпущено нам
Будь милосердна ироничная Пани

Повесть зимней ночи

Дева в дороге сонна и темна ее кровь
Бела равнина — листа путевого снег
Ведома пьяной звездой, что в крови зажглась
Несома легендой дорожной

Дева в дороге не час и не два в пути
А в стержне ручки не два — не три пульс
Согретый усердной рукой не перестает
Быть, хотя часы и устают бить

Дева в пути упряма и по-прежнему дева
Хоть наметен смятых листов сугроб
— И если луна звездам наперекор вдруг забродит
В крови, закапает с ног

То в дорогу — незрима на грани границ
Ведома одной любовью слепой — до тех
Пор, пока пятно засохшей крови на простыне
Утром не заметит поэт
декабрь 1969

Рафал Воячек (1945–1971)

Рафал Воячек — кто он сегодня для читателя, исследователя? До недавнего времени его скандальная, окончившаяся самоубийством биография интересовала и тех и других не меньше, чем собственно творчество. Но теперь о Воячке все чаще говорят в контексте его творчества и его времени. Отходят (к счастью) на второй план попытки проследить развитие литературной легенды и любой ценой сопоставить жизнь и тексты Воячека.

Упрощения, поиск биографических сенсаций, сопряженных с особенностями творчества, примитивные схемы прочтений, подменяющие оценками ясную и глубокую диагностику, а также заведомо куцые опыты психоаналитических трактовок породили ситуацию, когда сам образ поэзии стал слабо читаемым. Без конца повторялся тезис о провокационном характере этой поэзии. В конце концов творчество Воячека сделалось одной из черт его непростого портрета, заключившего в себе эпатаж, легенды, тайны, игру эмоций и раннюю смерть.

*

Среди проблем, волновавших комментаторов, часто затрагивалась принадлежность — или непринадлежность — Воячека к литературной среде. Юлиан Корнхаузер отмечал: «Первая концепция «Новой волны», которую я старался продвигать, предполагала полный охват молодой поэтической среды, всех, кто родился сразу после войны. Разметкой и классификацией критика занялась уже позже. Оттого-то я рассматривал Воячека как естественного союзника, с таким же кругом чтения, с тем же посылом и сходной реакцией на эпоху. Вопросы самой поэтики каким-то образом оставались для меня на вторых ролях».

Понимание текстов Воячека всегда шло сквозь призму призванных им теней (Рембо и Бодлер) и в свете определенных литературных и культурных влияний. Внимательное изучение поэзии автора «Сезона» открывает его близкое родство с Ежи Гротовским. В стихах Воячека метод рефлексии на тему творчества и роли искусства заметно связан с концепциями

театрального реформатора. Воячек опирается на аналогичные принципы разработки достоверного и конкретного языка художественного высказывания, на достижение максимума эффектов, на тотальную бескомпромиссность. Театральность его поэзии строится на яркой оппозиции «я» и «ты», на нескончаемых диалогах и на превращениях субъекта, меняющего форму и стиль высказывания в зависимости от поэтического тома и от характера текста внутри тома. Выразительнейшим примером является повествование от лица женщины в десятках стихотворений Воячека. Эта одна из масок, надеваемых для воплощения высшего страдания или же особенного лирического тона. Театрализованное воображение, усиливающее видение поэтом самого себя как элемента космоса (здесь важно подчеркнуть, что такова одна из его барочных инспираций), усугубляемое демаскированием, прямым обращением к читателю, иронией и создает театральный мир, «атакующий зрителя» со всех сторон бесчисленными брутальными сценами и кровавыми макабричными образами.

Стихотворение «Apocalypsis cum figuris», написанное под впечатлением спектакля Гротовского, в сущности является его интерпретацией и призывом к сочувствию.

Соль нам на раны, вагонами соли
Попробуй-ка вякни, что мало боли

Песок нам в зенки, Синай песчаный
Попробуй-ка вякни, что чист очами

Голод нам в пуза, костью под желудок
Попробуй-ка вякни, что не знал худа

Сапог нам в яйца, пинков тыщу дюжин
Попробуй-ка вякни, что еще дюжий

Батог нам в морды, сотку шпицрутенев
Попробуй-ка вякни, что ты думал там

Ужас нам в сердце, и страхов по чину
Попробуй-ка вякни, что ты мужчина

Пли нам в легкие или линь чуть выше
Попробуй-ка вякни, что еще дышишь

О том, что поэзия Воячека, в сущности, стоит на защите ценностей, в высшей степени свидетельствует то, как в ней представлены довольно многочисленные сцены жестокости.

Опутывание сетями секса, бесчисленные brutальные образы, нередко отмеченные языковой obsессией, указывают на ключевые для Воячека и служат масками изуверства, надетыми ради раскрытия наиважнейших сюжетов. Основной стратегией использования сцен жестокости является поиск личных экзистенций, исследование элементов тела, изучение самоощущений, проверка «состояния». В сущности, речь идет о разрушении идентичности, принимающем порой формы неистовых поисков ценностей либо смысла. Иной рискованный прием может касаться тела как мертвого, так и живого, но равнодушного к причиняемой боли — и это вновь маска. Мертвый лирический герой не имеет эмоций, его оцепенение рисует облик трагедии, отменившей нормальную шкалу страданий. Другие маски изуверств суть голод и либидо. Сравнение эмоциональной недостаточности с физическим и любовным голодом выступает у Воячека как характерный выразительный прием. Все грубые, порой изуверские способы прочтения тела в его поэзии и прозе — лишь поиск средств описания пограничных эмоций, состояний, исключаящих покой, страхов, истоки которых необозримы, ценностей, которых не может быть в достатке. К тому же истязание тела (протагониста и других героев) зачастую соседствует с преувеличенной, почти животной перцепцией — демонстрацией разысканий, заведомо не ведущих к цели. Нагромождение извращений и жестокости является по сути мольбой о близости, на которую расчлененная телесность не в состоянии ответить.

Ключ к пониманию поэтики автора «Сезона» лежит на пути от жестокости, боли, острого личного кризиса к философскому допущению, что дефицит можно частично восполнить именно высказыванием, с его дальнейшим уточнением. Страдание и боль как последствия жестокости вскрывают правду и трагизм переживания, а именно — трагичность тождества субъекта и существования, мучительный, но вечно востребованный кошмар бытия.

Вписанное в творчество Рафала Воячека изуверство представляет собой одну из дорог постижения истины через осязаемый контакт с действительностью, с ее наиболее выпуклой материей. Лирический субъект, ведущий кровавые изыскания, проверяет различные способы причинения боли, охотно манифестирует свои изъяны, демонстрирует, на какую

жестокость он способен, обозначая тем самым пределы личности. Пожалуй, это типичное занятие этоса, поскольку эпатаж злом, зверством и его разновидностями подводит к границам человеческой природы и констатирует присутствие зла, вписанного в человека.

Сергей Морейно

Миф Рафала Воячека

Целуйте меня все в жопу

Юлиан Тувим, «Стихотворение, в котором автор вежливо, но решительно просит бесчисленные легионы ближних, чтобы его в жопу поцеловали»

Лешек Шаруга в статье «Бунтарь» [«Новая Польша» 3/2010] утверждал: «Поэзия Рафала Воячека агрессивна, образно-экспрессивна, напряженно-эмоциональна и чувственна. И дальше: «У Воячека, — писал Ян Блонский, — есть... такая глубинная честность, что ею оправданы непристойность, омерзительность, дикость, ибо они — не только провокация». [...] Его поэзия — вызов, брошенный миру».

Да — это справедливо сказано. Но нечто из сказанного им далее — как, в общем-то, и «глубинная честность» Воячека, — под неким углом зрения, в рамках некой модели оказывается под неким сомнением. Повторюсь, нечто — и в рамках определенной модели: общества, личности, творчества.

А юноша наш отнюдь не пальцем был делан.
Эго обитало в нем грубо и безрассудно.
Жаждал любви, умиления и шепотов похвалы,
Но насытиться он смог бы лишь властью,
Призванный тираном Сиракуз
Строить идеальное государство.
(Чтение тех лет Волшебная гора:
Стоял на стороне Нафты, апологета террора).

Однако, несмотря или же как раз по этой причине,
Внутри него гнезвился один только страх.
Страх перед взглядом, касанием, людскими обычаями,
Страх жизни, превзошедший страх смерти,
И гордая, едкая прихотливость.

Так писал Чеслав Милош в своем *магнум опус*, поэме «Где восходит солнце и куда садится». Не правда ли — это никак или почти никак не соотносится со стихами Рафала Воячека? И однако.

Кстати, рецепция Милоша (как и рецепция Бруно Шульца или, скажем, Пауля Целана) столь сильно перегнула палку, что само упоминание Милоша уже раздражает. Сразу же хочется его в чем-либо упрекнуть, отказать ему в том или ином, однако в одном ему никак не откажешь: он смел. И не боится признаться — движителем его многолетней и многогранной деятельности было желание власти. Своего рода власти, разумеется.

(И он ее, кстати, добился — загипнотизировав под конец жизни массу людей; правда, не так сильно и не на столь долгий срок, как в свое время его самого загипнотизировал собственный дядя, Оскар де Любич Милош.)

Поэзия Воячека (1945–1971) — это не вызов; скорее бунт (собственно говоря, оттого и слово такое в названии — бунтарь; «Че», а не «Челленджер»). Бунт Воячека — это претензия к миру, но не претензия поколения (поколения «Новой волны» или просто поколения униженных и оскорбленных), она очень личная и имеет особую окраску.

Можно попробовать взглянуть на бунт Воячека через призму фильма «Воячек» (1999). Лех Маевский, Мачей Мелецкий и Кшиштоф Сивчик в роли Воячека гениально воплотили эту его претензию в динамике зрительных образов. В рамках фильма — в рамке видеоискателя — уже ничто не может отвратить ужасный конец; ничто не может насытить героя и остановить его стремление к смерти. В самом деле, чего он хочет? — Славы, свободы, любви? — Всё это есть или уже на подходе. Счастья всем и каждому? — Вряд ли, он явно не считает всех и каждого достойными какого-либо, тем более большего счастья. Но, безусловно, он хотел бы сделать их достойными, чтобы после, возможно, завалить этим самым счастьем. Да.

Да — он мегаодарен, но будем и мы «глубинно честны» — ему хотелось того же, что и Милошу. Не просто реализовать свой дар, не взывать с его помощью к справедливости, но прямо вести за собой — и не кого-нибудь, а всех! (Неплохо было бы, например, если бы утро каждого поляка начиналось с медитации под «Говорю тебе тихо» или с зарядки под «Подружку висельника»...)

Отчего-то сразу приходит на ум неистовый голландец, певец арльского солнца. В бесчисленных книжках о Ван Гоге (1853–

1890) читаем, что он был таким рьяным проповедником, что даже родной отец, сельский пастор, постарался отговорить его от этой стези; что его письма к младшему брату напоминают проповеди. Он не устает «вести»: «Мне еще предстоит преодолеть много трудностей, прежде чем я заставлю людей понимать мои картины...» (из письма к Тео Ван Гогу, 1885).

Ему удалось их преодолеть. В последний год жизни (в 36 лет) после участия в выставке «Группы двадцати» к Ван Гогу приходит признание публики; появляется первая позитивная статья о его картине «Красные виноградники в Арле» (1888). А незадолго до этого он пишет «Звездную ночь» (1889), фиксируя на холсте внутреннее видение турбулентности газа межзвездной среды.

(Воячек в 21 год пишет «След крови» (1967):

Видишь
тот вон шарик
Звездочкой сияет
на донышке
слезки

Любимая ну не знаю
что это там, полагаю
божья коровка

Любимый дай угадаю:
то след нашей крови
луч

сквозь Землю

фиксируя на бумаге ни много ни мало реликтовое излучение.)

Франциска Цверг: «В него кто-то подселился и велел ему писать такие стихи». Очевидно, «Чужой» — и это уже было экспансией. В его невинных с социальной точки зрения строчках — ну, секс, ну, смерть — защита чистая власть, они шуршат ее девизами как только что отпечатанные купюры. Оттого картины Ван Гога сегодня так хорошо продаются, оттого на официальную могилу Воячека девушки до сих пор приносят свои заплаканные трусики, что их просквозила тончайшим и мощнейшим образом выраженная жажда власти.

Они покончили с собой на поднимавшейся волне признания, потому что осознали: единственная власть, которой они могут достигнуть — это вонючая респектабельность, смирившая

Пикассо и Дали, Тувима и Загаевского: красивая жена в мехах или без, место в ложе и счет в банке. «Мерседес» или «Польский Фиат» в качестве бонуса.

Я написал это не для того, чтобы поставить Воячека на «его место» на книжной полке, но чтобы напомнить: многие вопросы, до сих пор кажущиеся нам вопросами вкуса, стиля, контекста и так далее, на деле представляют собой один-единственный вопрос власти. В данном случае власти, которую Фуко назвал бы пастырской (с целью «обеспечить спасение индивидов в ином мире»: силой открывающейся им трагической красоты увести к полюсу абсолютной гармонии, безжизненной и безмолвной, где раздавался бы один лишь голос — доброго пастыря. В крайнем случае два голоса — Бога и пастыря).

Но, как известно [Ин.10:11], «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец».

Запах театра

Януш Гайос (фото: Agencja Gazeta)

Почему я стал актером? На экзаменах в театральное училище это один из самых главных вопросов: «Почему вы решили стать актером?». Отвечают очень по-разному. Думаю, со временем формулировки сильно меняются. Я не помню, удалось ли мне тогда найти какую-то ясную и простую формулу. Подозреваю, что, даже если и так, то она была достаточно наивной. Не знаю, как на этот вопрос отвечают нынешние кандидаты. Могу предположить, что у этого «хотения» есть разные обличья, что главная основа — это столь человеческое и, в молодом возрасте, весьма оправданное желание выйти из анонимности. Ведь мы растем в каких-то группах — в детском саду, в начальной школе, в средней, и каждому из нас хочется существовать как индивидуальности. Сейчас совершенно другие условия, ведь есть цветные журналы, масса разной информации на тему того, как это здорово — быть звездой, стоять в свете прожекторов, быть не таким, как все. Я считаю, что здесь есть немного лукавства, потому что это история о глянце данной профессии, но повторяю: в основе этого стоило бы поискать именно попытку выйти из анонимной группы.

Конечно, потом все меняется. Сейчас, наверное, я имею право сказать, что отношусь к своей профессии вполне сознательно — ну, если не вполне, то почти. Сознательно в том смысле, что знаю, какие в ней опасности, каковы ее плюсы. Я мог бы более или менее сформулировать, в чем состоит это занятие. Когда-то это были лишь предчувствия, но в моем случае эти предчувствия складывались не только из желания — как я сказал — выйти из анонимной группы, но еще и из того, что я называю, может, не слишком конкретно, запахом места, имя которому театр. Меня всегда тянуло, даже в то время, скорее в театр, чем в кино. Кино — это была какая-то фабрика, о которой я и мечтать не смел, а вот театр ассоциировался у меня с таким удивительным местом, у которого есть именно свой запах, но прежде всего — тайна. И эта странная тайна, которую не до конца удавалось прояснить, развеять, безумно притягивала меня.

Я помню, как впервые пришел в театр — так сказать — главным входом, то есть как зритель. Помню, что здание театра в Катовице казалось мне очень-очень красивым, эксклюзивным местом, и уже само пребывание в зрительном зале делало меня особенным. Когда я увидел, что на сцене происходят разные вещи, то понял, что этот мир полон тайн, и заподозрил, что было бы хорошо попасть в этот мир. Я только не знал как.

Мои родители бывали в театре от случая к случаю. Чаще в кино. Они относились к профессии актера и затем к этим моим желаниям, когда они уже конкретизировались, с некоторым опасением, ведь они желали мне только хорошего. Им хотелось, чтобы я был обеспеченным человеком, пользовался уважением других людей. Тогда это ассоциировалось с такими профессиями как, например, врач или процветающий юрист. Но не с профессией актера. Это считалось чем-то ужасно неопределенным и несерьезным. Ведь мы знаем из истории, как плохо относились к актерам, как их отказывались хоронить в освященной земле, несмотря на то, что в светском обществе они бывали близки с коронованными особами. В повседневной жизни на них смотрели снисходительно, с немалой долей неприязни. И потому от родителей я слышал: «Деточка, ну можно играть в разные вещи, но ведь нужно иметь некую основу, которая позволит нам как-то серьезно существовать в этом мире».

Теперь я припоминаю кое-что еще... мой первый поход в театр. Я не совсем уверен, но, кажется, это была пьеса «Их четверо». Во всяком случае, я был в театре в Забже, как раз с родителями,

и увидел нечто такое, что мог соотнести со своей домашней жизнью. Мне вспомнились какие-то нелады между родителями, из-за которых я жутко переживал, это были болезненные эмоции. Мне было тогда восемь или девять лет. Я вернулся из театра и начал играть в театр: ставил на табуретку спереди две книжки, которые были занавесом, а посередине этой сцены расставлял оловянных солдатиков. Я раздвигал книжки в разные стороны и светил сбоку фонариками — это было тогда новейшим изобретением — фонарики на батарейках с разными фильтрами. Мне их дарили. И вот я светил этими фонариками, и там возникал какой-то странный мир, потому что, если фонариками пошевелить, то тени, конечно, становились подвижными, и это создавало впечатление, что там что-то происходит. Было непонятно, что именно, но мне и этого хватало. Это была игра, но если говорить совершенно искренне, то, возможно, это был первый сигнал о моей потребности в театре.

Я пытался попасть в Театральное училище. С четвертого раза у меня получилось. Не знаю, откуда это упорство, потому что я не тот человек, который идет к цели любой ценой. Я не считаю себя таким уж нестигаемым, однако в этом единственном случае на самом деле было что-то, не позволявшее мне даже на секунду свернуть с этого пути. Естественно, были моменты, когда разум говорил, что пора бы уже сдаться — после двух неудачных попыток. Ведь если там есть люди, которые разбираются в том, чем они занимаются, и чем я хотел бы заниматься в будущем, так, может быть, им виднее. Я был близок к тому, чтобы сдаться. После последней неудачной попытки я пошел в армию. Там я, конечно, думал о том, что будет после армии; думал о каком-нибудь гуманитарном образовании, немного о журналистике, меня по-прежнему интересовал контакт с людьми, возможность вступить в диалог, вести разговор. Совершенно неожиданно я еще раз попробовал поступить, находясь в армии, потому что позже я уже не проходил по возрасту: в 23 года был последний момент, когда допускали к экзаменам, и вдруг — ни с того, ни с сего — я прошел. Для меня это было большим счастьем.

Я обнаружил, что это прекрасный мир. Тогда я начал задумываться, уже достаточно серьезно, о целесообразности, скажем, сценической деятельности, о том, что представляет собой этот избранный кусочек мира, то есть этот прямоугольник или квадрат, на котором я нахожусь. У меня уже был некоторый опыт, так как в течение двух лет — из-за этих неудачных попыток поступить в училище — я работал в кукольном театре, не в каком-нибудь там, сегодня его

оценивают как один из лучших, тогда он считался авангардным. Это был театр Яна Дормана. Почти два года я провел там и делал всё, с чего начинается подсобный рабочий, а потом подмастерье: поднимал занавес, обслуживал магнитофон, который был тогда вершиной театральной техники, лепил головки кукол, что входило в мои неписанные обязанности, но ничего другого я не умел. Постепенно, постепенно я принимался к этому театру. Еще я помню впечатление, которое произвел на меня неработающий театр, то есть зал с погашенным светом, сцена с какими-то рабочими лампочками и эти куклы, которые развешивались на таких специальных вешалках. Они свисали так беспомощно, и мне тогда грезились, что это именно такой очень-очень таинственный мир, что через мгновение здесь засияют огни, и эти куклы впитают энергию и начнут двигаться в странном, далеком от реальности, но таком увлекательном мире.

Это восхищение и, можно сказать, трепет, не покидают меня даже сейчас, и запах, который я не в силах описать, хотя уже сорок лет на сцене и могу сказать, что прошел здесь огонь и воду. Я знаю, как это делается, какими бывают провалы, чем пахнет успех, но этот трепет, этот таинственный запах сопровождает меня до сих пор, и я позволю себе назвать это неким бесконечным очарованием, удерживающим меня в этой профессии каждый день, даже в моменты, когда тебе кажется, что все бессмысленно, что идти на репетицию или спектакль не имеет смысла — ведь почти у каждого бывают состояния такого рода, мы все им подвержены. Иногда я рассказываю это коллегам и проверяю, бывает ли и у них такое, — вот я играю какую-то роль вполне сознательно, я знаю, что делать, но вдруг — на долю секунды или на минуту — мне кажется, что я стою рядом с самим собой и говорю: «Что я здесь делаю, говорю какие-то странные слова, разве в этом есть какой-то смысл?». К счастью, это длится совсем недолго, и я сразу же возвращаюсь к тому очарованию, которое до сих пор меня не отпускает. Думаю, это красиво. Если бы сегодня у меня была возможность поговорить с моими родителями, я бы сказал: «Вот видите, я был прав. Прав, потому что мне это небезразлично». Кажется, мне повезло, что это очарование, о котором я довольно нескладно пытаюсь рассказать, помогает мне перешагнуть через все проблемы повседневной жизни.

Может быть, после стольких лет работы в этой профессии, стоит задуматься, в чем тут дело? Чем дальше в лес, тем больше я размышлял, откуда все это берется? Конечно, с опорой на

литературу. Я читал все, что можно, об истории театра. Мне не под силу дискутировать с искушенными знатоками театра, с так называемыми теоретиками, но я старался найти ответы для самого себя: «Чем, собственно говоря, я занимаюсь?». Расскажу здесь одну историю. Несколько лет тому назад мне довелось быть героем встречи с молодежью в Олыштыне. Я рассказывал о своей профессии, которая молодым людям кажется невероятно привлекательной, таким занятием для избранных. Я старался говорить дельно, подчеркивал, что весь этот блеск — лишь оболочка, которая им видна, что у профессии есть разные другие оттенки, и тут ни с того, ни с сего меня спрашивает молодой человек: «Так когда вы настоящий на самом деле?». Этот вопрос поставил меня в такое положение, что я не мог отшутиться каким-то обобщением, взмыть к облакам поэзии, а вынужден был отвечать конкретно, так откровенно, как только я мог в тот момент, и сказал чистую правду: что настоящий я, как и большинство людей, лишь тогда, когда ими движет физиология. Механизм, существующий и действующий вне нашего сознания, ставящий нас в определенные ситуации, на которые мы вынуждены реагировать так, как ему угодно. В связи с этим, все остальное — лишь вид воображения. Еще я тогда сказал: «То, что вы сейчас видите, что я стою здесь, говорю об этой профессии, это тоже разновидность театра, которым я занимаюсь. Думаю, что это сопряжено с очень благородной формой, что я хочу представить себя человеком умным, очень приятным, рассудительным, но ведь в повседневной жизни я не такой, ведь через минуту я выйду на улицу и, возможно, мне придется вести себя совсем иначе, значит, всё, что мы делаем, помимо этой физиологии, помещается, по сути, в нашем воображении. А театр — это место, в котором царит воображение, воображение и еще раз воображение, там оно может проявить себя».

Продолжая эту мысль — через несколько лет в книге Юзефа Тишнера «Мышление в стихии красоты» я наткнулся на одно утверждение. Там он ссылается на Ницше — пусть простят меня все, у кого с философией столько же общего, сколько у меня с театром — мне бы не хотелось дискутировать о философии, поскольку я слишком мало в этом разбираюсь, но одна вещь произвела на меня впечатление. Попробую процитировать лишь маленький фрагмент: «Философия — это просто тиранический импульс, наиболее одухотворенная воля силы, стремление к сотворению мира, к *causa prima*^[1]...» — и что это значит — спрашивает ксендз Тишнер. «Это значит, прежде всего, что нет истины как бытия, кроющегося за проявлениями. Иллюзией является бытие как бытие, как

пребывающая истина бытия. Все, что есть — это некая иллюзия, более или менее устойчивое видение, симуляция вещественного существования. На языке красоты следовало бы сказать иначе: все, что есть — это материал». Меня очень тронуло это высказывание, ведь я, наконец, нашел очень конкретно сформулированное положение, облегчающее мне понимание того, что я делаю: что, если всё — материал, то я, занимаясь своей профессией, тоже являюсь материалом для того, чтобы из этого моего материала, из моих начинаний что-то возникло. Как говорит потом ксэндз Тишнер: «Если что-то является материалом, это значит, что его на самом деле еще нет. Из этого лишь появится что-то, и если оно попадет в сферу интересов художника, то станет произведением искусства», так что я себя считаю элементом, из которого может возникнуть произведение искусства, и это та мысль, которая оправдывает мое существование в профессии, в том, что я делаю. Эту мысль я уже какое-то время стараюсь донести до молодежи, обучающейся на актерском факультете Лодзинской киношколы.

Когда я начинал работать с молодежью, у меня были очень, очень смешанные чувства, с уклоном в минус, поскольку я сомневался, сумею ли я что-то им передать. В том, чем мы занимаемся, и вообще, подозреваю, в любой профессии, связанной с искусством, дело обстоит так, что либо у кого-то это получается очень легко, и тогда, в принципе, не о чем говорить, либо это так сложно, что тоже говорить не о чем. Трудно передать свой опыт в форме какой-то лекции. Я не называю это обучением, я просто помогаю молодым людям уяснить некоторые вещи, понять, что их ожидает, и как им это делать, а мысль, что мы — материал, очень мне помогает. Она конкретизирует все то, что мы должны делать, мне иногда кажется, что у молодежи — я это по себе помню — в голове некая сумятица, такой бардак. Они приходят с огромным желанием реализоваться, и это желание действительно похвально. Они очень хотят, они горят и готовы действовать, но та путаница, которая у них внутри, вызывает кавардак, беспорядок, а ведь всё, что мы делаем в области какого-либо искусства, должно быть подчинено некоему направленному действию. Мы это называем стремлением к достижению наилучшей формы, а чтобы достичь какой-то формы, нужно сознательно применять определенные средства. Молодые по большей части ждут, что им скажут, где хранится ключ к секрету, как свободно и непринужденно пользоваться этим ремеслом. Первое разочарование ожидает их, когда я говорю, что такого ключа нет; у меня его тоже нет. Есть что-то вроде ключа — это сознательное действие, но вначале нужно

обуздать весь тот ветер, который внутри нас, и начать выполнять всё свободно, понимая собственный выбор, зная, что и как мы хотим сказать и так далее. Это меня затягивает, очень затягивает. Я не предполагал, что в таком возрасте столкнусь с чем-то, что направит меня, так сказать, совершенно в другую сторону.

Я думаю, что популярность или же мечта о популярности — дело не предосудительное, она сопутствует каждому человеку, который хочет быть актером. Я говорил, что в основе этих желаний лежит потребность выхода из анонимности. Популярность — это как раз доказательство того, что мы вышли из анонимности, стали кем-то незаурядным. Как и к любому явлению, к популярности следует относиться с большой-большой осторожностью, с профессиональной, спокойной дистанцией. Может быть, такая популярность имеет право на существование хотя бы потому, что если люди обращают на меня внимание благодаря тому, что я делаю, то, возможно, я делаю это неплохо. Это понимается более широко и порой очень поверхностно, но где-то там, в основе, может лежать такое суждение. Как я уже сказал, с популярностью нужно обращаться крайне осторожно. Я имел с этим дело в самом-самом начале — с невообразимой сегодня популярностью, это ведь было совершенно другое время, не было такого предложения, как сейчас, и это был сериал — один из немногих такого рода — из-за которого улицы просто пустели, буквально — пустые улицы в больших городах во время показа. Конечно, это привело к тому, что я очень прославился, стал очень-очень популярным, но прошу мне поверить, я говорю это, положив руку на сердце, наблюдая за тем, что со мной происходило, я ощущал определенное беспокойство, немалое беспокойство. Тогда я не умел это назвать. Вероятно, что-то мне подсказывало, что во всем этом есть какая-то опасность, и действительно — через некоторое время она оказалась настоящей и конкретной.

Сериал назывался «Четыре танкиста и собака». Я помню это странное состояние; оно продолжалось какое-то время, если бы я говорил о каких-то своих победах в жизни, то одной из них было то, что я очень быстро осознал, насколько это опасно, откуда это взялось, и что мне нужно как можно быстрее сойти, как говорится, с небес и держаться за землю. Дело в том, что раз все обращают на тебя внимание, по-другому к тебе относятся, тебе кажется, будто тебе больше причитается от жизни, чем другим. Это, конечно, абсолютная неправда, и жизнь очень быстро и очень жестоко вносит свои коррективы.

В период, когда я благодаря этому сериалу действительно был популярен, я снимался в окрестностях Чортштына в фильме, тоже многосерийном, предназначенном для детей и молодежи, под названием «Каникулы с привидениями». Мы снимали этот фильм неподалеку от деревни Манёвы. Это одна из самых старых гуральских^[2] деревень с сильными традициями и небольшим костелом, если не ошибаюсь, XVI века. В этой деревне готовилась свадьба. Один из жителей, молодой парень, поддерживавший связь между местными и киногруппой, как-то пришел к нам и говорит: «Слушайте, в Манёвах будет свадьба, и они узнали, что в группе есть ты, есть Ромек Вильгельми, есть Заверушанка...»^[3] — он упомянул еще нескольких моих популярных коллег — и говорит: «Так вот, им было бы очень приятно, если бы вы пришли на свадьбу и отметили с ними это торжество». Мы довольно быстро согласились, только я говорю ему: «Слушай, Стась, я тут приболел и как раз сейчас принимаю антибиотики, а на этих ваших гуральских свадьбах водка льется рекой. Я пить не смогу». Он в ответ: «Как-нибудь решим». И действительно, когда мы пришли туда, нас посадили на места для почетных гостей, Стась поднялся и сказал, что пан Гайос очень извиняется, но не сможет выпить за здоровье молодых, потому что принимает такое лекарство, что нельзя. Они ответили, что ничего страшного, что они как-нибудь это переживут, и свадьба началась. Я смотрел трезвыми глазами на то, как начинался этот разгул. Было такое ощущение, что я нахожусь буквально на свадьбе из пьесы Выспянского, потому что с каждой минутой они расходились всё сильнее. Какие-то песни, какие-то танцы, кто-то за кем-то гонялся, кто-то дал кому-то в морду, пролилась первая кровь, что-то невообразимое. Безумно колоритная картинка, но в какой-то момент я почувствовал удар ладонью в плечо, и меня развернула чья-то сильная рука. Передо мной было лицо хорошо поддатого гуралья, который налил себе полный стакан водки и говорит: «Пью за тебя» и выпил половину, что означало, что я должен выпить столько же, чтобы не обидеть его. В связи с тем, что пить я не мог, я чувствовал, что меня ожидает что-то очень плохое. Думал, что меня сейчас заставят силой, и отчаянно закричал: «Стасек, Стасек»!.. Прибежал Стасек, и я говорю: «Тут этот мужик хочет, чтобы я выпил водки, ты же знаешь, что мне нельзя. Объясни ему». Стась ему объяснил: «Ему нельзя, он принимает такое лекарство, еще хватит его кондрашка, зачем ты предлагаешь ему водку»? Тот его знакомый успокоился и спрашивает: «А ты кто такой будешь»? А Стасек ему: «Как это? Ты что, не знаешь? Так это же Янек из «Четырех танкистов». Гураль схватил меня, не церемонясь, за лицо и говорит: «Так

это ты? Правда? Айда, я тебя детям покажу». Извините, если это немного затянуто, но я рассказал эту историю, чтобы показать, чего стоит наше мнение о собственном величии.

Все, о чем я пытаюсь рассказать, навязчиво вертится вокруг самого главного. Да, с высоты своего весьма зрелого возраста я могу с полной ответственностью сказать, что́ есть самое главное, в чем эта пружина моей жизни и существования в принципе. Это то самое удивительное, таинственное, чарующее явление — театр. От этого не убежишь, так или иначе ты должен постоянно думать. Думать, хотя уже много умеешь и кое-что знаешь, например, что из чего берется и как делается, но есть в этой профессии одна удивительная вещь — сопутствующая всему, за что мы беремся — неизвестность, тайна. Это просто потрясающе — постоянно иметь дело с тайной.

Поразительно, что театр по-прежнему жив, хотя он очень долговечен. Он существует две с лишним тысячи лет, но все еще удивляет и очаровывает, людям все еще хочется смотреть на самих себя. Как сказал кто-то, кажется, Камю: «Они хотят смотреть на то, какие они, и какими в принципе могли бы быть». Они могли бы быть хуже или лучше. Это то зеркало, о котором говорит Шекспир. Однако у этого зеркала свои законы. Форма в любом виде искусства — вещь обязательная, потому что так называемый перенос жизни с улицы в театр — по моему мнению и по мнению многих других — в сущности, не имеет смысла, поскольку любой вид искусства должен быть своего рода сгустком. Он должен быть таким сосредоточенным, будто через увеличительное стекло взглядом на самые важные вещи, самые важные тайны, с которыми мы часто не можем разобраться. Отсюда следует ряд модификаций, которым подвергается театр. Это постоянное недовольство уровнем качества, который мы пытаемся показать. Думаю, те, кто занимается этой профессией, тоже отдают себе в этом отчет — это та постоянная, утопическая и никогда не утоляемая тоска Крэга по «сверхмарионетке»^[4], по чему-то такому, что способно выполнить любую задачу, без всяких ограничений; что управляется неким демиургом, кем-то, кто стоит на несколько уровней выше, видит целое. С одной стороны, это грустно, что мы не всегда способны дорасти до этого уровня, реализовать это все. В свою очередь, усилия — искренние, действительно искренние усилия — все оправдывают и тоже являются той частью этой профессии, которая так нас привлекает, о чем редко имеют представление сторонние

наблюдатели, те, кто обладают большими теоретическими знаниями на тему истории театра, но никогда не бывал по ту сторону. Они имеют право ворчать, имеют право говорить, что им не нравится — это лучше, то хуже, но им не дано познать всех горестей и радостей театра, которые открываются только изнутри, когда ты там — в этом необыкновенном месте.

Говорят, что театр — это храм. Когда-то, будучи молодым человеком, я считал это преувеличением. Конечно, с возрастом, с опытом приходит определенного рода смирение. Понимание, что театр — это место, где сталкиваются и каким-то образом там остаются самые разные эмоции, мысли, энергии. Ну и я все время возвращаюсь к этому очарованию, которое не покидает меня и в зрелом возрасте. Я условно называю театром все, что происходит в моей профессии: кино, кабаре, театр воображения, то есть радиотеатр, телетеатр. Со временем появились совсем другие возможности.

Я считаю, что везде, где можно серьезно говорить посредством — назовем это условно — театра, там нужно это делать. Я говорю об этом потому, что мне повезло появиться во всех возможных местах, где может выступить актер. Вспоминаю свою первую встречу с этой машиной, которой является кино. Дело было очень давно, в 1963 году, когда я сыграл первую достаточно серьезную роль в таком, по тем временам, суперпроекте — это был фильм «Барышня в окошке» Марии Каневской. Я был третьекурсником и проявил себя до такой степени, что мне дали очень характерную, довольно большую роль. Помню испуг перед выходом на план, испуг, который объяснялся неизвестностью, как это будет. У меня не было никакого опыта, и вдруг я оказался на плане, где была масса людей, где была техника. Все ездило: микрофоны, камеры на тележке, на рельсах... У меня кружилась от этого голова, но я удивительно быстро сообразил, что для чего предназначено, и без больших неприятностей дотянул до конца съемок. До сих пор помню только одно — меня отличила моя преподавательница, режиссер этого фильма Мария Каневская, тем, что я получил приглашение на просмотр отснятого за день материала. Его просматривают в кинотеатре, все такое сырое, дубли, повторяющиеся сцены, сделанные в двух, трех, иногда в пяти вариантах. Я вошел в этот зал, впервые увидел себя на экране, и, поверьте мне, заболел. У меня поднялась температура, почти до 39. Я думал, это какой-то грипп, но на следующий день все прошло. Это была такая доза эмоций из-за того, что я увидел себя на экране.

Еще я помню постановки Телевизионного театра в прямом эфире. Это было что-то, чего я сейчас не в состоянии себе представить. Особое возбуждение, граничившее иногда с паническим страхом, когда после ряда репетиций все было идеально расставлено по местам, почти как перед театральной премьерой. Нужно было еще знать, какая камера смотрит на нас в приближении, какая дает общий план, какая средний. Все это тщательно готовилось, и потом, вечером, наступал этот момент, когда на мониторе появлялся диктор, это был, например, Ян Сузин, который приглашал в Телевизионный театр; сверху голос администратора сообщал, что через минуту мы будем в эфире... Я сейчас говорю об этом, а по спине снова бегут мурашки, потому что я вспоминаю то особое переживание. В определенном смысле, это очень мобилизовало. Если ты можешь совладать с боязнью сцены, она в какой-то момент даже помогает; мобилизует, ты просто приходишь к выводу, что деваться-то некуда — раз уж прыгнул в этот бассейн, то нужно плыть, иначе утонешь.

Помню работу над фильмом «Побег из кинотеатра “Свобода”» и т.н. непосредственный контакт с режиссером. Войтек Марчевский — он делал всё, чтобы быть вместо объектива, чтобы иметь непосредственный контакт с актером, поскольку осознавал, и мне это невероятно помогало, что я разговариваю не с каким-то холодным объективом, а с человеком, вызывающим у меня определенные реакции. Сейчас это тоже изменилось, сейчас режиссер сидит где-то, с какой-то группой, перед двумя-тремя мониторами, и этот контакт затруднен. У нас все меняется.

На тему изменений — ну вот если вернуться к театру, который живет, постоянно борется за свое место — в настоящее время мы тоже являемся свидетелями каких-то больших завихрений. Что из этого получится, сегодня не скажет никто, но это свидетельствует о том, что людям хочется расстаться со старым, взять под руку новое — неизвестно только, где это новое, как оно выглядит. Это опять блуждание в какой-то неизвестности, но все это увлекает. Конечно, там и тут мы видим, что порой эти пути ведут в тупик, что некоторые начинания находятся на таком уровне, что раздражают, но то, что все это — как живая магма — постоянно в движении, несется куда-то вперед, говорит о том, что во всем есть смысл. Ведь человек в моем возрасте, который прожил в этой профессии более 40 лет, неизбежно задумывается: «Не валял ли я дурака в своей жизни?». Ведь есть столько других прекрасных занятий — респектабельных, как говорили мои родители, а то, что делаю я, это все так непостоянно.

Сейчас я замечаю, что театр все более полон. Был период, когда жаловались, что в зрительном зале много пустых мест. Сейчас я наблюдаю, что люди ходят, ходят всё больше, и может быть, это своего рода противоядие от всемогущей магии техники, от этого проникновения виртуальной реальности в нашу жизнь. Людям не хватает кого-то настоящего, осязаемого, живого, мыслящего.

Если сейчас я представляю себе театр, то представляю контакт с живым, умным, молодым человеком, полным сомнений и надежд, и скорее, это камерная встреча двух сторон, которые хотят поговорить друг с другом, обменяться энергией, чтобы избавиться от каких-то страхов благодаря тому, что они видят, что те люди — пусть вымышленные — в вымышленной, но похожей на нашу, реальности, чувствуют то же самое. И это нас успокаивает.

Мне вспоминается, что в течение какого-то времени, и кажется, это продолжалось довольно долго, я страдал от отсутствия людей, способных мне помочь. Я удивлялся, почему у меня не появился т.н. наставник, то есть человек, который много знает, намного больше меня; чтобы он знал абсолютно все на тему того, что я хочу делать, и, нежно взяв меня за руку, сказал: «Пойдем, мальчик, я проведу тебя через все лабиринты жизни в этой профессии». Такой человек долго не появлялся, хотя я был в театральной школе, и у меня были учителя. Одни импонировали мне своими практическими знаниями — например, я до сих пор помню своего учителя фехтования и так называемого осознанного движения, физической подготовки, Вальдемара Вильгельма. Это были довольно трудоемкие физические упражнения, но, поскольку я знал, что это когда-нибудь обязательно пригодится, то отдавался этому с большим желанием. После окончания училища этот навык не потребовался мне в течение лет, наверное, сорока, просто не было подходящего случая, за исключением одного эпизода, когда я был еще в Лодзи, в театре, и там ставили «Огнем и мечом». Я играл пана Володыевского. Из-за этого возникал ряд недоразумений, ведь тогда я уже снялся в роли танкиста и был популярен, и вот в ключевой сцене — дуэли Володыевского с Богуном — весь зал кричал: «Янек, держись!». Во всем этом было что-то параноидальное.

Через много лет я участвовал в таком серьезном предприятии как экранизация «Мести»^[5] в постановке Анджея Вайды, и там была придуманная режиссером сцена, в которой старые

товарищи по давним войнам, начинают для забавы махать сабелькой, пока дело не заходит слишком далеко, и все уже выглядит не так безобидно. Я тогда обнаружил, что спустя сорок лет по-прежнему без проблем справляюсь с саблей.

Я учился многим другим техническим вещам, как, например, произношение. Я прекрасно помню, как вдруг заметил, что люди ужасно, очень небрежно разговаривают на улице, в трамвае. Я гордился тем, что говорю иначе, что это доставляет мне удовольствие. И вот такие вещи начинали пополнять мое представление об этой профессии, но я все еще пытался где-то найти такую личность, которая выйдет из тумана и станет руководить мной. Но такая личность не появлялась. Из-за этого я был немного обижен на жизнь, на то, что мне приходится продвигаться вот так, в одиночку. Видимо, я был не в курсе, что такие личности не появляются по вызову, что они не на побегушках, а приходят в определенное время, и вполне естественно, что они появились в моей профессиональной жизни. Это было уже после периода моей первой популярности и перед тем, как я начал сознавать за собой право заниматься этой профессией. Первым таким человеком стал мой друг и ровесник. Это был Филип Байон, предложивший мне сниматься в фильме «Маятник», где я должен был донести до зрителей нечто очень важное и сложное. Меня удивило, что есть такие люди, которые потихоньку, со стороны, все-таки наблюдают за тем, что я делаю. Это меня очень обрадовало, потому что я был уверен, что все произошедшее в связи с тем сериалом, и эта популярность, о которой я говорил, и все эти опасности, что все это настолько меня придавило, что у меня не будет возможности вырваться из этого одностороннего, довольно плоского представления о моей личности. А тут вдруг молодой тогда человек, такой же, как я, обратил на меня внимание и предложил очень сложную роль. «Маятник» был авторским сценарием Филипа Байона, так мне забрезжил свет в конце тоннеля, я почувствовал, что не совсем одинок.

Правда, он не был наставником, который все знает, так как мы советовались друг с другом, но потом появились другие, разные симпатичные люди, знавшие больше или меньше, пока, наконец, я не встретился с Казимежем Куцем. Я был уже действительно серьезным человеком, за сорок, что свидетельствовало о том, что период затянувшейся стажировки или же карантина после того, что произошло, окончен, и я смог сыграть трудную, сложную роль в

«Голливудских историях» Кристофера Хэмптона в Телевизионном театре. Я очень боялся этой роли, так как считал, что она несет с собой много опасностей. Не буду сейчас развивать тему, в чем эти опасности состояли, но я подходил к этому с большой осторожностью, и встреча с Казимежем Куцем была встречей со своего рода наставником, хотя бы по той причине, что он со своей стороны тоже рисковал. Возможно, он как опытный режиссер интуитивно доверил сложную задачу актеру, который у всех ассоциировался, если не с танком, то во всяком случае с беретом завхоза Турецкого^[6], — был такой риск. Мы оба вышли из этой ситуации — как я теперь могу оценить — без особого урона. Во всяком случае, это было немалым художественным событием, так что для меня туман потихоньку развеивался.

Да, в этой профессии есть то, что помимо всех ощутимых, а также почти неосязаемых радостей, которые она может доставить, она дает такие яркие моменты, дарит встречи с прекраснейшей литературой и людьми, которые действительно разбираются в том, что делают, и чувствуют так же, как ты. Дает то, что мы, в сущности, ищем — позволяет убедиться, что наше восприятие тождественно с чьим-то, проверить, как они соотносятся между собой. Ну и на этом пути как раз возможны такие встречи. Потом я встретил Войтека Марчевского, с которым мне прекрасно работалось в фильме «Побег из кинотеатра “Свобода”». В конце концов, произошла поздняя, так уж сложилось, но все же встреча с Анджеем Вайдой. Мы встречались в таких проектах, как «Дирижер», «Человек из железа» — это были т.н. малые актерские задачи, и вдруг мы встретились во время большой-большой работы, очень ответственной для меня — я имею в виду спектакль Телевизионного театра, записанный на магнитную ленту, а именно «Бигда идет!»^[7]. Там мы познакомились поближе. Я внимательно наблюдал за мастером, подозреваю, что он за мной тоже, при этом ни с одной, ни с другой стороны о результатах наблюдений не было сказано ни слова. Я испытал большое удовлетворение от того, что за исключением бесед, которые мы проводили перед началом постановки, сама работа протекала у нас довольно безболезненно: ведь, приступая к постановке нового материала, всегда ожидаешь, что будут какие-то обвинения, недоразумения по поводу конечного результата, и я с большим удовлетворением и облегчением убедился, что у Анджея Вайды были ко мне замечания лишь технического характера, что свидетельствовало о том, что все идет так, как надо.

Это вовсе не означает, что к «Мести», следующему большому проекту, я подходил совершенно спокойно, так как это был абсолютно новый материал. Я считал, что стихи, которыми написана «Месть», обязательно затруднят восприятие, ведь в жизни стихами не говорят, а фильм, скорее, приближен к повседневной жизни — я осознавал все эти проблемы, мне было интересно, как мы с ними справимся. Несколько дней мы встречались, обсуждали эту тему. Разговоры касались истории произведения, мы анализировали отдельных персонажей, а потом энергично приступили к работе. Помню первый съемочный день в развалинах замка в Огороденце. Шел дождь, хотя дело было в феврале, дул ужасный ветер, было жутко холодно. У меня над головой кто-то держал зонт, чтобы уберечь мой грим и костюм. Мы начали с очень эмоциональной сцены, то есть со ссоры Кравчего со Стряпчим. Естественное пространство, существовавшее в этих развалинах, добавило некоторой достоверности, и эта непогода, и все вместе стало складываться в какую-то удивительную правду, которую можно было зафиксировать. И мы начали эту сцену, так, как это начинается в фильме, сначала пробы: «Встаньте, пожалуйста, левее, теперь правее, подойдите поближе», установка камеры, и вот мы готовы к съемке. Раздаются команды, хлопущка, поехали. Я начал очень энергично, сыграл этот фрагмент вплоть до знаменитой фразы: «Эй, Гервасий, дай ружьишко, сбить соседу кочерыжку!»^[8] Прозвучала команда «стоп»! Камера стояла ниже. Это снималось с уровня двора, а я был на балконе и услышал голос Анджея Вайды: «Не будете ли вы любезны спуститься сюда к нам, к монитору?». Такое приглашение может означать всякое. Молча, сосредоточенно, мы отсмотрели этот фрагмент, длившийся три-четыре минуты, и я услышал: «Ну, кажется, Кравчий получился». Наверное, все слышали тот грохот, с которым у меня камень свалился с сердца. Это означало, что теперь работа пойдет у нас уже без особых проблем, так оно и вышло. Конечно, во время съемок были и разговоры, и сомнения, которые требовалось развеять. У меня был определенный актерский опыт в области стихотворной речи, так что я старался кое-что использовать, режиссер обычно соглашался. Не хочу вдаваться в оценку произведения в целом, но все сложилось так удачно, что мы вышли из этого предприятия со щитом, а не на щите. Так что бывают такие прекрасные моменты. Хнычешь, что никто тебя не замечает, никто не протянет руку помощи, но если ты сам сделаешь шаг вперед, если сам покажешь, что у тебя за душой есть что-то, достойное внимания, то такие люди появятся.

В нашей работе есть ряд элементов, трудно все их перечислить, ведь известно, что актера сначала видят, потом нужно его хорошо слышать, чтобы понять, так что внешность играет большую роль. Большинство людей, которые ходят в театр, смотрят фильмы, отдают себе отчет в том, что внешность — это одна сторона формы, а более сложной, более тонкой стороной формы является то, что складывается из т.н. тонкостей, которые у вас внутри — из фантазии, из преодоления стыда, из попыток извлечь из себя такие элементы, иногда воспоминания, о которых мы бы не сказали вслух, и даже себе бы в них не признались, но, между прочим, у этой профессии есть то преимущество, что можно сказать: «Я делаю это для пользы дела, и это не я, а кто-то другой», но ведь все это — и красивое, и уродливое, что есть в человеке, мы вытаскиваем из себя наружу.

Я хотел бы сказать, что среди таких нюансов, таких тонкостей, которые мы извлекаем из себя, которыми сознательно пользуемся — а я всегда повторяю, что этим нужно очень сознательно пользоваться — среди всего этого имеется и человеческое тщеславие, которое тоже не только может, но и должно быть составляющим элементом мастерства. Нужно включить его в целый этот механизм создания роли, а затем всего проекта. Возвращаясь ненадолго к «Мести», я хотел бы рассказать о таком событии: мы встретились там с нашим коллегой, моим старшим коллегой, поскольку он окончил то же училище в Лодзи, когда я поступил на первый курс. Я имею в виду Романа Поланского, который в «Мести» сыграл Папкина. Встреча с человеком, которого знаешь лишь по рассказам, по его успехам и фильмам, всегда интересна и сопровождается неким легким волнением: а получится ли с ним такое сосуществование, которое необходимо в нашей профессии? И вот я с огромным облегчением убедился, что этот человек великолепно подходит для нашей работы, несмотря на то, что он, в основном, режиссер, то есть стоит немного по ту сторону баррикады. Он оказался коллегой-актером, товарищем до такой степени, что — как я сказал: «Если бы вспыхнула революция между классом режиссеров и классом актеров, то он пошел бы со знаменем на баррикады во имя той группы актеров, в которой оказался».

Я узнал его как человека исключительно педантичного, тщательного в каждой мелочи; это производит впечатление, ведь я всегда мечтаю о том, чтобы довести дело до такого состояния, когда каждый винтик, каждая шестеренка установлена в надлежащем месте и действует надлежащим образом. Такая педантичность указывает еще и на то, что эти

проекты потом движутся, как мерседесы, то есть, как что-то очень точно запланированное и прекрасно сделанное. Я имел возможность наблюдать это, но сказать хочу о другом, а именно — о тщеславии. Благодаря Ромеку, приехавшему к нам с Запада в лучах славы великого режиссера, человека кино, все мы, исполнители главных ролей, оказались в организационном плане в условиях выше среднего по стране, то есть были окружены своего рода роскошью, которой не бывает на наших съемках. Я говорю о таких вещах, как очень удобный трейлер с душем, со всеми удобствами, как обеспечение питанием, как доставка нас на место съемки, так как из нашего лагеря туда приходилось прилично подниматься в гору, то есть целый ряд удобств, с которыми я, занимаясь этой профессией и играя в разных фильмах, до тех пор не встречался. Это удачное стечение обстоятельств создало ситуацию, в которой я смог понюхать, как это, собственно, должно выглядеть, и мне бы хотелось высказать две-три мысли о том, как это работает.

Нашу деятельность, съемку фильмов, часто сопровождают группы зрителей, их называют «зеваками», которые приходят посмотреть, как снимается кино. Нередко их это разочаровывает. Зрители очень часто отождествляют актера с ролью, которую тот создал, до такой степени, что и слушать не хотят, чтобы он изменился, сыграл что-то другое. И тут нечему удивляться, ведь в наших интересах выбираться из таких ловушек как можно быстрее, но с другой стороны, следовало бы только радоваться, потому что это означает, что люди принимают то, что мы создали. У меня есть такой коротенький рассказ о том, как это бывает — так вот, когда я снимался у Казимежа Куца в спектакле для Телевизионного театра по «Самоубийце» Николая Эрдмана, то познакомился с моей нынешней женой. Она присутствовала при рождении этой постановки, и когда спектакль был уже готов к показу, жена сообщила своей родне, жившей в Познани, что человека, который как раз стал членом семьи, можно будет увидеть по телевидению. Тогда вся эта родня собралась у телевизора, с кофе и пончиками. Среди прочих была там ныне уже покойная тетя Броня, которую моя жена очень часто вспоминает. Начался телеспектакль. Тетя Броня была в столь преклонном возрасте, что не слишком понимала, о чем всё это, и кто тот новый, о котором идет речь. Я в этой постановке выглядел как человек, заслуживающий жалости, грязный, по большей части пьяный — таков был жребий героя. Наконец, брат моей жены не выдержал и обратился к тете Броне: «Тетя, вот это муж Эльжбеты». На что тетя, глядя на меня в этом телевизионном обличье, ответила: «Не повезло ей, ох, не повезло».

Подводя итог этим рассуждениям, я хотел бы сказать еще об одной ясной стороне моей профессиональной жизни — о том, что мы всегда должны быть вместе: вы с той стороны сцены, и мы с этой, поскольку театр, какой бы он ни был, это всегда встреча двух групп умных людей, которые договорились встретиться в определенном месте, чтобы пережить нечто особое, чтобы испытать некое просветление, пережить тонкое душевное движение. Мы называемся актерами, то есть людьми, действующими для того, чтобы тронуть вас, а вы, если мы вам не мешаем, поддайтесь своим чувствам, переходите на нашу сторону, и давайте всегда будем вместе, потому что это самое прекрасное, что может случиться. В этом и состоит красота театра или кино.

Перевод Владимира Окуня

Из архива 2 Программы Польского радио

Записала в 2006 году Ханна Шоф. Перенесла на бумагу Богумила Пшондка.

-
1. Causa prima — первопричина (лат.) — Примеч. пер.
 2. Гурали (горцы) – этнокультурная группа поляков, живущая в горных областях на юге Польши. Известны своей самобытной культурой и своеобразным диалектом — Примеч. пер.
 3. Роман Вильгельми, Александра Заверушанка — известные польские актеры театра и кино — Примеч. пер.
 4. Гордон Крэг (1872–1966) — английский актер, театральный и оперный режиссёр. В своей статье «Актер и сверхмарионетка» он пишет об идеальном актере, лишенном сценической индивидуальности, обладающем лишь маской-символом. Такого актера Крэг называет сверхмарионеткой — Примеч. пер.
 5. «Мечь» — классическая комедия польского драматурга Александра Фредро о нравах шляхты. В 2002 году Анджей Вайда снял по этой пьесе одноименный фильм – Примеч. пер.
 6. Завхоз Турецкий — гротескный персонаж из телевизионного «Кабаре Ольги Липиньской» — Примеч. ред.

7. «Бигда идет!» — телеспектакль поставленный в 1999 году А.Вайдой по одноименному роману Ю. Каден-Бандровского — Примеч. пер.
8. Цитата в переводе В. Дынник — Примеч. пер.

Фасад и задворки

1787 год. Царица Екатерина II совершает большое путешествие по южным землям своего государства. Она желает увидеть страну вблизи, посмотреть своими глазами, как живет простому русскому народу. Однако так неудачно сложилось, что народу живет гораздо хуже, чем представляет себе царица. Что сделать, чтобы не разочаровать государыню? Фавориту Екатерины князю Потемкину приходит в голову гениальное решение. Вдоль маршрута путешествия в быстром темпе строятся макеты поселений и деревень: искусственные фасады крестьянских изб, посмотришь издали — красивые, новые и опрятные, однако скрывающие за собой пустоту дикой степи либо, в лучшем случае, обычный бедный двор. А поскольку царица разглядывает эти странные декорации издали, вдобавок из окон движущейся кареты, иллюзия полная. Государыня возвращается из объезда довольной, а на фаворита сыплются новые милости.

Так родились знаменитые «потемкинские деревни». В странах Восточной Европы это определение популярно до сих пор. А самую большую карьеру оно делает именно в последнее время, во второй половине двадцатого столетия. Оно означает эту особую — неотделимую от господствующего здесь политического строя — систему иллюзий и макетов, конструируемую на потребу внешнему наблюдателю и имеющую целью произвести впечатление, что все в порядке, что страна процветает, а граждане довольны. «Потемкинские деревни» — это для здешних иронистов пароль, метафорически относящийся ко всем явлениям, суть которых состоит в сокрытии за впечатляющим фасадом не слишком впечатляющих задворок. Мы, жители Восточной Европы, сталкиваемся с такими явлениями что ни день. Мы работаем в государственных сельских хозяйствах, в которые в день визита государственного чиновника свозят упитанный скот, позаимствованный у окрестных крестьян-единоличников. Мы живем в городах, где, по случаю проезда вождя, покрывают свежей штукатуркой развалюхи, предназначенные к сносу. Мы видим гигантские неоновые рекламы, сияющие над пустыми магазинами. Читаем газеты, ежедневно сообщающие о всеобщем энтузиазме, которого сами мы не ощущаем и не замечаем нигде вокруг. Из бесчисленных «потемкинских деревень» складывается наш повседневный опыт.

Однако мы не всегда осознаем, что одной большой «потемкинской деревней» является и наша культура.

А ведь именно она особенно болезненно испытывает на себе процесс шизофренического раздвоения, особенно часто принуждена конструировать систему макетов, скрывающих истинные стремления авторов и истинные ожидания зрителей. Недавно один из наших писателей (Анджей Киёвский) проницательно заметил, что суть здешнего строя состоит не столько в его особой жестокости, как это видится либеральному стереотипу, и не в особой эксплуатации, как это хочется левому стереотипу, и наконец, не в особом искоренении национально-религиозных ценностей, как то провозглашает стереотип правый. Его суть состоит во лжи. В особенном усилении этой лживости, этого оруэлловского двоемыслия, которым пропитаны все сферы нашей жизни. Культура — главным предназначением которой на самом деле является формирование в обществе определенных представлений о мире — волей-неволей вынуждена лгать наиболее часто и откровенно. Вся огромная цепь инстанций по стимулированию, надзору, цензуре и распространению действует здесь так, чтобы в культуре зародилось как можно меньше неподдельных, то есть спонтанных и независимых ценностей. Ведь они опасны *ex definitione*^[1]. Идеальная культура — по мнению властей предрежащих — должна представляться в виде одного большого монолитного фасада, декорированного множеством разнообразных украшений и производящего впечатление богатства и силы — но не скрывающего за собой ничего.

Вся специфика культуры в таких странах как Польша состоит, однако, в том, что метафора «потемкинской деревни» в ее случае не совсем точна. Ведь здесь за фасадом скрыта ни в коем случае не пустота либо угнетающее убожество. Напротив. Фасадом официальной культуры заслонено немалых размеров строение культуры неофициальной, построенное весьма солидно, хотя, конечно, в стиле резко отличном от фасада и не столь однородном, как он. Впрочем, бóльшую часть помещений этого здания на задворках составляют подземные катакомбы, которые тем более не бросаются в глаза внешнему наблюдателю. Этот последний вообще замечает виднеющиеся за фронтоном формы лишь тогда, когда фасад, поврежденный той или иной исторической бурей, частично разваливается, и его приходится подвергать периодическому ремонту. Однако в последние годы, кажется, бывает и так, что флигель на задворках начинает вырастать над фасадом — и всё больше похоже на то, что именно эта скромная пристройка является

главной (а во всяком случае, наиболее интересной) частью причудливо спроектированного здания.

Думаю, что западный наблюдатель, несмотря ни на что, слабо осознаёт эту особую двойственность нашей культуры. Ведь он, не зная близко нашей культуры, либо наивно предполагает, что она так же плюралистична и разнообразна, как в странах Запада, либо тоже замечает со своего наблюдательного пункта лишь фасад, столь же наивно полагая, что именно так выглядит и все остальное здание. Тем временем, неверно и то и другое. Культуру нынешней Польши нельзя назвать ни плюралистичной — в полном смысле этого слова, ни тем более монолитной. Она в первую очередь двойственна. Ее сущность определяется глубокой разделенностью между тем, что официально, искусственно и единообразно, и тем, что неофициально, неподдельно и внутренне разнородно. Разделенностью между порабощением и свободой. То есть, это довольно элементарное противопоставление, так как, борясь за свою неподдельность, свободу, возможность говорить правду — культура борется за собственное существование и общественный смысл; отказываясь же от этих ценностей, она сама приговаривает себя к безжизненности и гибели.

Двойственность культуры, ее глубокая разорванность, начинается уже с языка, на котором мы ежедневно говорим. Обычный поляк, средний гражданин, встает утром и прослушивает радиопередачу, в которой искусственным, лицемерным, лишенным всякого смысла языком ему сообщается, например, что «коллектив городских пекарен принял обязательство самоотверженно бороться за дальнейшее динамичное развитие снабжения населения». Затем гражданин идет в магазин, где обнаруживается, что хлеба как раз не завезли. Наш герой комментирует это, оживленно обмениваясь мнениями с продавщицей: оба соревнуются в подборе цветистых и образных определений для безнадежной ситуации на рынке. Однако, если наш герой по профессии журналист, он затем, сидя в своей редакции, сочиняет соответствующую «злободневную заметку», вновь пользуясь официальным и искусственным языком: «Несмотря на дальнейшее улучшение снабжения хлебобулочными изделиями, в отдельных сегментах периодически еще возникает дефицит». После чего он возвращается домой, где за обедом рассказывает родным свежий анекдот о Брежневе. И так далее. Просто каждый из нас одинаково бегло говорит на двух языках: один — это язык лозунгов, используемый во взаимоотношениях с начальством или в других официальных обстоятельствах, второй — разговорный язык: насмешливый,

цветистый и живой, временами пародирующий официальные «речи-встречи», полный условных сокращений и ироничных аллюзий. Этот второй язык — в отличие от первого — необычайно продуктивен и изобретателен; при этом, однако, он недолговечен и изменчив, у него просто более слабые позиции, чем у мощного фасада официального наречия, постоянно дополняемого средствами массовой информации.

Такой же раскол характерен и для той сферы культуры, которую можно назвать фольклором в самом широком понимании. Он тоже — хоть это и звучит странно — бывает в нашей стране «официальным», либо «неофициальным». Фольклор официальный, фольклор с государственной печатью — это народные ансамбли песни и танца, десятилетиями кормящие нас одними и теми же песнями; это народные гуляния в честь той или иной газеты; это — в дни государственных праздников — унылые заседания, демонстрации с транспарантами, улицы, декорированные красным и белым. Неофициальный фольклор — это едкий политический анекдот (где еще можно найти такие превосходные политические анекдоты, как в Польше?), это молниеносно расходящиеся слухи (выполняющие важную функцию в виде неофициального дополнения к спускаемым сверху сообщениям), это диалоги в очередях, это песня под гитару, это пишущие машинки, выстукивающие не подвергшиеся цензуре стихи, это передача из рук в руки иностранных книг и самиздатовских публикаций.

Вместе с этим последним фактом мы вступаем в область уже более «высокой» или более «элитарной» культуры — неважно, как мы ее назовем — в которую программная неофициальность в последнее время проникает все чаще. Однако мы должны осознавать одну принципиальную трудность, которая появляется в этой области. Анекдот или даже песня ничего не теряют от того, что функционируют в неофициальном, а то и подпольном обороте: напротив, это порой увеличивает их популярность и привлекательность. Другое дело — томик стихов, роман, сборник эссе. Книжная форма для них — наиболее естественный способ продлить свое существование и войти в общественный оборот — а ведь в таких странах как Польша попытка издать книгу неизбежно обрекает автора на ту или иную зависимость от официальных представителей культурной политики. Что уж говорить о картине, которая «живет», прежде всего, на выставке, о спектакле, который не может обойтись без театральной аудитории, о фильме, который практически перестает существовать в момент запрета его показа? Для каждого из этих видов искусства

система централизованного управления культурой равнозначна драматической альтернативе: либо включиться — ценой различных уступок — в официальный оборот, либо обречь себя на молчание, одиночество, небытие.

По крайней мере, так кажется на первый взгляд. Однако стихия действительности разрывает изнутри любые, даже самые жесткие альтернативы. Появляются разнообразные «третьи выходы». Особенно много их именно в Польше, где за тридцать три года правления коммунистической партии власти, кажется, ни разу не удалось усмирить оппозиционные общественные настроения. Эта ситуация вынуждала ее время от времени открывать различные клапаны безопасности — в том числе в области культуры. Так, например, очередные смены правящих команд всегда были связаны в Польше с более или менее кратковременными периодами культурной «оттепели», когда в рамках официального оборота могли появиться подлинные и независимые произведения (резкий всплеск подавляемых в сталинские годы спонтанных художественных тенденций особенно обозначился после прихода к власти Гомулки в 1956 году; с похожим взрывом — хотя и в меньших масштабах — мы имели дело после смены Гомулки Гереком в 1970 году). «Третьим выходом» также является существующая в Польше группка католических журналов и издательств, которые, хотя тоже подвержены контролю государственной цензуры, однако пытаются — и небезуспешно — сохранить свою независимость. Периодически появляются еще и другие решения: некоторое время после политического перелома 1970 года оазисом относительной культурной аутентичности были, например, студенческие журналы и театры, что в определенном смысле представляло собой цену, которую власть вынуждена была заплатить за жестокое подавление студенческих протестов в 1968 году.

Такого рода «третьи выходы» играли и по-прежнему играют, действительно, важную роль в деле ослабления тенденций централизации культурной политики. Однако их неизбежный изъян — половинчатость. В борьбе за доступ к нормальному культурному обороту порой приходится в качестве оборонительного оружия использовать уступки и компромиссы. Нужно покорно переносить вмешательство цензуры, договариваться с издателями, самостоятельно избегать слов, мнений и идей, которые «всё равно не пройдут»; кроме того, нужно соглашаться на выступление в не всегда приятном контексте (мне самому случалось публиковать неконформистские, по моему мнению, стихи или эссе в журналах, печатавших на первой странице статьи в честь

годовщины Дзержинского либо оппортунистические идейные декларации). Автор, который отдает себе в этом отчет, и которому постепенно надоедает собственная уступчивая неискренность, рано или поздно начинает искать какие-то другие выходы.

Да, таким выходом является — как и всегда — возможность публикации в эмигрантских издательствах и журналах. Однако, не говоря уже о репрессиях, которые в таком случае неизбежно обрушиваются на отечественного автора, у этого решения есть еще один принципиальный недостаток: печататься за границей — это означает всё-таки оказаться на обочине. Опубликованная в Париже или Лондоне книга может у нас, на родине, пользоваться значительной известностью, ее будут передавать из рук в руки, но прочитают все равно немногие: все еще слишком мало граждан выезжает на Запад, все еще слишком много экземпляров провозимых ими книг попадает на пограничных переходах в руки таможенников. Так что, хотя все больше написанных в Польше книг в последнее время впервые издается за границей, этого по-прежнему недостаточно. И потому нужно было переходить к еще более радикальным решениям.

Нужно было — просто-напросто — создать в стране полностью независимый оборот культурных ценностей.

Осознание этой необходимости пришло в последние несколько лет в результате появления на горизонте двух новых факторов. В первом, собственно, нет ничего нового: в лучшем случае можно сказать, что мы имеем дело с периодически повторяющимся явлением, которое на этот раз все же превзошло меру терпения, как авторов, так и потребителей культурных ценностей. Речь о значительном ужесточении контроля цензуры над творчеством. От подобных периодов усиленного давления в 1949–1955 годах и в конце шестидесятых нынешний период (продолжающийся, по меньшей мере, с 1975 года) отличается даже не столько большей строгостью контроля или шириной его диапазона (он досаждал не только в литературе, театре или кино, но и в изобразительном искусстве, и даже в музыке), сколько полной абсурдностью. Здесь не хватит места, чтобы цитировать многочисленные примеры цензорских решений, свидетельствующих об абсолютном отсутствии каких-либо критериев и, одновременно, безумном страхе перед ознакомлением широкой публики с чем-то, хоть чуточку неподдельным или, скорее: с чем-то, хоть немного отличным от извечного канона все тех же лозунгов и банальностей. Верно

писал в соседней Чехословакии Вацлав Гавел об «эстетике банальности» как единственной, которую способны принять власти в Восточной Европе: беспокойство правителей здесь возбуждает уже не только идеологическая независимость, но независимость какая угодно, подозрительно всё, что выходит за границы официального штампа.

Однако в Польше последних лет данный негативный фактор неожиданно столкнулся с другим — и это столкновение ослабило его триумфальный марш. Этот второй фактор — резко нарастающая оппозиционная активность общества, в том числе кругов, связанных с искусством. Я не буду здесь подробно перечислять причины, приведшие к тому, что вторая половина семидесятых годов протекает в нашей стране под знаком острого кризиса доверия общества к власти. Важно, что все более множатся различные формы общественной деятельности по защите законности и правды, деятельности, в большинстве случаев, абсолютно явной и опирающейся на действующее законодательство.

Итак, всё неподдельное цензура выталкивает в неофициальность. Но в то же время — и это новость последних лет — всё, что неофициально, открыто стремится к публичной доступности и изложению своих аргументов. Почему бы этим шансом не воспользоваться и культуре? Раньше, если официальные факторы задерживали публикацию книги, автор прятал рукопись в стол и молча страдал, либо — что еще хуже — решался на вычеркивания и компромиссные поправки. Сегодня он берет рукопись под мышку и относит к молодым знакомым, которые увлеченно крутят ручку копировального аппарата, сконструированного в домашних условиях из машинки для отжимания белья. Книга будет издана и разойдется среди отечественных читателей: отпечатанная, конечно, не так красиво, как в официальном издательстве, но читаемая тем более жадно, что от неофициальной публикации мы уже автоматически ожидаем неподдельности и правдивости.

Польша 1977 года — это поистине удивительная страна. Позади мертвой глыбы официального фасада, позади всей этой набившей оскомину культуры услужливых журналистов, послушных литераторов, скульпторов, возводящих угодные государству памятники, текстовиков, плодящих «общественно значимые» песни — позади всего этого и в полной оппозиции ко всему этому продолжается лихорадочное движение. Появляются размноженные на копировальных аппаратах журналы и книги. На частных квартирах проходят

литературные встречи. Рождаются песни и сатирические поэмы. Организуются дискуссии, выставки, театральные постановки. И все это без согласия властей и даже без их ведома. Мы уже давно оставили мысль приручить Левиафана. Это, скорее, он, напуганный развитием ситуации, пытается приручить неофициальную культуру, вырвать кого-нибудь из ее круга, подкупить того или иного автора, издав его книгу или оказав другую сомнительную милость. Но уже слишком поздно. Просто появилась новая альтернатива. Вместо «компромисс либо молчание», мы говорим сегодня: «компромисс либо независимость», «компромисс либо неподдельность», «компромисс либо свобода».

И выбираем второе.

Перевод Владимира Окуня

Октябрь 1977

«Пульс» 1978, №2

Станислав Бараньчак (1946–2014), поэт, историк литературы, активист Комитета защиты рабочих. Статья «Фасад и задворки» была опубликована в самиздатовском журнале «Пульс».

1. Ex definitione — по определению (лат.) — Примеч. пер.

Выписки из культурной периодики

В издающемся в Лодзи ежеквартальном литературно-художественном журнале «Артерии» (№ 2/2016, который появился в киосках только в мае текущего года) опубликована прошедшая в редакции дискуссия, озаглавленная «Бунт, протест, контркультура. Иллюзии?». Участвовали Войцех Буршта, Роберт Матера, Мирослав Пенчак и Мацей Шайковский; вел дискуссию Анджей Бялковский. Речь шла о нынешних умонастроениях поляков, в особенности молодого поколения. Отвечая на вопрос о возможности бунта, М. Пенчак констатирует: «Если задуматься над тем, что действительно доминирует в установках поляков, окажется, что уже более двадцати пяти лет в некоммунистической Польше доминирует нечто противоположное — поддержка системы. Некоторые называют это прагматизмом, другие — конформизмом, но на деле не все так просто. В последнее десятилетие ПНР, как мне помнится, редко задавали вопрос о бунте, но он существовал в разного рода художественных и общественных проявлениях. Во всем была черта вольнолюбия». Этому вторит и В. Буршта: «Во времена идущей к концу „коммуны“, в переходный период действительность была столь аномальна, что для молодых людей было в порядке вещей как-то на это реагировать. В экстремальных формах — через музыку, искусство андеграунда».

Ныне тенденции подверглись изменениям, что подчеркивает Пенчак: «Если сравнить поколение родителей с поколением, выросшим в Третьей Речи Посполитой, окажется, что поколение родителей, конечно, более левое, либеральное, а дети, безусловно, более консервативны. Мало того. Чем моложе, тем более консервативны. Во всяком случае, на декларативном уровне. И что интересно: наиболее консервативными в этой группе оказываются самые молодые парни. (...) Не исключено, что мы будем иметь дело с чем-то вроде повтора истории. В принципе, все указывает на то, что, говоря языком старых марксистов, сгущается атмосфера революционной ситуации и в результате окажется, что, например, блокирование каналов социального продвижения, дискомфорт чисто экономической природы вызовут общественный взрыв. Как и при любой революции, пушечным

мясом окажутся молодые люди, и они станут фактическим субъектом такого вероятного взрыва, что будет также носить, конечно, контркультурный характер». При этом, как замечает Буршта, «консервативный фланг сегодня решительно сильнее и шумнее. Пользуется мифологией, которая чрезвычайно сильно воздействует на людей. Такие мифы легко воскрешаются. Но этот бунт основывается на том, что ты либо за, либо против. Здесь нет возможности вести какую-либо дискуссию. (...) Я бы сказал, что это бунт против аргументированной дискуссии. И это представляется мне самым худшим».

Подытоживая обсуждение, Буршта диагностирует: «Мы чертовски консервативное общество, которое все плотнее замыкается в своем консерватизме. Мы не провели никакой вивисекции, не вызволили никакой социальной энергии, не начали дискуссии ни о гражданском обществе, ни о мультикультурализме. Не начали дискуссии о положении и роли Церкви в этой стране». При этом поворот в сторону консерватизма едва ли основан на знании предмета, поскольку «польский политический класс вообще ничего не читает, а в особенности классиков консервативной мысли, имеющей, заметим, прекрасные традиции. Любопытно, что сейчас как раз левые читают консервативных мыслителей, словно открывая консерватизм заново, в чем, в общем, немало разумного. Но не в таком исполнении, с каким мы имеем дело в Польше, если говорить о политическом классе».

Лично я ни в какие бунты и «возможные взрывы», в особенности молодых людей, не сумею поверить: большинство из тех, с кем я непосредственно сталкиваюсь, скорее, далеки от какого-либо интереса к общественно-политическим делам, производят впечатление замкнутых в своих мирах и сосредоточенных на заботе о самих себе. Это не значит, что мои ощущения должны быть истинными. Если вспомнить конец 1979 года, когда казалось, что энергия немногочисленной (хотя по тогдашним меркам в московском блоке довольно широкой) группы оппозиционеров близка к исчерпанию, а ее деятельность утопает в море общественного безразличия, то вспоминается также поразительный, мощный народный подъем спустя лишь несколько месяцев. Мало кто тогда мог допускать, что под поверхностью унылой повседневности кроется столь невероятный заряд негативной энергии. Поэтому не исключаю, что и сегодня может быть что-то подобное.

Например, вполне уверенным в нарождении протеста кажется один из наиболее опытных польских правых политиков Марек Юрек. Об этом он говорит в интервью, опубликованном под заголовком «Новая Весна народов» в приложении к газете «Жечпосполита» — еженедельнике «Плюс-Минус» (№ 24/2017): «Сегодня принципиальным общественным вызовом стало сохранение суверенитета государств и сохранение христианской цивилизации. На Западе понятия «правые» и «левые» все менее отчетливы, поскольку нарождается новая система политических сил. Но названные два вызова требуют существования идейной формации, которая будет защищать наши традиции и свободы. (...) Культура более прочна, чем избирательные стратегии. Исторически европейские правые порождены консервативной мыслью, хотя корни можно искать и более ранние».

Это в порядке введения, укрепленного историко-философскими отсылками. Их нет нужды здесь приводить; интересными же представляются замечания, исходящие из такой перспективы и касающиеся конкретных дел современности: «Европейский союз — очень дефектная общность. Это не общность ценностей, поскольку явно направлена против самых главных для нас ценностей, таких как вера и традиция, независимость государства и национальная традиция, собственно человеческое достоинство, права семьи и право на жизнь для каждого. Власти ЕС этих ценностей не приемлют, а часто идут на их отвержение». Признаюсь, когда читаю такое, у меня складывается впечатление, что я живу в другом пространстве, нежели автор приведенных слов. Но одновременно отдаю себе отчет в том, что большинство ценностей, которые М. Юрек называет, можно по-разному дефинировать, подобно Александру Дугину, доказывающему, что такие понятия, как демократия или свобода в России имеют значение, диаметрально противоположное тому, которое придает им Запад. То же и в случае М. Юрека: речь не столько об иных ценностях, сколько об иной их интерпретации (я, кстати, думаю, что он быстрее нашел бы общий язык с Дугиным, чем с представителями властей ЕС). Говоря же обобщенно, в конфликте между такими ценностями, как свобода и безопасность (чем больше свободы, тем меньше безопасность, и наоборот), консервативная позиция, представленная М. Юреком, состоит в признании безопасности высшей ценностью в общественной жизни.

На вопрос редактора Михала Плоцинского, боится ли консерватизм перемен, М. Юрек отвечает: «Вовсе нет —

напротив, мы противостоям декадансу. Мы верим в принципы, которые приводят развитие в движение. Христианская цивилизация — цивилизация жизни, ее история — это непрерывное развитие, зафиксированное в институтах и в искусстве. Но это требует осознанного усилия, потому что перемена может также означать регресс. (...) Вопрос простой: будут ли у нас вообще шансы развиваться или наша цивилизация погибнет? Мы должны преодолеть демографический кризис и материально укрепить права семьи, проистекающие из неведомой ранее роли косвенных налогов. В ситуации усиления международного сотрудничества мы должны конституционно определить ценности, которые Польша реализует на международной арене. Учитывая, что демократия становится олигархической, мы должны укрепить общественное мнение. Сформировать европейское мнение в пользу права на жизнь и права семьи. И укрепить солидарность Центральной Европы, что является требованием нового равновесия на континенте — равновесия не сил, но сотрудничества. На европейской арене мы должны повторять, что, хотя Европа не является общностью ценностей, она все еще может быть общностью судеб, — а это очень много».

И наконец, предсказание нового перелома: «Поскольку старые правые партии сложили уже оружие, то на защиту нашей цивилизации поднялись сами общества. И как каждый спонтанный рефлекс, эта новая Весна народов может иметь разные следствия, но она уже началась. Проявления ее самые разные: победа Трампа, Брекзит, движение в защиту семьи во Франции, новые правые партии. И все это объединено убежденностью, что мы должны защитить свое будущее, что мы не можем пассивно смотреть на политические, моральные, культурные результаты глобализации. Самый главный общий знаменатель — это признание роли суверенного государства, а также осознание, что международная, корпоративная экономика имеет все меньше общего со свободным предпринимательством и личной собственностью, на чем базируются социальные связи, свобода семьи и политическая свобода. Это также осознание того, что расклад общественных сил в Европе входит в фазу социальной дестабилизации. Ведь ислам в Европе будет укрепляться, а террористические акты — это не инциденты, а часть войны, объявленной западноевропейским народам».

Марек Юрек — представитель группировки, которая, вероятно, не в состоянии сама по себе преодолеть на выборах 3-процентный барьер, однако же для молодых ее программа может показаться привлекательной. Идея сильного

государства, как гаранта прав семьи (а здесь именно семья — фундаментальная ценность), и государства, нацеленного на защиту суверенитета, что по сути означает минимизацию международного сотрудничества, — это идея, в принципе, довольно анахроничная и в сущности противоречащая тем тенденциям развития, которые формируют политические элиты Европейского Союза. Обособление пространства Центральной Европы (или, как формулируется в официальной политике президента Республики Польша Анджея Дуды, «Трехморья»; в начале июля в Польше должно пройти общее совещание лидеров этих стран) в качестве автономного региона в Евросоюзе сближается с концепцией Дугина, который эту зону (от Греции до Финляндии) видит как бесспорную область российского влияния. Не обращать на это внимания столь же наивно, как и неразумно. Впрочем, неразумение от незнания становится все более широким явлением: прогрессирующее невежество политических элит сопрягается с видением только сиюминутной перспективы. И наконец, проблема, касающаяся всей Европы и определяющая ее будущее, — демографическая яма, которая, вопреки надеждам М. Юрека, скорее всего, будет все же углубляться, пусть даже инстинкт продолжения рода трактуется им как главный фактор общественной жизни, предвещающий новую Весну народов. Так и хочется сказать: «Бог в помощь!»

И в завершение нечто более позитивное. Вот в пространным интервью католическому «Тыгоднику повсехному» (№ 25/2017) бывший председатель Конституционного суда проф. Адам Стшембош на вопрос о том, что будет с Польшей, отвечает: «Я всегда был оптимистом и остаюсь им. Проблема в том, что не видно политической партии с новым взглядом на разные вещи, социально чуткой, а одновременно придерживающейся законности. Христианско-демократического толка, но без христианства в названии. Полагающей, что ценности, утверждаемые Евангелием, важны, но вместе с тем не планирующей протолкнуть в нормы права этику в ее католическом издании. „Гражданская платформа“, которая получила свой урок, стала, быть может, и поумнее, однако, если вернется, то все равно окажется „блюдом второй свежести“». Проф. Стшембош во многом прав, но, конечно, та партия, о которой ему мечтается, не вписывается в проект Марека Юрека.

Збиг из Белого дома

В возрасте 89 лет скончался Збигнев Бжезинский, архитектор внешней политики США в 70-х годах XX века, всегда близко к сердцу принимавший проблемы Польши и Центральной Европы. (Фото: East News)

Он родился в 1928 году в Варшаве. Его отец был дипломатом, работавшим в Берлине и Москве; поэтому маленький Збышек смог стать свидетелем и нацизма, и коммунизма. Разразившаяся Вторая мировая война застала семью в Монреале. Из Северной Америки они уже не вернулись, а злобещий пожар этого страшного кровопролития оказал влияние на юношу, во многом сформировав его как личность. «Невероятное насилие, которому подверглась Польша, предопределило мое восприятие мира и позволило мне понять, что львиная доля глобальной политики — это перманентная борьба», — говорил Бжезинский по прошествии многих лет.

Збигнев, которого в Соединенных Штатах называли впоследствии «Збиг», окончил в Монреале университет по специальности «политические науки» и получил престижную

стипендию в Лондоне, но был не в состоянии ею воспользоваться, поскольку оказалось, что она предназначена лишь для британских граждан. Таким вот образом по воле случая начались его приключения в США — ведь докторскую диссертацию Бжезинский защитил не в Лондоне, а в Гарварде (писал о большевистской революции). Молодой научный сотрудник критиковал политику президента Эйзенхауэра в холодной войне, аргументируя, что эскалация конфликта с Советами вредит странам Восточной Европы, еще сильнее связывая их с Москвой. Он рассчитывал на профессорскую должность в Гарвардском университете, но его опередил Генри Киссинджер — будущий соперник Бжезинского как в политике, так и в разных аспектах доктрины международных отношений.

Со времен правления Джона Кеннеди наш соотечественник давал советы президентам от демократической партии и ее кандидатам на важные посты. Когда в 1975 г. малоизвестный губернатор штата Джорджия и владелец фермы по выращиванию арахиса Джимми Картер начал претендовать на Белый дом, сформулировать принципы своей внешней политики он доверил Бжезинскому. И хотя Картер считался аутсайдером, он неожиданно выиграл выборы, а польский иммигрант стал в новом правительстве советником президента по национальной безопасности и архитектором картеровской дипломатии. Это привело к отходу от никсоновско-киссинджеровского *détente*, то есть разрядки, ослабления напряженности. Дело в том, что ранее, в начале 1970-х гг., Вашингтон начал приглушать тональность настроений холодной войны, следствием чего явилось подписание в 1972 г. так называемого: SALT (Strategic Arms Limitation Treaty) — первого из договоров об ограничении стратегических вооружений. Бжезинский предпочитал делать акцент на борьбе за права человека в советском блоке, одновременно не переставая вооружаться. Именно он сумел добиться того, чтобы в Заключительном акте хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе появилась жесткая версия позиции в вопросе о правах человека.

Многие приписывают заслуги в деле демонтажа коммунизма одному только президенту Рейгану. Тем временем за поддержку рождающейся в Польской Народной республике оппозиции боролся именно Бжезинский. В частности, вопреки желанию государственного секретаря США Сайруса Вэнса он в 1978 г. встретился в Варшаве с примасом польской католической церкви кардиналом Стефаном Вышинским. Бжезинского вполне можно назвать покровителем

«Солидарности», которая родилась за несколько месяцев до того, как Картер и Збиг покинули Белый дом.

Завершающий период президентства Картера ознаменовался двумя важными событиями. Первым стало падение шаха Ирана (которому протезировали Соединенные Штаты) и преобразование указанной страны в исламскую теократию. Это сопровождалось масштабным кризисом: работники посольства США в Тегеране оказались заточёнными в своем здании, а неспособность президента Картера решить данную проблему заметно поспособствовала его поражению на следующих выборах. Но еще более важным делом было тогда советское вторжение в Афганистан. Бжезинский начал выстраивать стратегический союз с Саудовской Аравией и Пакистаном, чтобы посредством «войны чужими руками» в предгорьях Гиндукуша ослабить Кремль: Американцы вооружали моджахедов, оказывающих сопротивление Советам. Позднее, после террористических атак 11 сентября 2001 г., Бжезинского критиковали за эту помощь моджахедам, часть из которых принимала потом участие в создании Аль-Каиды.

После падения коммунизма Збиг продолжал заниматься делами того региона, откуда был родом. Например, он считал, что надо защищать Украину и бороться за ее место в Европе. В 1998 г. Бжезинский написал большую статью, в которой сформулировал следующую оценку: Россия без Украины представляет собой скорее периферийную азиатскую псевдодержаву, и раньше или позже она попытается аннексировать свою соседку. Бжезинский возражал против нападения США на Хусейна, диктатора Ирака. В ходе проходивших в 2008 г. предварительных выборов (праймериз) внутри демократической партии он с самого начала высказывался в пользу Барака Обамы.

Бжезинского стоит также помнить не только за поддержку польской оппозиции во времена ПНР, но и как государственного деятеля, благодаря которому США смягчили свой курс по отношению к Латинской Америке, постепенно отказываясь от поддержки правивших там ультраправых режимов. Кроме того, он умело обыгрывал Советы — в частности, благоприютствуя Китаю. Именно он организовал также подписание израильско-египетского соглашения в Кэмп-Дэвиде (2000), когда представитель арабского мира, президент Анвар Садат, впервые пожал руку главе правительства Израиля Менахему Бегину.

Бжезинский всегда сохранял близкий контакт со своей родиной. Известный польский прозаик и композитор Стефан

Киселевский шутил, что во время визитов в ПНР Збиг всегда мог рассчитывать на «особое внимание» со стороны польских органов госбезопасности. А приезжал он часто. Не всегда получал визу, но когда его впускали, Бжезинский неизменно поднимал настроение у активистов оппозиции, говоря им, что кто бы ни пришел в США к власти, Америка всегда выступит в защиту общественных движений, которые сражаются за свободу.

В рассказах самых разных людей, вспоминающих Бжезинского, так или иначе появляется следующий мотив. Говорят, что в 1990 г. он взвешивал возможность стартовать в выборах президента новой Польши. Один из сыновей якобы спросил у него: «Папа, а ты знаешь, сколько стоят в Польше хлеб и молоко?». Big Zbig ответил, что понятия не имеет. И послушался сына, который посоветовал ему оставаться в своей собственной роли — не только эксперта по вопросам мировой политики, но и доброго духа возрождающейся свободной Польши, а также ее патрона на пути в НАТО.

Наш человек в США
С профессором Анджеем Пачковским беседовала Патриция
Букальская

— Польша многим ему обязана, в частности, в период наших стараний по вхождению в НАТО. Можно ли сказать, что он был нашим проводником в процессе интеграции с Западом после падения коммунизма?

— Проводником? Скорее, «толкачом». Бжезинский предпринимал самые разнообразные действия — политические, интеллектуальные и даже пропагандистские, — имеющие целью интеграцию Польши с Западом. Принимая во внимание его место на международной сцене, эти действия в большей степени относились к НАТО, нежели к Европейскому союзу. На территории США, главным образом среди тамошних политических и военных элит, он был — можно сказать — «польским лоббистом». Бжезинский на самом деле вкладывал во все это много усилий, а на протяжении нескольких лет, в период с 1995 по 1999 годы, т.е. незадолго до вступления Польши в НАТО указанная тематика была одной из главных сфер его активности. Необходимо также помнить, что он никогда не переставал заботиться о польском общественном мнении и польских элитах, побуждая их к интеграции.

— А ранее? Насколько важными были связи и влияние Бжезинского в Вашингтоне, если говорить о содействии Соединенных Штатов движению «Солидарность»?

— Бжезинский был, разумеется, американским политиком, но одновременно считал себя поляком. И в польские дела он вовлекался в качестве такого политика, для которого весьма важной — наверно, самой важной — проблемой был Советский Союз, его военная мощь, экспансионизм и доминирование в Центральной Европе. Польша была предметом его интереса уже хотя бы по причине места, занимаемого нашей страной в коммунистическом лагере. Однако то обстоятельство, что Бжезинский был поляком, наверняка усугубляло его заинтересованность «старой родиной» и придавало его деятельности дополнительный — притом сильный — эмоциональный импульс. В 1980 г. действия поляков словно соответствовали его концепции «мягкого» развала советской державы. Занимая в Белом доме высокий пост, Бжезинский самым непосредственным образом поддерживал рождающуюся «Солидарность» или, шире, — перемены в Польше, процесс ее демократизации и ослабления зависимости от Москвы. Надлежит, однако, помнить, что в январе 1981 г. вместе с окончанием президентского срока Картера также для Бжезинского исчерпались возможности деятельности, что называется, «в силу занимаемой должности». Тем не менее, его политическое и интеллектуальное положение было настолько значимым, что косвенно он продолжал оказывать воздействие на политику США и в годы правления Рейгана, которые стали ключевыми для распада коммунистической системы. С его мнением считались все очередные президенты США, независимо от того, к какой партии они принадлежали. Трамп не успел.

— Правда ли, что если бы не он, то в 1980 г. дело могло бы дойти до советской интервенции?

— В декабре 1980 г. Бжезинский употребил все доступные ему средства, чтобы отвести от Польши угрозу советской интервенции и подавления «Солидарности» под прикрытием войск Варшавского пакта, как это планировалось в Москве. Он обращался — причем эффективно — напрямую к папе римскому Иоанну Павлу II, склонил Картера к использованию «горячей линии» с Кремлем и разговору с Брежневым, инспирировал вызывавшие тревогу «утечки» в средства массовой информации. Ранее, еще в августе 1980 г., Бжезинский выступил инициатором письма Картера к лидерам западных стран по проблеме ситуации в Польше. «Наш

человек» стремился послать Советам достоверное предупреждение о том, что любая интервенция на берега Вислы будет встречена быстрым и метким ответным ударом Запада. Дипломатическим, политическим, экономическим, но, конечно, не военным. Нет никаких сомнений, что давление со стороны Запада, а прежде всего США, оказало серьезное — хотя и трудно сказать, насколько решающее — влияние на отказ Москвы от подобных намерений. Бжезинский делал все, что мог. А мог он немало.

Проф. Анджей Пачковский (р. 1938) — историк, специалист по новейшей истории Польши. Во времена ПНР — деятель оппозиции. В 1999–2006 гг. — член коллегии, а затем ученого совета Института национальной памяти. Автор многочисленных книг по истории Польши XX века.

TYGODNIK POWSZECHNY

Заметки о Вацлаве Гавеле

Нет такой силы, которая сломит отвагу

«Президент неожиданно заболел. Это была осень 1996 года. Гавел никогда не вел здорового образа жизни: не ел овощей и фруктов, много курил, совершенно не ходил на прогулки. Алкоголя пил немного. Днем маленькое пиво, на обед или на ужин бокал белого вина... Сидел дома, на работе, в машинах и самолетах, почти не бывал на свежем воздухе», — так начало болезни Вацлава Гавела вспоминал его пресс-атташе Ладислав Шпачек. Гавел всегда чувствовал себя хорошо, казалось, у него нет совершенно никаких проблем со здоровьем.

Однако уже в тюрьме, где он находился как антикоммунистический оппозиционер, дали о себе знать легкие. В книге-интервью с Карелом Гвиждялой, опубликованном в под названием «Пожалуйста, коротко», на вопрос о том, стали ли причиной многократных воспалений легких и болезней дыхательных путей сигареты, Гавел ответил: «Сорок четыре года интенсивного курения, конечно, здоровья не прибавили. Но главная причина моих проблем со здоровьем в другом — в первом недолеченном воспалении легких после перевода из следственного изолятора в Праге в Панкраце в тюрьму в Германице в январе 1980 года, когда разница температур доходила до 40 градусов. Потом у меня еще несколько раз были воспаления легких, конечно, никогда до конца они не вылечивались, а после одного, особенного тяжелого, в 1983 году, меня предпочли отпустить домой, потому что не хотели делать из меня мученика. Курить я перестал по совету врачей в конце 1996 года».

Именно тогда он попал в больницу после резкого вмешательства будущей жены Даши, которая интуитивно почувствовала, что возвращающиеся осенью проблемы с легкими — не обычная болезнь.

Гавел не только умел смотреть на болезнь со стороны, но и с юмором рассказывал о больнице. Когда Карел Гвиждяла спросил его, сколько раз он умирал и сколько раз Даша помогла ему выжить, он сказал: «На этот вопрос только она смогла бы точно ответить, я вспоминаю, например, что однажды — вскоре после первой операции — я задыхался в отделении

интенсивной терапии, потому что сотрудник, который обслуживал кислородный баллон, засиделся в баре за пивом. Даша тогда каким-то чудом зашла в палату и спасла мне жизнь».

Осенью 1996 года, перед самой первой операцией, когда Гавелу ампутировали одно легкое и прооперировали второе, пресс-атташе Шпачек разговаривал с его врачом. В книге «Десять лет с Вацлавом Гавелом» он вспоминает: «Он пригласил меня в свой кабинет, закрыл за собой дверь и с серьезным видом сказал: «Принимая во внимание должность главы государства, вы должны знать, что для пациента с таким диагнозом [рак легких] прогноз — это три-пять лет жизни. А в случае данного конкретного пациента, если учесть, что он всю жизнь курил, не занимался спортом, вел нездоровый образ жизни, следует говорить, скорее, о нижней границе названного срока». Я вышел оттуда в отчаянии, с самыми грустными мыслями». Так что болезнь Вацлава Гавела, видимо, имела другую причину, нежели та, на которую он сам указывал.

Вацлав Гавел умер 18 декабря 2001 года. Ему было 75 лет. Два разных свидетельства о его уходе показывают, каким он был человеком и как по-особенному относился к другим людям. Петр Питхарт — товарищ Гавела по оппозиции, первый некоммунистический премьер Чехии, затем председатель сената — сказал после его смерти, что редко когда так сильно чувствуется, что существует не только тело человека, но и его дух, душа. Это тело, такое усталое, испытывшее тяготы тюрьмы, продолжавшейся всю жизнь внутренней борьбы и непосильного труда на президентском посту, отказалось, наконец, продолжать служить мысли, которая была всегда, до последней минуты, ясной и мудрой. Он умер спокойно, во сне. Так, словно тело хотело сказать: «В этом человеке я не спорило с духом. Я уступаю, чтобы не мешать ему, пусть он живет дальше, свободный от моих ограничений, слабостей и болей. Пусть живет дух Гавела». Второе — это воспоминание монахинь, которые до последних минут заботились о Вацлаве Гавеле. В июне 2011 года архиепископ Пражский Доминик Дука, друг Гавела и его сокамерник в начале 1980-х годов, по рекомендации врачей обратился за помощью к конгрегации Сестер милосердия св. Карло Борromeo. Сестры, которые работали медсестрами в больнице, взяли на себя круглосуточный уход за бывшим президентом. Сначала за ним ухаживала сестра Доминика, доктор медицины, ассистентка

архиепископа Дуки. Затем ее сменили четыре сестры: Евангелиста, Ангелика, Алена и Веритас, потом к ним присоединилась сестра Людмила из конгрегации Сестер третьего ордена св. Франциска. Как писал Иржи Машане в статье «Вацлав Гавел ушел тихо, словно погасла свеча» — «сестры несколько месяцев были при Гавеле днем и ночью». Сестра Веритас так вспоминает это время: «Господин президент был философом, но очень практичным. Он не был идеалистом или мечтателем, как говорили о нем с ехидством те, кто хотел его обидеть, смеясь над его идеалами, которые он репрезентировал и защищал. Насколько я могла заметить, до последних дней жизни он был очень практичным человеком. Интересовался тем, как живут простые люди, сколько стоят лекарства, сколько доплачивает страховка. Я наблюдала, как высокие идеалы, которым он служил, отражались в практической, повседневной жизни».

Гавел в последние месяцы жизни был уже очень слаб, но постоянно поддерживал обычные, повседневные контакты с людьми. Сестры говорят, что он просто радовался, когда вокруг него были люди. «Он совершенно просто принимал любые проявления симпатии, в том числе, и от людей, которых встречал случайно, когда я шла с ним куда-то», — добавляет сестра Веритас. Если кто-то только просил его подписать книгу, Гавел останавливался, чтобы поговорить и выслушать этого человека, хотя был уже очень болен. Это не было для него формальностью, он очень радовался таким моментам. Когда кто-нибудь говорил ему: «Вы должны поправиться, господин президент, мы ждем этого», то он отвечал: «Спасибо, спасибо, я это учту». Он был не из тех, кто показывает другим, что он выше других потому, что был известным или был президентом. Он не считал, что за это все обязаны его уважать и почитать. Ухаживавшие за ним сестры считают, что Гавел ежедневно обращался к Богу уже своим отношением к другим людям. О Боге он не говорил лишнего, не использовал пустых фраз, но относился к Нему серьезно.

Сестре Веритас во время смертельной болезни Гавела больше всего в нем запомнилась отвага: «Он не пытался ничего избежать. Не боялся трудных вопросов, разговоров, не боялся говорить о смерти, умирании. Отважно смотрел на проблему ухудшающегося здоровья, как говорит Библия — лицом к лицу, не боялся конкретно говорить о перспективе смерти, с нами или с врачом, который им занимался». Каждый день Гавел медитировал и проводил какое-то время в одиночестве. Тогда он ни с кем не разговаривал, зато читал и наблюдал природу.

За месяц до его смерти была сделана длинная запись телепрограммы с участием Гавела и архиепископа Дуки. И хотя они разговаривали также и о времени, проведенном ими в тюрьме, и о многих других проблемах, Гавелу не изменяло чувство юмора. Об этом говорит и сестра Веритас: «Господин президент очень любил цветы и горящие свечи во время еды. Как-то раз я спросила его, почему он так любит горящие свечи. Он ответил с улыбкой: «Чтобы привыкать».

Иногда он спрашивал сестер, есть ли у них время молиться и читать Библию. Беспокоился, не слишком ли много им достается с ним хлопот в его деревенском доме в Градечеке, где он провел последнюю часть жизни. Сестры были с Гавелом и тогда, когда он появлялся на публике в последние месяцы жизни. Этим он хотел показать важность их места в общественной жизни. Он говорил, что не нуждается в специальном уходе в санатории, что ему достаточно того, что за ним ухаживают дома. Когда наступила финальная стадия заболевания, Гавел договорился с врачом, что хочет умереть не в больнице, а дома. А домом был для него Градечек — место, где он нашел приют во времена коммунизма.

Одним из последних публичных выступлений Гавела была встреча с Далай-ламой, которого он знал много лет и к которому относился, как к другу. На фотографиях с этой готовившейся несколько месяцев встречи видно, что Гавел был уже очень слаб. Но он радовался, что может встретиться с друзьями в Праге. Необычайно важной для Гавела была также упомянутая беседа на телевидении с архиепископом Домиником Дукой. В разговорах с сестрами он многократно к ней возвращался, радовался, что передача была записана. Дука, с которым он познакомился в тюрьме, был его многолетним другом. Гавел знал, что всегда может на него рассчитывать, особенно тогда, когда годами — и притом до последних дней — он подвергался атакам с разных сторон. Он подчеркивал, что архиепископ Дука — это тот человек, который никогда не будет его осуждать. Как писал Иржи Машане, когда сестру Веритас спросили, почувствовал ли Вацлав Гавел приближение смерти, она ответила: «Нет, господин президент не был умирающим. В последнюю ночь у него не было агонии. Мы много разговаривали, потому что он не мог заснуть. Вечером он говорил с госпожой Дагмарой, они вместе планировали рождество в Градечеке. Утром мы тоже беседовали, он был в хорошем настроении. Он говорил осознанно и был в лучшей

форме, чем накануне. Потом я позвонила, как каждый день, личному врачу, чтобы сообщить о состоянии пациента — это был такой удаленный визит. Врач немного корректировал прием медикаментов. Господин президент сказал мне тогда, что он хотел бы еще немного поспать, и чтобы я пришла через час. Когда я пришла в половине десятого, то заметила, что его дыхание становится поверхностным. Как медсестра я поняла, что приближается смерть. Он умер во сне. Это произвело на меня сильное впечатление: так, словно погасла свеча. Он просто тихо ушел, безо всякой тревоги. Той ночью и вечером он был очень спокоен, давно он таким не был. Именно так он хотел умирать, то есть, не долго, и ему была ниспослана легкая смерть. Как-то он сказал: «Я понимаю Иржи Волькера, который говаривал — не смерть плоха, а умирание». Он хотел до самого конца сохранить возможность писать и делать все как обычно». Символически звучит имя сестры, которая была с Вацлавом Гавелом в минуты смерти — Веритас. Жизненным кредо Гавела были слова: «Правда и любовь побеждают ложь и ненависть». Он часто переживал, что попираются идеалы правды и любви, в которые он не боялся верить. Он очень уважал молодежь, потому что верил, что именно они передадут «правду и любовь» новым поколениям. Тысячи молодых людей, которые пришли на его похороны, потрясли чехов. Такой массовый отклик вызвал уход человека, который указал путь своему народу и сам его прошел. С полным осознанием того, что «нелегко быть пророком в своем отечестве».

Многие рассказывали о Вацлаве Гавеле. Но, я думаю, лучшим завершающим словом будут слова его друга по заключению архиепископа Доминика Дуки, который отпевал Гавела в соборе в Градчанах. Когда мы разговаривали о Гавеле, Дука сказал: «Некрупный человек — но муж непреклонного духа. Я думаю, его посланием для нашего общества было то, что нет такой силы, которая сломила бы отвагу того, кто в своей жизни печется о правде. Нет такой силы, которая сломила бы того, кто не поддается ненависти и зависти, кто знает, что настоящая дружба и любовь в любой ситуации позволяют сохранить лицо. Это главное, что Вацлав Гавел оставил после себя. И это поняли молодые люди, которые так переживали в ту поминальную неделю после его смерти».

Так что же? Остается надежда и вера, что правильная жизнь, ее идеалы останутся в тех, кто придет следом. Гавел жив в нас. Не только в памяти и воспоминаниях. Он среди нас. Как говорил Петр Питхарт, «Пусть живет дух Гавела».

Он был человеком с типичным чешским юмором, всегда умел взглянуть на себя со стороны. Когда его уговаривали есть больше фруктов, предлагая апельсин, он отвечал: «Я только залью себе бороду и рубашку». Друзья не сдавались и предлагали бананы — «Это которые со вкусом сырой картошки?». Напоминали о прогулках, которые прописывали доктор — «Прогулка? Вы имеете в виду, что мне надо выйти из пункта А и через полчаса снова вернуться в пункт А? Уж лучше я останусь дома». Иван Медек, начальник канцелярии президента и его друг, предложил как-то раз обманный ход. Они вышли из Замка (пункт А) и, гуляя по садам, направились к Летенским дворцам (пункт В). Там они заказали по маленькому пиву и вернулись к Замку (пункт А). Поскольку в такой прогулке президент увидел какой-то смысл, его удалось уговорить повторить ее еще несколько раз...

Уход в лучший мир

Чтобы понять, кем был Вацлав Гавел, нужно посмотреть последнюю сцену единственного фильма, который он сам снял на основе собственной театральной пьесы.

«Уходы» вышли в прокат в марте 2011 года. В почти пустом кинотеатре «Люцерна» в Праге (важное место для семьи Гавелов) я смеялся вместе со всеми. Действие происходило на террасе виллы. В самом конце фильма камера вдруг оборачивается и показывает садовый прудик. Из воды высовывается голова Вацлава Гавела, который произносит одно предложение, парафразируя свою политическую максиму: «Спасибо, что выключили свои мобильные телефоны, правда и любовь победят ложь и ненависть, а теперь можете снова включить свои телефоны». После этого режиссер-президент снова скрывается под водой. Театр абсурда, в стиле которого Гавел писал пьесы, достигает здесь своего апогея, а правда и любовь — его политическое кредо — упомянуты еще раз.

Театр абсурда сопровождал Вацлава Гавела с самого начала его президентского поста, когда 29 декабря 1989 года коммунистический парламент Чехословацкой социалистической республики единогласно избрал его президентом. Человека, который еще в мае того же года сидел в тюрьме за оппозиционную деятельность.

Я был тогда в Праге и хорошо помню атмосферу того декабря. Рождественскую мессу в нашем доминиканском костеле Святого Эгидия служил тогдашний провинциальный приор Доминик Дука — спустя 15 лет он впервые мог официально стоять у алтаря. На этой мессе был и Вацлав Гавел, тогда еще диссидент и руководитель Гражданского форума.

В день президентских выборов ранним утром мы с отцом Домиником въезжали в Прагу со стороны Пльзеня, через Юрасков мост. Перед нами на Влтаве стоял дом, в котором жил Гавел. А около него — фургон службы безопасности, которая следила за ним днем и ночью. Кто-то из нас сказал тогда: ну да, и завтра не уедут, только теперь уже будут следить за президентом.

Что это? Театр абсурда или карикатура революционных перемен? В тот же день — торжественное благословение Святыми Дарами в соборе св. Вита на Градчанах, где необычайно взволнованный старенький кардинал Томашек поднимал дароносицу под пение «Te Deum».

Отпевание Вацлава Гавела в соборе на Градчанах совершал его друг, примас Чехии архиепископ Доминик Дука, которого недавно назначили кардиналом. Они познакомились 30 лет назад в тюрьме в Пльзене на Борах. А дружба, начавшаяся в тюрьме, не проходит. 11 ноября, за месяц до смерти Гавела, чешское телевидение записало их длинный разговор о тех временах. И о вопросах духовного взаимопроникновения миров.

Гавела интересовал человек. В тоталитарной системе, в которой он жил в Чехословакии, пространство свободы ограничивалось камерными домашними встречами. Оно благоприятствовало установлению близких отношений между людьми. Гавел был, прежде всего, писателем, драматургом, которого события бархатной революции «вписали» на роль президента.

Каким был Вацлав Гавел? Я отвечу словами речи, произнесенной им уже в статусе президента в 2003 году в Берлине: «То, к чему я стремился, — это не цель, которой в какой-то момент можно достичь и вычеркнуть ее из списка дел. Это, скорее, идеал, к которому мы все время стараемся приблизиться. Мы то ближе, то дальше, но полностью никогда его не достигнем. Наш идеал — как горизонт: указывает нам

направление, но по своей природе неуловим. Только утопический идеалист может думать, что существует какой-то идеальный образ мира, который в один прекрасный день удастся полностью воплотить в жизнь, и тогда все цели будут достигнуты, наступит рай на земле и придет конец проблеме под названием история».

Для Гавела таким горизонтом были духовные и моральные ценности. В жизни он руководствовался обыкновенной человеческой порядочностью, честным желанием отказаться от части своих интересов в пользу интересов общих и уважением к моральному порядку и его основным императивам. Уважал граждан и их право на свободу объединяться в любые структуры гражданского общества. Он был против любых проявлений фанатизма, догматизма, идеологии или фундаментализма. Искренность противопоставлял культуре интриг, обманов, хитрости и закулисных игр.

Для него характерна была нелюбовь к рекламе и потреблению. Он выдвигал культуру творчества против культуры выгоды. Не терпел провинциальности, изоляционизма и тупого национализма. Был настроен скептически по отношению к технократическому управлению государством, направленному на количественные, а не качественные задачи. Подчеркивал, что «Нужна политика, которая на практике будет осознавать свою ответственность за мир, а не будет только обычной техникой власти».

Этот идеал гражданского общества — одно из главных посланий Вацлава Гавела. Послание по-прежнему актуальное.

Когда я бываю в Праге и у меня есть время, я всегда хожу в пассаж «Люцерна». Он находится посреди Вацлавской площади. Это особняк в стиле модерн, который построил в начале XX века дед Вацлава Гавела — тоже Вацлав Гавел. Там есть огромный зал, кинотеатр и множество магазинов, а также современная скульптура Давида Черного. Того самого, который создал памятник Голему в Познани. В Люцерне памятник св. Вацлава представляет покровителя Чехии, короля и мученика, сидящим на животе коня, который свисает головой вниз. То есть, сидящим на перевернутом коне. Абсурд, карикатура, высмеивание самых святых национальных основ. А может, дистанция по отношению к пафосу и мещанским ценностям?

Вацлав Гавел был из старинной буржуазной пражской семьи, которой принадлежали, в том числе, киностудия Баррандов и упомянутый пассаж Люцерна, сеть ресторанов и концертных залов. Поэтому во времена коммунизма он был классическим «врагом трудового народа». Ему не дали получить образование. Он немного учился в техническом университете, в театральные его не взяли. Ребенком сразу после Второй мировой войны он еще ходил в элитную школу в городе Подебрады вместе с Милошем Форманом и Ежи Сколимовским (!). В начале 60-х годов был рабочим в театре. Начиная писать и становился все более известным. Пьесы — «Праздник в саду», «Уведомление», «Трудно сосредоточиться», «Заговорщики», «Опера нищих», «Аудиенция», «Вернисаж», «Протест», «Largo desolato» и многие другие ставились во всем мире.

После поражения Пражской весны 1968 года и во времена так называемой нормализации его тексты перестают публиковать, а театры в Чехословакии исключают его пьесы из репертуара. Он начинает подписывать различные петиции в защиту преследуемых, его творчество уходит в подполье. В 1977 году создается оппозиционная группа Хартия 77. Гавел становится одним из ее основателей. Попадает в тюрьму. Проводит в ней в совокупности пять лет. Начиная писать политические тексты, эссе, всегда носящие моральный, духовный характер. Его «Сила бессильных» стала программным текстом ненасильственной борьбы для всех диссидентов Центральной и Восточной Европы. Он получает международные премии и награды, ему присваивают звание почетного члена Пен-клуба Швеции и неординарного члена французского Пен-клуба. Его принимают в Гамбургскую академию художеств, вручают французскую премию «Prix plaisir du théâtre», Премию Яна Палаха в 1981 году, заочно присваивают звание почетного доктора Университета Йорка в Торонто, Университета Тулузы и престижную премию Эразма Роттердамского. В ноябре 1989 года во время бархатной революции он становится членом Гражданского форума и принимает участие во всех переговорах оппозиции с коммунистической властью. Гражданский форум выдвигает его кандидатуру на пост президента Чехословакии. Он становится им в 1992 году. В 1993 году его избирают президентом Чешской Республики, и на этой должности он остается до 2003 года.

О президентуре он напишет позднее в своей замечательной книге «Пожалуйста, коротко»: «Я рад, что эта моя странная книга попадет также и в руки польского читателя, и надеюсь, что он найдет в ней что-то интересное для себя. Я не мог и не хотел писать подробных воспоминаний, но чувствовал, что

после всего того, что пережил, должен передать людям какую-то информацию. Поэтому я решился на такой явный коллаж. Я написал эту книгу быстро и во время работы не думал целенаправленно о каком-то конкретном читателе. Поэтому в ней, наверное, есть немало фрагментов, которые будут неинтересны некоторым моим согражданам, но есть и такие, которые, в свою очередь, не заинтересуют большинство зарубежных читателей и которые, возможно, даже будут для них не совсем понятны. (...) Многие из этих событий стали достоянием истории. Несмотря на это я не вычеркиваю упоминаний о них, потому что хотел бы обозначить, что был не только участником нормальной смены власти, но и одним из тех, кому пришлось практически из ничего строить демократическое государство».

Будучи президентом, Вацлав Гавел сам писал все свои речи. И те, которые произносил дома, и те, что за границей. Поэтому сегодня собранные вместе они представляют собой отдельный литературный том. Его голос после смерти кажется еще более четким. Вот фрагмент из дневника (22 октября 2000 г.) с заметками для сотрудников: «Я написал новый вариант выступления к 28 октября (национальный праздник). Прошу оценить. Но могу принять только небольшие и, скорее, технические замечания, которые, кроме того, должны поступить еще в понедельник после обеда. К сожалению, я не включил туда разные соображения Политического департамента, но это было невозможно. Я стараюсь писать речи как какую-то поэзию; у них должна быть своя композиция, начало и конец, своя мелодия, заряд и гипербола. По-другому я не умею. Предложенные формулировки были, конечно, с точки зрения политики более точными, может быть, и более подходящими, но как-то не удалось их встроить. Пожалуйста, отнеситесь к этому как к факту и постарайтесь оценить это выступление в рамках его специфического жанра, находя возможные фактические, языковые, стилистические и т.п. ошибки».

Это правда, что как к президенту к нему прислушивались скорее за границей, чем дома. Может быть, поэтому также он стал, как написал кто-то, самым узнаваемым чехом в мире. А был он человеком скромным, тихим и деликатным. Можно было подумать, что даже несмелым. Но бывал душой компании. Всегда оживлялся в кругу друзей. Принципы, которых он придерживался, он умел последовательно и твердо

демонстрировать окружающим. Это особенно тяжело пережили коммунисты, которые и после смерти не сумели выразить соболезнований о его уходе. Они остались равнодушными, хорошо зная, что именно он отправил их формацию на помойку истории.

Гавел был другом Польши и поляков с давних пор. Он знал нашу страну и нашу историю как мало кто из иностранцев. У самого у него было много верных друзей и читателей в Польше. Так он писал о них в своем дневнике на Хельской косе 27 августа 2005 года: «Итак, мы на Балтике. Я писал довольно минимально. Отчасти, наверное, из-за какой-то отпускной деморализации, но, однако, прежде всего — из-за рассеивающих внимание развлечений, идущих от замечательного польского гостеприимства, красот этого особенного уголка мира и достоинств этого центра. Погода прекрасная, так что устоять невозможно — загорать, купаться в бассейне, смотреть на море и радоваться маленьким приемам, которые тут то и дело устраивают в нашу честь. Вечерами, в основном, смотрю телевизор... Чудесный конец лета, который в среду будет увенчан кульминацией в виде нашего участия в 25-летнем юбилее создания Солидарности в Гданьске, вновь погрузил меня в польскую атмосферу, которая меня всегда так увлекала, и которая так отличается от нашей. (Впрочем, моя первая в жизни зарубежная поездка в 1957 году случайно привела меня почти в это же место: в рамках какого-то студенческого обмена мы с Ольгой несколько дней провели на море недалеко от Сопота. В Польше тогда была «оттепель» после драматического октября 1956 года, так что мы поглощали массу критических и независимых текстов, которые здесь не могли быть опубликованы, вокруг отовсюду гремел рок-н-ролл, что у нас, конечно, было невозможно, а как-то раз мы даже слышали, как весь зал пел песню об потерянном Львове). Когда я каждый день смотрю здесь по телевизору разные документальные и игровые фильмы о создании «Солидарности» (в том числе, знаменитый фильм Вайды «Человек из железа»), разные концерты и всякие высказывания, то постоянно убеждаюсь в том, насколько поляки ценят свою историю, как отождествляют себя с разными освободительными восстаниями, как умеют уважать своих жертв. Здесь в гданьском регионе Валенса — почти что святой, его именем назван даже местный аэропорт, и уж вполне святой здесь, конечно, Иоанн Павел II... Польша

находится в иной ситуации, чем Чешская Республика, по крайней мере, по трем причинам. Она гораздо больше; ба, можно сказать, что это какая-то региональная держава, которая имеет очень важное, геополитически чувствительное положение между Германией и Россией. Одни, которые во время сложной истории делили эту страну, от чего у них совесть нечиста, стараются сейчас как-то подлизаться; другие, напротив, если бы только могли, снова охотно взяли бы себе кусочек.

Поэтому поляки гораздо лучше чехов понимают, насколько важна гарантия, что призраки прошлого не вернутся, — членство в НАТО и Евросоюзе. Во-вторых, существование нации здесь веками было связано с существованием национальной элиты (не случайно Сталин пытался ее истребить) и с присутствием католической церкви — которая никогда не сотрудничала с чужой властью — опирающейся на глубокую польскую религиозность. А в-третьих, кажется, очень важно, что Польша сохранила свою шляхту, которая была патриотична и которую никто не уничтожил, как у нас... Вообще, мне кажется, что у поляков другое, гораздо более эмоциональное отношение к своей государственности, чем у нас. Но и мало какой народ за свою свободу и независимость заплатил столькими жертвами. Здесь просто каждый знает, что за свободу надо иногда заплатить очень высокую цену. О чехах нельзя этого сказать — у нас идеал — это способность получить какие-то дары по возможности без боя, без труда и бесплатно. Кроме того, уважение к своей героической истории и своим жертвам внушает полякам какой-то невероятный строительный и реставраторский энтузиазм: ведь не только варшавский Старый город, весь Гданьск, значительная часть Лодзи или других совершенно уничтоженных бомбардировками городов были восстановлены с нуля, а прежде всего, главные из восстановленных исторических центров — это точные копии предшествующей застройки. У нас многие бы морщились, а в Польше считают, что так было надо, и они правы; через сто лет не будет иметь значения, построен ли этот гданьский особнячок на два столетия раньше или позже. Ведь мы тоже со временем перестаем отличать готику от неоготики. С нацией здесь также естественным образом отождествляется «Солидарность», так что прекрасно, что на них будет смотреть вся Польша. День обещает быть утомительным, потому что я в Польше пользуюсь значительным уважением, что в данной ситуации, скорее, все осложняет. Но увидим».

Эта длинная цитата нужна для того, чтобы понять слова, которые когда-то кто-то произнес мимоходом: «Гавел — на Вавель». О, если бы какой-нибудь из наших президентов, один, второй, третий или четвертый, так же хорошо понимал бы кого-нибудь из наших соседей, то где бы мы были сегодня. И как нация, и как общество. И если бы мы могли у Гавела научиться той критике собственного народа, спокойной, мудрой и выраженной с дистанцией по отношению к себе. Так что еще раз: «Гавел — на Вавель».

Гавел был и любителем жизни. Такой обыкновенной. В которой дружеский круг, интеллектуальное общество, но также и застолье играли не последнюю роль. Об американцах он писал: «Они едят невообразимо толстые булки, в которые впихнуто все, что можно, включая салат. Чтобы это есть, нужно, наверное, иметь особый талант... Эти булки они запивают в лучшем случае водой, в худшем — кока-колой или молоком, к тому же из бутылки, банки или стаканчика из искусственного материала. Думаю, что я не алкоголик, но как можно не запить еду пивом или вином — это у меня в голове не уместается. Кроме того, вода с едой напоминает мне о моих тюремных годах».

И еще одна американская картинка под конец — пусть это будет пуант, показывающий чувствительность этого чешского писателя, драматурга и интеллектуала, которому выпала на долю роль президента в драме современного мира: «Вчера я смотрел по телевизору похороны папы римского. Это была необычайная и трогательная церемония. Я знал папу, и даже осмелюсь сказать, что мы были друзьями, и наверное, поэтому я был не в состоянии горевать из-за его смерти. Потому что я прямо физически чувствовал, что он в великом душевном покое отходит туда, куда — как он знал — всегда стремился: в другой (лучший) мир. Америка, однако, — страна особенная. Она очень набожна, а в то же время может легко смириться с тем, что прямая трансляция похорон папы римского прерывается рекламой, причем очень часто такой, которую он всю свою жизнь критиковал. Я смотрел это с большим трудом, пока, наконец, не решился выключить телевизор» (Вашингтон, 9 апреля 2005 года).

Перевод Анастасии Векшиной

Из книги «Duchowe wędrowanie». Zysk. Poznań 2015.

Профессор — это не оскорбление

Азбука Бронислава Геремека

Бронислав Геремек (фото: East News)

Время

Дата обладает самостоятельным смыслом, выходящим за рамки хронологии, поскольку определяет качество дня. Описываемое событие приобретает значимый контекст; сообщая, что битва имела место в день св. Лаврентия, мы вписываем в повествование о светском времени измерение времени сакрального, открываем в действиях людей позитивное или негативное влияние святого покровителя данного дня. В семантическом поле даты светское сплетается со сакральным, а церковные обряды — заупокойные службы, памятные записки и пр. — укрепляют эту связь. [25]

Библейское время — не просто время прошлое, законченное; оно соприкасается с абсолютным и одновременно постоянно актуализуется. Актуализация является неотъемлемой чертой сакрального времени: в годовом цикле христианская литургия обновляет этапы жизни Иисуса, а религиозное воспитание призвано заставить верующих сопереживать им. Это ведет к стиранию в коллективном сознании ощущения временной дистанции. Давид и Голиаф, палачи Христа и оплакивающие Его смерть женщины словно бы существуют в общем измерении и вписаны в настоящее. [25]

Номинация времени, создание номенклатуры времени, с одной стороны — и разнообразные магические приемы, в том числе отсылающие к народной христианской религиозности, с другой, отражали (...) активную позицию. Человек той эпохи существовал прежде всего в рамках времени вегетации, природы, подчинялся его неспешному ритму, в едином потоке объединяющему труд, развлечения и обряды. Течение времени знаменует цикличность природных явлений, а человеческая жизнь служит естественной, более практичной и понятной мерой, нежели какая бы то ни было традиционная система. Сам человек, впрочем, неотделим от ритма природы, о чем выразительно свидетельствует метафорика средневековых авторов, охотно обращавшихся к примерам из области фауны и флоры. [2]

Этос

На пороге нашего века в польской социалистической мысли прозвучал голос, который позднее оказался заглушен, однако на закате столетия все еще слышен. Я имею в виду тревогу Эдварда Абрамовского, видевшего в идеологии «государственного социализма» препятствие для эволюции массовой нравственности, поскольку воплощение этой идеологии в жизнь ведет к этатизму, всевластию бюрократии и полиции. Абрамовский говорил, что эта тенденция таит в себе опасность нравственного порабощения человеческой индивидуальности. [5]

Я принадлежу к военному поколению. После окончания войны мы жили ощущением морального долга, характерного для польской интеллигенции, чья потребность участия в общественной жизни служила одним из важнейших показателей исторического характера этого социального слоя. Потребность действовать на благо государства, а не какое-либо другое — частное или свое собственное. [13]

В демократических обществах по всему миру можно заметить ослабление своего рода политической морали — той, которая не позволяет прибегать к низкой демагогии, отсылающей к низким инстинктам; в самом деле — теряют силу моральные принципы, противостоящие тому, что в конце прошлого и на пороге нашего столетия именовалось психологией толпы. Сегодня талантливые демагоги прибегают к старым и опасным лозунгам, не испытывая ни угрызений совести, ни какого-либо внутреннего сопротивления. Подчеркиваю, что явление это массовое. Однако я знаю, что прежде всего и в первую очередь оно касается посткоммунистической Европы. [23]

В публичной жизни нужно уметь защищать фундаментальные ценности, быть приверженцем собственной точки зрения, но также понимать — и принимать — чужую позицию. Нужно обладать способностью к примирению и созданию честного компромисса. [4]

Парадокс иронического и горького предложения Лешека Колаковского (мое поколение навсегда останется в долгу перед его рефлексией) — предоставить консервативно — либерально — социалистической программе право присутствия — лишь видимость. Это призыв к применению к политике системы фундаментальных ценностей. Любой пересказ лишь исказит суть слов Колаковского, но, пожалуй, можно сказать так: хаотичный, шаткий и несчастливый (я имею в виду отсутствие счастья, а не его противоположность) конец XX века нуждается в уважении к наследию прошлого, в апологии человеческого достоинства и свободы людей, групп, народов, в справедливости, которая включает в себя равенство шансов, преодоление эгоизма личностей и классов, человеческую солидарность. [5]

Трубка

Трубку нужно сперва полюбить, а затем к ней привыкнуть. Период привыкания продолжается довольно долго. Я знаю многих любителей трубки, которые не сумели пройти испытательный срок и разлюбили ее. Мое привыкание к курению трубки — дела давно минувших дней. [7]

Я не могу воспринимать трубку как украшение. Я ношу галстук, потому что так полагается, потому что другие носят, но он является чем-то совершенно внешним. Трубка же — часть меня. Мое отношение к ней — очень личное. Едва ли не чувственное. Каждая трубка имеет душу, каждая с течением

времени меняется. Я не веду дневник. Но порой беру трубки, которые курил когда-то очень давно — и вместе с ними возвращаются воспоминания: о местах, ситуациях, людях. [7]

Трубка может стать важным элементом релаксации, размышления, может также служить уловкой, но для меня она — нечто иное. (...) Следует подчиниться ритму трубки, который является противоположностью повседневной суеты (особенно в случае человека, занимающегося политикой). Но правда и то, что трубка — своего рода защитный панцирь, что политику может пригодиться. [22]

Трубка ассоциируется с определенным образом жизни, поскольку требует определенного поведения. Когда я спрашивал своих друзей, некогда куривших трубку, а затем бросивших это занятие, почему так произошло, они отвечали, что не сумели подчиниться ритму трубки. Повседневная суета, особенно если ты политик, не позволяет отдаться покою, которого требует курение трубки. [7]

Трубка — важнейший спутник морехода, которому, однако, известно, что если на море шторм, следует спрятать трубку в карман, следить за ветром и ждать лучших времен. [22]

Не думаю, что существует какая-либо связь между трубкой и демократией. А вот между трубкой и политической культурой — безусловно. Трубка (...) даже беспокойного человека внутренне дисциплинирует, дает импульс к рефлексии во время беседы. [7]

История

Закончив лицей, я был чувствителен к словам и не слишком внимателен к вещам. В сущности, я обратился к истории, поскольку она казалась мне увлекательным интеллектуальным приключением. Поначалу я не очень хорошо представлял, чему себя посвятить. Даже записался на врачебный факультет — и пробыл студентом — медиком, кажется, около недели; достаточно долго, чтобы понять, что не выдержу. Сын — врач — частенько мне это припоминает. Я понял, что мне необходимо пространство, обеспечивающее определенную свободу мысли. Область знаний сама по себе имела второстепенное значение. Я подумывал об экономике. Отправился в варшавскую Главную школу планирования и статистики, прослушал несколько лекций — и все это показалось мне чудовищно скучным. Я попытал счастья с

социологией, но подумал, что она чересчур теоретизирована и недостаточно свободна. И вот, наконец, история. «История, — сказал я себе, — это современный мир, мир, который меня окружает. Чтобы попытаться что-то в нем понять — человека, страну, социальную группу — я должен немного отступить в прошлое. И наблюдать, стараться понять происходящее вокруг». Решение было принято. [23]

В момент выбора специальности я испытывал очень много искушений. Я видел перед собой множество путей. История привлекала меня не просто обаянием прошлого, хотя я был страстным любителем исторических романов, поклонником наполеоновской эпопеи и, наконец, — читателем исторических трудов. История виделась мне дисциплиной, позволяющей лучше понимать людей, сообщества, социальные процессы. Словом, к истории меня привела не страсть антиквара, не любовь к прошлому, но прежде всего притягательность связанного с ней интеллектуального приключения. [15]

Польша не исчерпывается своим национальным предназначением — точно так же и история выходит за национальные рамки. Ее нельзя свести к изучению национального сообщества или ограничить ее задачи сохранением и пробуждением национальной памяти. Согласно своей миссии, история полагает национальные структуры одним из многих предметов своего интереса, она сопоставляет, стараясь не ограничиваться одним народом. [11]

Игнорирование истории на руку популистам, которые могут использовать ее с целью распространения ненависти и распрей. Хотим мы этого или нет — современность укоренена в европейском прошлом. Нельзя допустить, чтобы различия в историческом сознании встали между европейским Востоком и Западом, нельзя допустить разделения памяти. Единственный способ изменить эту ситуацию — совместное изучение разных, порой даже противоречащих друг другу сюжетов. ГУЛАГ должен быть так же узнаваем, как нацистские лагеря смерти, преступления Третьего рейха не должны заслонять преступления Советского Союза. Нужно, чтобы в повествовании о созидании европейского единства рядом с Жаном Монне или Альтиерио Спинелли нашлось место для Леха Валенсы и Вацлава Гавела. [6]

Историк, в сущности, всегда имеет дело с различиями и сходствами. Мне представляется, что интерес к истории связан скорее с поиском сходства между прошлым и настоящим, нежели с выискиванием различий. Когда мы пытаемся понять

причины интереса к истории, оказывается, что прежде всего — это желание извлечь урок из знания прошлого. [23]

Что касается пробабилистики, следует иметь сценарий и на тот случай, если разум проиграет истории. Но и тогда мы рассматриваем европейский и только европейский сценарий. В этом сценарии я также вижу шанс полной реализации интересов Европы и Польши. [3]

Историк

В выборе, совершаемом историком, есть определенная доля случайности, которую он позже подвергает рационализации. Нельзя быть уверенным, что знаешь, почему избрал данную область, тему или проблему. Нет. Просто всплыли документы или проблема; кроме того, характерные для нашей профессии технические приемы очень часто определяют ход анализа и его результат. [23]

Я думал, что стану заниматься историей XX века, но спустя несколько месяцев понял: то, чего я ищу в истории, может отыскаться лишь в областях, отделенных от сегодняшнего дня временной дистанцией. Поэтому я обратился к истории Средневековья. Думая о своем выборе сегодня, я понимаю, что выбрал не только профессию, но и любовь, если не страсть. [15]

(...) я стараюсь привнести в политику что-то из истории. Задаюсь вопросом о причинах и следствиях. Не рассматриваю политику в парадигме цикла избирательной кампании. Я думаю о ней с позиции будущего наблюдателя, историка, который знает, как и что бывало в истории. Верю, что в политике следует руководствоваться определенными этическими принципами, нравственными императивами и лояльностью. Отсутствие лояльности означает отсутствие пространства для понимания, компромисса и договора. [22]

Историк, занимающийся прошлым, чувствует некоторый свой анахронизм в отношениях с сегодняшним днем, сомневается в пригодности своих знаний для понимания современности. Он рассказывает правду о том, что уже случилось и размышляет о человеке. Быть может, историк имеет право полагать, что, наблюдая людей прошлых эпох, он хоть немного поможет своему современнику разобраться в хитросплетениях судеб и истории. [11]

Потому что я считаю: на самом деле каждый историк думает о сегодняшнем дне, просто не демонстрирует этого: прежде всего из скромности, а кроме того, во имя научной скрупулезности... В сущности, именно скромность удерживает его от того, чтобы обратиться к чуждым областям, где нет возможности воспользоваться привычными методами, опробованными приемами. Кроме того, историк упорно стремится к научной точности. Как на почве неопозитивистской методологии, так и опровергая ее. Он анализирует Средневековье, применяя определенный исследовательский инструментарий и методику, но обращаясь к современности, к сегодняшнему дню, опасается, что привычные способы окажутся непригодны. [23]

Очень важно, чтобы историк не думал, будто он умнее описываемых им героев. Он имеет над ними лишь одно преимущество: ему известны результаты их действий. Они шли на риск, а историк — нет. И, честно говоря, зная об этом, историк должен держаться подальше от политики. [22]

Однако пытаюсь реалистически взглянуть на себя в роли политика, я полагаю, что во мне как политике ценно именно то, что по профессии я историк, поскольку это занятие вырабатывает определенный угол зрения на события, в которых приходится участвовать, угол зрения, заставляющий рассматривать их в широкой временной перспективе — это определенный способ мышления. Потому что при принятии решения сразу спрашиваешь себя: каковы будут отдаленные последствия? Историк готов к такому диалогу с самим собой. [15]

Политическая деятельность требует внутренней дисциплины, которая часто входит в противоречие с потребностью в интеллектуальной рефлексии. Но одновременно мне представляется важным, что моей профессией по-прежнему является профессия историка, предполагающая подобную рефлексия, определенную дистанцию, особенно по отношению к действиям, рассматриваемым в ограниченной временной перспективе. Длительные исторические процессы обладают совершенно иной логикой. Поэтому я стараюсь думать о судьбах страны, в которых сегодня принимаю участие, в более широкой перспективе. [13]

Историками будущего являются историки прошлого, поскольку они, как ни в какой другой области гуманитарного знания, имеют в своем распоряжении испытательный полигон для разработки и апробации моделей. [8]

Я всегда утверждал, что никто не знает, учит ли нас история чему бы то ни было. И старался четко разграничивать профессию историка и участие в общественной жизни. Однако думаю, что я ошибался. Что все же и в политике я функционирую, осознавая, что являюсь историком. То есть постоянно задаюсь вопросом о последствиях собственных действий. Кроме того, я часто воспринимаю факты и события, в которых участвую, отстраненно. [10]

Долгое время я старался отделить одно от другого: существовал Геремек – историк и Геремек – общественный деятель, Геремек – политик. Я держался за этот водораздел, стремясь сохранить свою независимость как историка и придать ей смысл. Я горжусь профессией историка, но знаю ее рамки — в том, что касается контактов с общественным мнением. Историк – медиевист осознает, что пишет для ограниченного круга читателей. Политик, стремясь к результативной деятельности, должен стараться достучаться до возможно большего числа людей. В своей стране я известен прежде всего как политический деятель. Как историка меня знают лишь те, кто читал мои книги, то есть достаточно узкий круг. Однако я прекрасно отдаю себе отчет в том, что вношу в политическую жизнь: специфическое восприятие современности, основанное на моем видении прошлого. Нет смысла разделять Геремека – историка и Геремека – политика. [23]

Народ

Национализм — наиболее простой и наиболее естественный способ коммуникации с гражданами, поскольку народ есть естественное сообщество. Политические группировки естественными сообществами не являются. Их приходится создавать, формулировать основы, философию, в то время как национальная общность самоочевидна. В коммунистический период идея народа являлась также орудием борьбы с навязанным извне режимом — тоталитаризмом. Лучший эффект давало обращение к национальной или религиозной идее. [23]

В странах с тоталитарным режимом, где власть монополизировала любую общественную коммуникацию, такой способ взаимопонимания имел огромное значение. Монополия давала хороший результат, когда требовалось воспрепятствовать коллективной деятельности, в пропаганде же классовой борьбы она оказывалась менее действенна. Национальные чувства, в случае Польши подкрепляемые

чувствами религиозными, стали стержнем пассивного сопротивления навязанной власти — сопротивления, которое вырабатывало язык правды и основы солидарной обороны. [11]

Характерно, что во всех антикоммунистических революциях можно обнаружить особую чувствительность к национальной проблематике. В национальном восстании, как, например, в 1956 году в Будапеште требовавшие свободу венгры столкнулись с советскими танками. Такие конфликты, вызванные проблемами материального толка, приобретали характер политических движений; во время всех забастовок выдвигались лозунги относительно присутствия советских войск и национальной идентичности. Между требованиями, касающимися цен, и требованиями права на свободу, религию, национальную идентичность и независимость, существовала тесная связь. Это рождало ощущение элементарной, спонтанной солидарности. [11]

Чувство гордости являлось лучшей защитой человеческого достоинства и ощущения национальной принадлежности в ситуации насилия, исторического смерча, который столь часто брал нас в оборот. Мы говорим: «ничего о нас без нас». С нами нужно вести переговоры, вовлекать нас в диалог, а не затыкать рот. (...) На самом деле наши народы не ищут себе защитников и меньше опасаются частичной утраты суверенитета в рамках Евросоюза, чем зависимости от нового гегемона или нового рабства. [14]

Национализм не является проблемой посткоммунистической Европы, это проблема общеевропейская. Ведь националистический экстремизм наблюдается и в Германии, Бельгии, Франции. Впрочем, это естественно: падение любой империи всегда означает освобождение народов, формирование наций. В 1919 году победила концепция права народов на самоопределение, согласно которой Вильсон строил новый миропорядок, но сейчас мы видим, что этот порядок приносит плохие плоды. Следует все же разграничивать национализм и освобождение народов. [24]

В каждом народе существуют такие уровни сознания, к которым апеллировать можно, но к которым ответственному политику апеллировать не следует. Потому что получается как с учеником чародея — политик высвобождает силу, над которой сам не властен. (...) Мы продвигаемся к демократии по очень узенькой тропке, по минному полю, подобно саперу, что ошибается лишь однажды! [20]

Как историк я убежден, что национальные культуры составляют богатство Европы. Она должна объединяться под знаменем единства в разнородности, не утрачивая того, что до сих пор являлось ее преимуществом. Процесс интеграции должен совершаться с учетом национальных традиций и суверенитета. Для того, чтобы демократическая политика нашла подлинную поддержку в обществе, она должна быть связана с идентичностью, а европейская идентичность — трактоваться как демократическая структура. [19]

Ненависть

Почему получается так, что масштабное течение обновления демократической жизни, возвращения к свободе, освобождения от имперского доминирования постепенно окутывает дымка национализма, шовинизма, ненависти к другим, к тем, которых меньше, у которых другие обычаи, которые живут согласно другой традиции? Почему? Думаю, единственно правильного ответа не существует, но мало просто этим возмущаться. Чтобы изменить ситуацию, следует в ней разобраться. Мне кажется, на протяжении долгих десятилетий тоталитарной системы одной из форм защиты являлось культивирование национального чувства, чувства национального единства. Именно оно хранило людей, семьи, социальные группы. И это большое и прекрасное чувство принадлежности к культуре, традиции, народу всегда, неизменно находится в одном шаге от определенного рода извращений, возникновения ненависти к тем, кто живет иначе, принадлежит к другому национальному сообществу. Не то чтобы какая-нибудь страна была свободна от этой опасности, но сейчас с этой проблемой столкнулась именно наша Европа, «вторая Европа» — Центральная. И я думаю о нашей стране, думаю обо всех соседних странах и надеюсь, что остановить эту волну ненависти — если обсуждать проблему честно, открыто, давая ей однозначную этическую оценку — возможно. [18]

Не касаясь различий в стратегиях перемен, осуществляемых разными странами, можно сказать, что все начинается с позитивной дезорганизации. Она представляется мне необходимой, чтобы сокрушить бремя этатизма прежнего строя, чтобы дать возможность заработать механизмам рыночной экономики и демократии. Свобода принесла стресс, связанный с условиями жизни, с работой, возникла фрустрация вследствие расслоения общества. Создалась атмосфера, благоприятная для демагогии, популизма и поиска

козлов отпущения. Когда в общественной жизни тают надежды, освобождается место для ненависти. [11]

Может показаться парадоксом, что в конце столетия то, что мы именуем позором XX века — тоталитаризм, фашистский и коммунистический — распавшись на наших глазах, после недолгого праздника обретения свободы вдруг возрождается, пускай иначе, в иной форме. И мы снова вынуждены констатировать: история ничему не учит. [10]

Противопоставление: политика солидарности / политика ненависти — наиболее простой, а может, и наиболее реалистичный способ характеристики субъектов политической арены конца XX века. Традиционное разграничение политического поля в категориях «левые» — «центр» — «правые», порожденное политическим опытом зари нового времени, все менее себя оправдывает. [16]

Мы обнаруживаем, что националистический XIX век, по сути, еще не закончился. Почему? В настоящее время проблема касается всей Европы, национализм вездесущ, а Запад, похоже, осознает, что народ есть естественное сообщество, а не только политическая организация. В посткоммунистических же странах проблема национализма, как мне кажется, драматически обостряется. Причина — то, что при тоталитарном строе стратегией защиты гражданского населения являлась национальная идентичность. Это самая естественная категория, наиболее доступная массам. [23]

Тоталитарные системы пропагандировались партиями или политическими системами, которые сделали ненависть основным элементом программы и своим главным орудием. [16]

В ситуации кризиса западного политического сознания, который выражался в отсутствии идентификации общества с национальным государством и демократическими политическими институтами, тоталитарные идеологии стремились к созданию общественного единства и легитимизации основ диктатуры или монополии власти одной партии путем эксплуатирования социальной фрустрации и пробуждения ненависти. [16]

Перед всеми посттоталитарными странами в момент распада или победы над старой системой вставала политическая дилемма, которая уходит корнями в этот драматический выбор между ненавистью к ненависти и ненавистью к врагам. [16]

Если в индивидуальном поведении можно утверждать, что отсутствие ненависти к злу является грехом, то в политическом поведении и политической деятельности отсутствие ненависти к злу можно трактовать как поведение предосудительное.

О себе

У меня есть два достоинства: я хорошо приспосабливаюсь к вызовам судьбы и не отношусь к себе слишком серьезно. [17]

Когда формировалось первое правительство, на пост премьер-министра предложили две или три кандидатуры. Свое мнение должны были высказать Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия. Среди кандидатов был и я. Избрали Тадеуша Мазовецкого, и я считаю, что на тот момент это был наиболее удачный выбор из всех возможных. [26]

В моей политической биографии всегда будет не хватать одного — стремления к власти; это во мне отсутствует напрочь. Но ангажированность есть, иначе я бы не участвовал в политической жизни, особенно теперь, когда могу выбирать. Однако мне кажется, что я выполняю свой долг. [23]

Политика увлекала меня как наблюдателя, аналитика. Так получилось, что я стал также ее актером или одним из ее творцов. Стану ли я заниматься политикой и впредь? Не знаю. Это зависит также от того, какой характер она будет носить. Я не скрываю своих амбиций, но они никогда не сводились к ловкости политической игры или борьбе за ключевые посты. Ограничивайся политика этим, меня бы в ней не было! [9]

Меня никогда не интересовали рейтинги, оглашаемые в политических передачах. Наибольшее удовлетворение — за всю свою жизнь — принесла мне роль, которую я сыграл в «Солидарности» — как легальной, так и подпольной. Она не была связана с амбициями участия во власти. (...) Я не видел себя политическим деятелем, оратором и так далее... А потом оказалось, что если нужно, то я с этим справляюсь. Может, мои слова прозвучат банально или неискренне, но я не занимаюсь реализацией своих политических амбиций. А то, что говорят обо мне в политических передачах — нередко меня удивляет, порой раздражает, но в любом случае я не отношусь к этому серьезно. [12]

Меня нельзя назвать примерным учеником школы политического реализма. Я никогда не забуду, каким стыдом переполняла меня реальная политика тех, кто принимал решение в Мюнхене в 1938 году, а потом тех, кто не протестовал против разделения мира и Европы, ибо — как они утверждали — следовало беречь мир. Я никогда не забуду, как политикой реализма оправдывали установленный Сталиным в половине Европы порядок, как мир забыл о нас, когда делили Европу. С моей точки зрения, принципы упорядочения мира должны быть такими, чтобы тот, кто слаб, не чувствовал себя покинутым. Не следует мириться со злом во имя реализма, хотя я знаю, что это звучит несколько риторически. [1]

Я и в двадцать лет исповедовал принципы, которые сегодня могут показаться старомодными — лояльность, приверженность к правде, порядочность. [22]

Старомодность — весьма действенный способ ухаживания за женщинами. Это лучшее доказательство того, что старомодность является, в том числе, и инструментом убеждения. Я использую этот инструмент сознательно. [17]

(...) Я ощущаю себя политиком старомодным, несовременным. Политика сегодня находится в чудовищной зависимости от средств коммуникации. Она всегда от них зависела — прежде это была трибуна, встречи с избирателями, теперь доминируют аудиовизуальные средства. И это оказывает огромное воздействие на политиков. Речь не только об использовании СМИ как технического средства. Средство становится содержанием. Содержанием становится внешняя гладкость и гладкость выражения. Мне это не нравится. Не хотелось бы, чтобы политика развивалась в этом направлении. [17]

Я практически никогда не плачу. Это случилось со мной лишь дважды, в те моменты, когда я испытывал — не побоюсь сказать — счастье. Один раз, когда на Гданьской верфи в августе 1980 года рождалось наше великое общественное и национальное движение. Это самое прекрасное событие в истории Польши и Европы конца XX века. И второй раз, когда 12 марта 1999 года я подписывал в Индепенденсе Вашингтонский договор — Польша вступала в НАТО. У меня сжалось горло и несколько первых слов я произнес с трудом. [21]

Помимо чтения, единственное развлечение, которое я признаю или признавал еще недавно, это парусный спорт. Как-то раз, лет двадцать назад, внезапно налетевшая непогода застала меня на середине озера. Лодка перевернулась, я оказался в воде. Быстро темнело. Был конец октября, вода холодная, на быструю

помощь рассчитывать нечего. Дело могло закончиться плохо. Должен признаться, что в этот последний момент я не думал о том, чего не успел совершить, а жалел о ненаписанных книгах по средневековой истории — о заговоре прокаженных в 1321 году и об игре в шахматы. Я их так и не написал. [11]

Я считаю, что в моих исследованиях по истории Средневековья присутствует определенная эмпатия к этим пасынкам истории, к народу, в том смысле, который вкладывал в него Мишле, к эксплуатируемым, и эта эмпатия заметна также в моей гражданской позиции. Как и своего рода наивная ангажированность. [23]

В моих исследованиях, связанных с проблемой обочины истории, можно увидеть три довольно четко разграниченные области. Первая — работы по социальной истории, посвященные существованию групп и отдельных людей. Я раскапываю биографии тех, кто находился на обочине, и через призму этих человеческих судеб пытаюсь разобраться в общественной просопографии маргиналов. Вторая область — анализ способа мышления и социальной политики по отношению к нищим, бродягам, отщепенцам. Третья — исследование способов изображения, в особенности литературного описания. Эти три перспективы очень часто переплетаются, однако в центре каждой из них — своя логика. [23]

Я оптимист. И не только потому, что без оптимизма в публичной жизни функционировать невозможно. (...) У Польши очень часто не получалось. Теперь у Польши может и должно получиться. [10]

Составитель и редактор Яцек Глажевский

Из книги «Профессор – это не оскорбление. Алфавит Бронислава Геремека». Краков, 2013.

С согласия фонда «Центр им. Б.Геремека».

Использованные тексты Бронислава Геремека

1. *Biegli w terrorze i miękką Europą*. Z Bronisławem Geremkiem o polityce światowej po zamachu w Madrycie 11 marca rozmawia Artur Domosławski, „Gazeta Wyborcza” 2004, nr 68 z dn. 19 marca.

2. *Człowiek i czas: jedność kultury średniowiecznej*, w: *Kultura Polski średniowiecznej X–XIII w.*, red. Dowiat, Warszawa 1985.
3. *Czy można ciągnąć tygrysa za wąsy?* Z Bronisławem Geremkiem, przewodniczącym sejmowej Komisji Spraw Zagranicznych, rozmawiają Katarzyna Janowska i Witold Bereś, „Tygodnik Powszechny” 1995, nr 40 z dn. 28 maja.
4. *Dlaczego warto głosować na Unię Wolności?*, „Gazeta Wyborcza” 1997, nr 196 z dn. 23 sierpnia.
5. Dwa narody. Nie ma sprawiedliwości bez wolności, „Liberte! Głos wolny, wolność ubezpieczający” 2009, nr II.
6. *Europa wielu ojczyzn*, tłum. E. Stolarczyk-Makowska, „Gazeta Wyborcza” 2008, nr 168 z dn. 19–20 lipca [tekst opublikowany pośmiertnie] .
7. *Fajki mojego życia*. Z Bronisławem Geremkiem rozmawia Dorota Subotić, „Rzeczpospolita” 1997, nr 116 z dn. 6 lutego.
8. *Fernand Braudel — wizjoner historii*, „Znak” 1994, nr 11.
9. *Gra i fotele, to nie dla mnie*. Z Bronisławem Geremkiem rozmawia Wilhelmina Skulska, „Przekrój” 1991, nr 23 z dn. 13 stycznia.
10. *Historia nauczycielką życia?* Z prof. Bronisławem Geremkiem rozmawia Ryszard Rybus, „Rzeczpospolita” 1993, nr 92 z dn. 21–22 sierpnia.
11. *Historyk w świecie polityki*. Wykład inauguracyjny w Katedrze Międzynarodowej College de France, 8 stycznia 1993 r., tłum. Zaremska, „Gazeta Wyborcza” 1993, nr 7 z dn. 9–10 stycznia.
12. *Kontrakt był potrzebny*. Rozmowa z prof. Bronisławem Geremkiem, przewodniczącym Obywatelskiego Klubu Parlamentarnego, „Wspólnota” 1990, nr 10 z dn. 19 maja.
13. *Między Wschodem i Zachodem, Ameryką i Europą*. Z Bronisławem Geremkiem rozmawiają Andrzej Jonas, Magdalena Sowińska i Witold Żygulski, „The Warsaw Voice” 2000, nr 9 (592) z dn. 1 marca [dodatek specjalny].
14. *My, wy i oni*, „Gazeta Wyborcza”, 5–6 kwietnia 2003; przedr. w: „Centrum. Ogólnopolski magazyn informacyjny Unii Wolności” 2003, nr 3 z dn. 12 kwietnia.
15. *Politycy i historia*, „Mówią Wieki” 1993, nr 2.
16. *Polityka i nienawiść*, „Gazeta Wyborcza” 1992, nr 773 z dn. 2 stycznia.
17. Polityka musi wywoływać zdziwienie. Rozmowa z Agnieszką Kublik i Moniką Olejnik, „Gazeta Wyborcza” 2000, nr 293 z dn. 16–17 grudnia.
18. *Przeciw nienawiści*, „Tygodnik Powszechny” 1990, nr 14 z dn. 8 kwietnia.
19. *Rzeczpospolita europejska*. Rozmowa z prof. Bronisławem Geremkiem, ministrem spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej, „Wprost” 1998, nr 46 z dn. 21 czerwca.
20. *Saper czy uczeń czarnoksiężnika?* Z prof. Bronisławem Geremkiem rozmawiają Ewa Grzybowska-Łukaszek i Anna Raczyńska,

- „Dziennik Wieczorny” 1990, nr 225 z dn. 20 listopada.
21. *W rękach kapryśnej damy*. Rozmowa z Arturem Domosławskim i Piotrem Pacewiczem, „Gazeta Wyborcza” 2001, nr 67 z dn. 20 marca.
 22. *Wrytmie fajki*. Z prof. Bronisławem Geremkiem rozmawia Kazimierz Targosz, „Przekrój” 2001, nr 5 (2902) z dn. 5 lutego.
 23. *Wspólne pasje*. Rozmowę przeprowadził Philippe Sainteny, tłum. E.T. Sadowska, Warszawa 1995 [współautor Georges Duby].
 24. *Wulkan przyczajony*. Rozmowa redakcyjna z udziałem prof. Bronisława Geremka, ks. prof. Józefa Tischnera, pośła Jana Rulewskiego, „Gazeta Pomorska” 1994, nr 42 z dn. 4 lutego.
 25. *Wyobrażenia czasowa polskiego dziejopisarstwa średniowiecznego*, „Studia Źródłoznawcze. Commentationes” 1977, t. XXII.
 26. *Wypowiedzi*, w: *L. Wałęsa, Droga do prawdy. Autobiografia*, Warszawa 2008.

Обращение

Ассоциация польских писателей

Варшава, 28.06.2017

Правление Ассоциации польских писателей призывает людей слова, писателей, журналистов, сотрудников СМИ, а также частных лиц, выступающих в масс-медиа и социальных сетях, к проявлению ответственности.

В последнее время на волне продолжающейся политической дискуссии появляются ксенофобские высказывания радикального характера, направленные против тех или иных групп людей в связи с их убеждениями, вероисповеданием, происхождением или религиозными взглядами (либо в связи с нежеланием эти убеждения публично демонстрировать).

Хотим напомнить, что за распространение каких-либо высказываний и возникающий в связи с этим общественный резонанс ответственность несет каждый участник публичной дискуссии. Легко перейти границу между выражением своего мнения и призывом к актам агрессии, продиктованным ненавистью. Мы призываем предвидеть опасные последствия используемых слов и перестать пропагандировать человеконенавистнические идеи. Ответственность за участвовавшие акты агрессии ложится не только на тех, кто их совершает, но также на их свидетелей и людей, которые такие воззрения распространяют либо оправдывают.

*Анна Насиловская, председатель Ассоциации польских писателей,
28.06.2017*